

**А К А Д Е М И Я   Н А У К   С С С Р**

---

**ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ  
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ**

# **КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ**

125

**ПАМЯТНИКИ СЛАВЯНО-РУССКОЙ  
АРХЕОЛОГИИ**



**ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»**



АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ  
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ

125

ПАМЯТНИКИ СЛАВЯНО-РУССКОЙ  
АРХЕОЛОГИИ



ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»  
МОСКВА 1971



17(2)4

Выпуск содержит труды советских археологов, посвященные изучению славянских древностей на территории Восточной Европы. В нем помещаются как материалы новых археологических памятников, открытых за последние годы, так и результаты изучения уже известных материалов под новым углом зрения. В ряде статей рассматриваются теоретические вопросы, касающиеся некоторых проблем хронологии, истории и культуры славянских народов Восточной Европы.

Выпуск представляет интерес для специалистов по истории археологии, искусствоведению, а также для широкого круга преподавателей, аспирантов и студентов.

## Редакционная коллегия:

*Н. Н. Воронин, Н. Н. Гурина, А. В. Кольцов (ответственный секретарь),  
И. Т. Круликова (ответственный редактор), К. Х. Кушарев,  
А. Ф. Медведев, Н. Я. Мерперт, Р. М. Мунчаев, П. А. Раппопорт  
(зам. ответственного редактора), В. В. Седов, Д. Б. Шолов, А. Л. Якобсон*

## ИВАН ИВАНОВИЧ ЛЯПУШКИН

23 сентября 1968 г. от нас навсегда ушел Иван Иванович Ляпушкин. Жизнь его оборвалась внезапно, когда он был полон новыми планами. После многолетних работ на территории восточноевропейской лесостепи и приведения в систему огромного материала Юга России он значительно расширил объем своих исследований, включив в них и северные лесные районы. Таким образом, в его поле зрения в последние годы была вся Восточная Европа.

Все 30 лет научной деятельности Ивана Ивановича были отданы одной проблеме — истории славян Восточной Европы накануне и во время сложения Древнерусского государства. Проблема эта огромна и сложна. Иван Иванович исследовал ее широко и в территориальном и в хронологическом отношении. Так возникли его работы о культурах салтовской, черняховской и даже культуре оседлых племен скифского времени.

По всем этим «боковым» темам Иван Иванович сумел сказать свое, новое слово. Особенно плодотворными были его работы о салтовской культуре. Его гипотеза о сложении салтовской культуры из двух этнически различных культур — аланской и болгарской — находит все новые и новые подтверждения. Однако эти, казалось бы, побочные темы на самом деле были подчинены главной проблеме исследований Ивана Ивановича — выявлению подлинно славянской культуры, определению ее облика и ее территориально-хронологических границ. Благодаря широте охвата материала и строжайшему его анализу Иван Иванович смог убедительно показать, что в эпоху железа на территории Днепровского лесостепного Левобережья непрерывной оседлости не было, что периоды оседлости были дважды прерваны вторжениями кочевников. Такими периодами прочной оседлости населения этих районов, генетически непосредственно не связанного, были: скифская эпоха VII—III вв. до н. э., черняховская культура III—IV вв. и славянская культура, появляющаяся на Днепровском Левобережье в VIII—IX вв. Данная периодизация, установленная по материалам Левобережья, в известной мере верна и для Днепровского Правобе-





## СПИСОК ПЕЧАТНЫХ РАБОТ И. И. ЛЯПУШКИНА

режья. Иван Иванович допускал, что одной из существенных особенностей состава населения Правобережья может быть более раннее появление здесь славян по сравнению с левым берегом Днепра. Данное предположение, высказанное им в 1953 г. и в 1956 г., через несколько лет блестяще подтвердилось открытием славянских поселений VI—VII вв. к западу от Днепра.

Свое предположение о возможном более раннем появлении славян на Правобережье Иван Иванович основывал на гипотезе о движении славян в Восточную Европу с запада, о приходе части славянских племен на Правобережье из Подунавья, что могло произойти лишь в VI—VII вв. Сопоставляя славянские памятники Днепровского Левобережья со славянскими памятниками правого берега Днепра, Центральной Европы и Балканского полуострова, Иван Иванович обосновал чрезвычайно важное положение о большой близости славянской культуры днепровской правобережной и левобережной лесостепи в VIII—IX вв., о единстве и монолитности в VI—VII вв. общеславянской культуры от Днепра до Эльбы и Дуная. Он выдвинул интересную гипотезу о первоначальном членении единой славянской культуры не на западный и восточный варианты, как полагают многие исследователи, а на северный и южный.

Особо следует отметить положение Ивана Ивановича, доказанное в основном на материалах раскопанного им Новотроицкого городища, что накануне образования государства первичной социально-экономической ячейкой восточного славянства была уже не большая патриархальная семья, не родовая община, а община соседская, состоящая из отдельных небольших семей, ведущих довольно обособленное хозяйство.

Наметив пути решения основных проблем истории славян южнорусских областей, Иван Иванович в последние годы обратился к изучению источников по истории славян на севере, в лесной зоне. Этот новый этап в работе Ивана Ивановича был не менее сложен, чем предыдущий. Сложность заключалась в том, что в запутанном клубке этнических культур лесной полосы славянские погребальные памятники были не отчленены от памятников иных этнических групп, а бесспорно славянские поселения совсем не были известны. Результаты первых лет работы в этой области вошли в монографию Ивана Ивановича «Славяне Восточной Европы накануне образования Древнерусского государства» (МИА, № 152, 1968), вышедшую уже после его смерти. В ней он развивает и обосновывает мысль о том, что появление славян в лесной зоне относится лишь к VIII—IX вв. и что бесспорно славянские погребальные памятники северо-восточных славян следует искать не среди длинных курганов и сопкок, а среди небольших круглых насыпей. Для полевой работы Иван Иванович избрал Гнездово — один из центральных памятников для решения вопросов балто-славяно-норманских отношений. Первые же годы работы на одном из гнездовских поселений дали интереснейшие результаты по истории северо-восточного славянства IX—X вв., но, к сожалению, работа эта оборвалась в самом начале. Таким образом, Иван Иванович в целом создал концепцию исторического развития славянства в VI—IX вв.

Иван Иванович был и блестящим полевым исследователем. Его техника раскрытия и фиксации памятника была ювелирна. Из добытых материалов он умел извлекать максимум того, что они могли дать. Его печатные работы поражают умением ограничивать себя достоверными фактами и не поддаваться соблазну преувеличивать возможности источника.

Три монографии и большое количество статей, написанных Иваном Ивановичем, — это существенный вклад в изучение истории восточных славян. Но книги Ивана Ивановича — это далеко не все, что он оставил. Он передал новому поколению археологов-славистов, пришедшему ему на смену, свое отношение к работе, отношение, исполненное чувства ответственности за выполняемое дело.

Раскопки правобережного Цимлянского городища. — КСИИМК, вып. IV, 1940, стр. 58—62.

Славяно-русские поселения IX—XII вв. на Дону и Тамани по археологическим памятникам. — КСИИМК, вып. VI, 1940, стр. 89—92. Рец.: Мавродин В. В. Славяно-русское население Нижнего Дона и Северного Кавказа в X—XIV вв. (УЗЛГПИ, 1938, т. 11, стр. 231—273). — ВДИ, 1940, № 1, стр. 150—153.

Славяно-русские поселения IX—XII ст. на Дону и Тамани по археологическим памятникам. — МИА, № 6, 1941, стр. 191—246.

Материалы к изучению юго-восточных границ восточных славян VIII—X вв. — КСИИМК, вып. XII, 1946, стр. 117—127.

Археологические памятники эпохи железа в бассейне среднего течения р. Ворсклы (г. Полтава — с. Бельск). — КСИИМК, вып. XVII, 1947, стр. 122—132.

Итоги полевых изысканий в бассейне р. Ворсклы (Полтавская и Харьковская области) летом 1945 г. и некоторые выводы из них. В кн.: «Рефераты научно-исследовательских работ за 1945 г.» (АН СССР. ОИФ). М., 1947, стр. 82—84.

О датировке городищ роменско-боршевской культуры. — СА, IX, 1947, стр. 121—136.

Поселения эпохи железа в бассейне р. Ворсклы. — КСИИМК, вып. XXI, 1947, стр. 96—98.

Археологические памятники в бассейне р. Ворсклы. (Из полевых изысканий 1945 г.). — КСИИМК, вып. XIX, 1948, стр. 27—37.

Древнеславянское поселение VIII—XIII ст. на территории г. Полтавы. — АП, 1949, т. I, стр. 58—75. На украинском языке. Резюме на русском языке.

Из истории Левобережной Украины в эпоху железа. (По материалам полевых исследований 1938, 1940, 1945 и 1946 гг. в бассейне р. Ворсклы). — СА, XI, 1949, стр. 385—395.

Поселения зольничной культуры «скифов-пахарей» в бассейне Сейма. — КСИИМК, вып. XXVII, 1949, стр. 67—71.

Памятники культуры полей погребений левобережья Днепра. — КСИИМК, вып. XXXIII, 1950, стр. 29—38.

Памятники культуры «полей погребений» первой половины I тысячелетия н. э. Днепровского лесостепного левобережья. (По материалам полевых изысканий 1940, 1945—1948 гг.). — СА, XIII, 1950, стр. 7—32.

Поселения зольничной культуры «скифов-пахарей» в северной полосе Днепровского лесостепного левобережья. (По материалам полевых исследований 1947 г. в бассейне р. Сейма). — СА, XII, 1950, стр. 41—65.

Итоги полевых изысканий 1945 г. в бассейне р. Ворсклы и некоторые выводы из них. — СА, XV, 1951, стр. 17—43.



Поселение скифского времени близ дер. Пожарная Балка Полтавской обл. — КСИИМК, вып. XXXVII, 1951, стр. 125—130.  
Исследования Днепровской левобережной экспедиции 1947—1948 гг. — АП, 1952, т. III, стр. 285—306. На украинском языке. Резюме на русском языке.

Раннеславянские поселения Днепровского лесостепного левобережья. — СА, XVI, 1952, стр. 7—41.

Из полевых изысканий разведочного отряда Волго-Донской экспедиции 1950 г. — КСИИМК, вып. 50, 1953, стр. 127—136.

Место роменско-боршевских памятников среди славянских древностей. — ВЛУ, 1956, № 20. Серия истории, языка и литературы, № 4, стр. 45—60.

О жилищах восточных славян Днепровского Левобережья VIII—X вв. — КСИИМК, вып. 68, 1957, стр. 3—13.

Археологические памятники зоны затопления Цимлянского водохранилища. (По материалам разведочного отряда Волго-Донской археологической экспедиции ИИМК АН СССР 1950—1951 гг.). — МИА, № 62, 1958, стр. 227—262.

Городище Новотроицкое. О культуре восточных славян в период сложения Киевского государства. — МИА, № 74, 1958, 328 стр.

Карнауховское поселение. — МИА, № 62, 1958, стр. 263—314.

Курганный могильник близ Карнауховского поселения. — МИА, № 62, 1958, стр. 315—322.

Памятники салтово-маяцкой культуры в бассейне р. Дона. — МИА, № 62, 1958, стр. 85—150.

Славянское поселение на территории хут. Ближняя Мельница. — МИА, № 62, 1958, стр. 337—347.

Средневековое поселение близ ст. Суворовской. — МИА, № 62, 1958, стр. 323—336.

К вопросу о памятниках воынецовского типа. — СА, XXIX—XXX, 1959, стр. 58—83.

Славянские памятники второй половины I тысячелетия н. э. верхнего течения р. Десны. — КСИИМК, вып. 74, 1959, стр. 81—86.

Днепровский левобережный отряд Южнорусской экспедиции. — КСИИМК, вып. 79, 1960, стр. 96—98.

Днепровское лесостепное Левобережье в эпоху железа. Археологические разыскания о времени заселения Левобережья славянами. — МИА, № 104, 1961, 384 стр.

К вопросу о культурном единстве славян. — В кн.: «Исследования по археологии СССР. Сб. статей в честь М. И. Артамонова». Л., 1961, стр. 203—209.

Некоторые вопросы из предистории восточных славян. — КСИИМК, вып. 100, 1965, стр. 116—125.

Археологические памятники славян лесной зоны Восточной Европы накануне образования Древнерусского государства (VIII—IX вв.). — В кн.: «Культура Древней Руси». Сб., посвященный 40-летию научной деятельности Н. Н. Воронина. М., 1966, стр. 127—136.

Новое в изучении Гнездова. — В кн.: «Археологические открытия 1967 г.». М., 1968, стр. 43—44.

Славяне Восточной Европы накануне образования Древнерусского государства (VIII—первая половина IX в.). Историко-археологические очерки. — МИА, № 152, 1968, 192 стр.

Список составила Р. Ш. Левина

## I. ДОКЛАДЫ И ДИСКУССИИ

М. А. ТИХАНОВА

### О РАННЕСЛАВЯНСКОМ ПОСЕЛЕНИИ В ЛУКЕ-ВРУБЛЕВЕЦКОЙ

Многослойное поселение в Луке-Врублевецкой благодаря раскопкам и исследованиям С. Н. Бибикова получило широкую известность не только среди советских, но и зарубежных археологов как один из важнейших и интереснейших памятников раннеземледельческих племен южных районов нашей лесостепи<sup>1</sup>. Широко известно оно также как одно из первых открытых на относительно большой площади поселений черняховской культуры на Днестре и, наконец, как средневековое славянское поселение XII—XIII вв.<sup>2</sup>

Однако культурные напластования в Луке-Врублевецкой сложнее, чем это может представиться на первый взгляд. Если в восточной части поселения культурный слой первой половины I тысячелетия н. э., отделенный от нижележащего, раннетрипольского слоя стерильной прослойкой, занимает узкую прибрежную полосу, а средневековое поселение в основном располагается в некотором отдалении от берега, то на восточной окраине поселения положение культурных слоев усложняется наличием отложений периода раннего железа, а в прибрежной части и следами раннеславянского поселения, врезающегося в поселение черняховской культуры. Не менее сложна картина и на так называемом бугре — на участке к западу от современного села. Здесь черняховское поселение, тянущееся узкой полосой по вершине «бугра», не подслаивается трипольским — оно в основном

<sup>1</sup> С. Н. Бибилов. Раннетрипольское поселение Лука-Врублевецкая. К истории раннеземледельческо-скотоводческих племен на юго-востоке Европы. МИА, № 38, 1953.

<sup>2</sup> М. А. Тиханова. Раскопки верхних горизонтов в с. Лука-Врублевецкая. АП, т. I, Київ, 1949, стр. 177—183; она же. Раскопки поселения первых веков н. э. в Луке-Врублевецкой. КСИИМК, вып. XXVII, 1949, стр. 72—74; она же. Археологические памятники Среднего Поддniestровья в первой половине I тысячелетия н. э. КСИИМК АН УССР, вып. 2, 1953, стр. 16—18; она же. Поселение культуры «полей погребений» в Луке-Врублевецкой Хмельницкой обл. КСИИМК АН УССР, вып. 4, 1955, стр. 45—46; она же. О локальных вариантах черняховской культуры. СА, 1957, № 4, стр. 179—184; она же. Днестро-Волынский отряд Галицко-Волынской экспедиции. КСИИМК, вып. 79, 1960, стр. 93; Э. А. Сямонович. Про культуру полей поховань на Поділі (в зв'язку з розкопками в с. Луці-Врублевецкой). «Археологія», 5, Київ, 1951, стр. 105—115; он же. О датировке поселения первых веков н. э. в Луке-Врублевецкой. КСИИМК, вып. 57, стр. 23—32; И. Д. Зильманович. Древнерусская гончарная печь в с. Лука-Врублевецкая. «Тезі доповідей Подільської історико-краєзнавчої конференції (Жовтень, 1965)». Хмельницький, 1965, стр. 86—87; она же. Гончарные печи Луки-Врублевецкой. КСИИМК, вып. 112, 1967, стр. 112—117; Г. Б. Федоров. Население Прутско-Днестровского междуречья в I тысячелетии н. э. МИА, № 89, 1960, стр. 57—172.



однослойное, но перекрывается местами позднеславянским; наблюдаются здесь и следы жизни второй половины I тысячелетия (находки керамики).

Наличие в верхнем культурном слое в Луке-Врублевецкой наряду с основными материалами первой половины I тысячелетия н. э. культурных остатков второй его половины отмечалось нами еще в процессе раскопок как в 1953 г.<sup>3</sup>, так и в 1955 г.<sup>4</sup> При этом подчеркивалась необходимость уточнить характер культурных остатков второй половины I тысячелетия н. э. и указывалось, что «они, видимо, не связаны непрерывной линией развития с поселением первой половины I тысячелетия. Последнее было заброшено, оставлено его жителями где-то в самом конце IV или в начале V в., в эпоху гуннского завоевания. Тем важнее определить отсутствие или наличие между ними культурных связей и преемственности».

Выполнение этой задачи важно, во-первых, потому, что в Среднем Поднестровье до сих пор не выявлено ни одного раннеславянского поселения, во-вторых, потому, что поможет внести большую ясность при определении верхней даты черняховского поселения в Луке-Врублевецкой. Как известно, некоторые украинские археологи (М. Ю. Брайчевский, Е. В. Махно, М. Ю. Смишко) рассматривали Луку-Врублевецкую как один из основных памятников поздней группы черняховской культуры, относя ее верхний слой к VI и даже VII в., и усматривали непрерывную линию развития жизни на поселении от II до середины VII в.<sup>5</sup>

Обратимся к тем участкам поселения, где прослеживались культурные отложения второй половины I тысячелетия н. э., — это раскоп III 1946 г. и шурф 14 1948 г.

На раскопе III (прибрежный участок) на глубине 1,10 м от современной дневной поверхности была обнаружена прямоугольных очертаний печь, небрежно сложенная без применения раствора из неправильной формы крупных камней (рис. 1). Размеры печи 1,25 × 1,35 м, толщина задней стенки 0,60 м, боковых — 0,35—0,40 м (рис. 2). Печь ориентирована по сторонам света, с некоторым отклонением. Сохранность печи плохая: боковые стенки обвалились, под — утрамбованный участок суглинка — частично разрушен, устье заполнено золой, в которой было множество мелких угольков. Находок в самой печи не было обнаружено, но перед устьем печи на уровне залегания пода лежало пять раздавленных сосудов. Это горшки больших размеров, красновато-бурого цвета, вылепленные от руки, широкогорлые, с узким дном, слабо выраженной шейкой и слегка отогнутым венчиком; в тесте имелись примесь крупнозернистого песка и блестящие слюды. Среди обломков сосудов найдены три фрагмента сковородок.

Поскольку основной задачей Среднеднестровской экспедиции было исследование ранне трипольского слоя, а изучение верхнего культурного слоя имело только вспомогательный характер, дальнейшего исследования на данном участке проведено не было. Однако и то, что было вскрыто, указывает на характер комплекса и его дату. В 1948 г. были закончены контрольные шурфы в целях уточнения восточных границ поселения чер-



Рис. 1. Печь в раскопе III 1964 г. Вид с ЗЮЗ

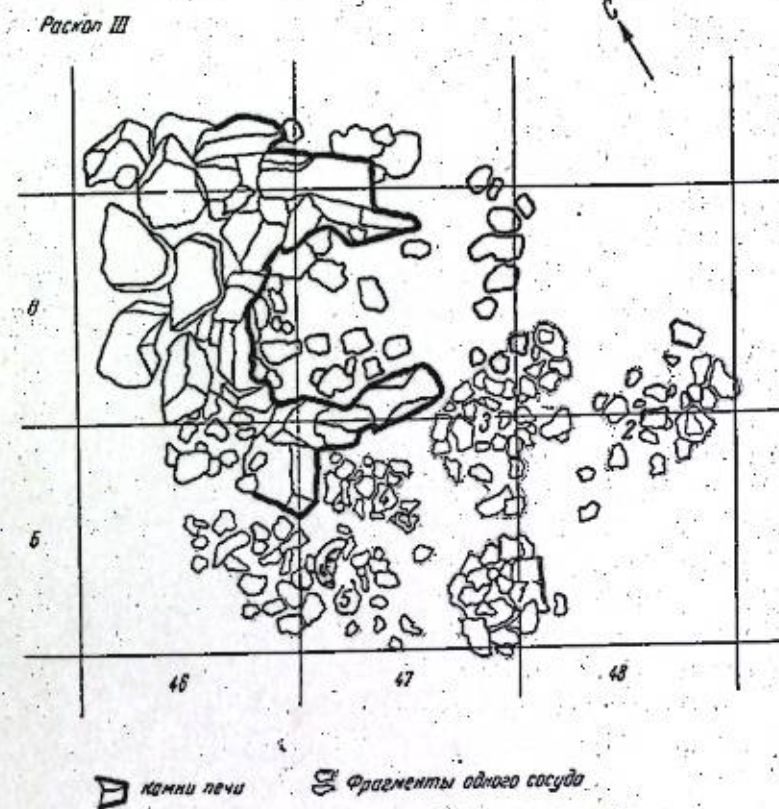


Рис. 2. План печи и скопления керамики

<sup>3</sup> Раскоп III и шурф 14. См.: М. А. Тиханова. Археологические памятники Среднего Поднестровья... стр. 16.

<sup>4</sup> М. А. Тиханова. Поселение культуры «полей погребений...», стр. 46.

<sup>5</sup> М. Ю. Брайчевский. Археологічні матеріали до вивчення культури східно-слов'янських племін VI—VIII ст. «Археологія», 4. Київ, 1950, стр. 49—50; он же. Походження Русі. Київ, 1968, стр. 44, 94, 96, 98; Е. В. Махно. Пам'ятки культури полів поховань черняхівського типу. «Археологія», 4. Київ, 1950, стр. 71; М. Ю. Смишко. Раннеславянская культура Поднестровья в свете новых археологических данных. КСИИМК, вып. 44, 1952, стр. 76—82. Опровержение датировки см.: Э. А. Сымонювич. О датировке поселения первых веков н. э. в Луке-Врублевецкой — и особенно: А. К. Амброз. Фибулы европейского юга СССР. САИ, вып. Д1-30, 1966, стр. 73.

няховской культуры и средневекового славянского. Одним из таких шурфов, давшим весьма выразительный материал, оказался шурф 14. Расположен он в 35 м от берега Днестра, площадь его 3,25 × 2,40 м при глубине 1,90 м, насыщенность культурного слоя, залегающего здесь в пределах 1,00 м, незначительная. Культурные остатки представлены в основном керамикой и довольно многочисленными костями домашних животных. На глубине 1,10 м была обнаружена развалившаяся печь-каменка; ее под



залегал на глубине 1,30 м от современной дневной поверхности. К юго-востоку от развала печи на расстоянии 0,15 м прослежена небольшая ямка, в которой найдены грудная кость и ребра быка, к западу от печи — скопление сильно обожженных камней. Печь сложена из камней небольших размеров (толщина их в среднем 0,10—0,15—0,20 м) без раствора, ориентирована с юго-востока на северо-запад, устье с юго-востока. Под печи (размеры его 0,82 × 0,72 м) представлял участок хорошо утрамбованного и сильно обожженного суглинка.

Печь, очевидно, была заброшена и затем разобрана, а камни из кладки печи были сложены в кучу к западу от нее. Такое предположение подтверждается наблюдениями в процессе раскопок: в то время как под подом печи суглинок прожжен очень сильно и на значительную глубину, под кучей камней он не обожжен вовсе. На уровне развала печи, около ее пода, были обнаружены немногочисленные, но крупные фрагменты керамики: состав ее очень выразителен: только три маленьких обломка принадлежат типичным образцам столовой черняховской посуды — тонкостенным сероглиняным, лощеным сосудам, сделанным на гончарном круге. Основную же группу керамики составляет лепленная от руки из грубого, плохо промешанного теста с примесью дресвы или шамота, плохо обожженная, розовато-красноватого цвета, в изломе темно-серая или черная. Основной тип сосудов — толстостенные горшки (толщина достигает 1—1,2 см), плоскодонные, со слегка выделенным дном. Господствующая форма — узкодонные, широкогорлые сосуды, с максимальным расширением тулова в верхней части, слабо выраженной шейкой и слегка отогнутым венчиком. У одного из фрагментов характерный утонченный венчик с горизонтально срезанным краем. Встречаются фрагменты горшков баночной формы, а также горшков-мисок в виде перевернутого срезанного конуса с прямым, горизонтально срезанным краем. Один из фрагментов принадлежит тонкостенному горшку со слегка скругленным краем венчика. Отмечено несколько случаев находок фрагментов, принадлежащих одному сосуду. Специального внимания заслуживает обломок сковородки того же теста и обжига, что и описанные выше, а также фрагмент нижней части красноглиняной желобчатой амфоры яйцевидной формы. В куче камней, выбранных из кладки печи, керамика того же типа, что и в ближайшем окружении печи.

По формам сосудов, составу теста, обжигу керамика в шурфе явно отлична от лепной керамики, найденной в черняховских полуземлянках, и сближается с описанными выше большими сосудами около печи-каменки в раскопе III.

Кроме керамики в северо-западном углу шурфа, близ пода печи, к северо-западу, была найдена бронзовая трапециевидная подвеска (разломана на четыре куска) с обломанным верхним краем. Подвеска украшена точечным орнаментом (по краю) и тремя выпуклинами (рис. 3). Высота сохранившейся части 5,1 см, основание 4,7 см. Подвеска принадлежит к типу женских украшений, широко распространенному в Восточной Европе в середине и второй половине I тысячелетия н. э. Такого рода подвески известны в Мощинском кладе<sup>5</sup>, в так называемых антских кладах (у с. Хацки<sup>7</sup>, в Суджанском<sup>8</sup>, Козиевском<sup>9</sup>, Новоодесском<sup>10</sup>), на по-

<sup>5</sup> Н. И. Булычев. Журнал раскопок по части водораздела верхних притоков Волги и Днепра. М., 1899, табл. XI, 1—6.

<sup>7</sup> А. А. Бобринский. Раскопки курганов в окрестностях м. Смеля, т. III. СПб., 1901, стр. 147—148 и табл. XIV, 15—16; Б. А. Рыбаков. Древние русы. СА, XVII, 1953, стр. 73—74 и рис. 7, а на стр. 55.

<sup>8</sup> Б. А. Рыбаков. Новый Суджанский клад антского времени. КСИИМК, вып. XXVII, 1949, стр. 81 и рис. 32, б на стр. 80; он же. Древние русы, стр. 64 и рис. 11.

<sup>9</sup> Б. А. Рыбаков. Древние русы, стр. 66—67.

<sup>10</sup> Там же, стр. 69.

селении Луг I в бассейне Тясмина<sup>11</sup>, в Надпорожье близ с. Волошского<sup>12</sup>, в Замисько (Бушняк) Харьковской обл.<sup>13</sup>, на городище Зимно<sup>14</sup>, а также в длинных курганах Смоленщины (Ярцево, Хотынь, Дроково, Арефино, Лопино<sup>15</sup>, Цурковка<sup>16</sup>, Акатово<sup>17</sup>) и в круглом кургане у дер. Шиловка<sup>18</sup>, в верхнем слое Банцеровского городища в Белоруссии<sup>19</sup> и в рязанских могильниках<sup>20</sup>. В комплексах черняховской культуры (могильниках и поселениях), равно как и пшеворской культуры, трапециевидные подвески отсутствуют. Происходящая из Черняхова трапециевидная подвеска представляет случайную находку (найденная местными крестьянами) и никакого отношения к Черняховскому могильнику не имеет<sup>21</sup>. В то же время трапециевидные подвески с аналогичным орнаментом известны в относительно большом числе в памятниках зарубинецкой культуры<sup>22</sup>, притом только польской ее группы, что дало основание польскому археологу В. Шиманьскому усматривать в зарубинецких трапециевидных подвесках прарформу всей перечисленной выше группы<sup>23</sup>. Думается, однако, что корни ее можно искать глубже, поскольку близкого типа подвески известны в еще более раннее время — в позднем гальштатте, в частности на Поморье<sup>24</sup>.

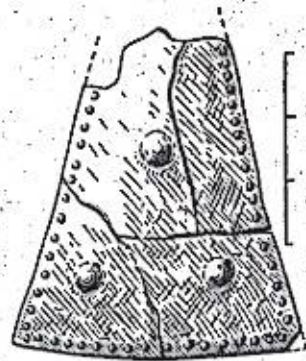


Рис. 3. Бронзовая подвеска из шурфа 14

<sup>11</sup> Д. Т. Березовец. Поселения уличей на р. Тясмине. МИА, № 108, 1963, стр. 164, рис. 11, 1.

<sup>12</sup> Д. Т. Березовец. Указ. соч., стр. 197, рис. 24, 20; А. Т. Брайчевская. Поселение у балки Яцевой. МИА, № 108, 1963, стр. 260, 262.

<sup>13</sup> І. Луцкевич. Матеріали до карти поширення пам'яток культури полів поховань на території Харківської області. «Археологія», II. Київ, 1949, стр. 169, табл. 1, 4. Автор ошибочно относит эти находки к культуре полей погребений. Та же ошибка повторена М. Ю. Брайчевским в его работе «Біля джерел слов'янської державності». Київ, 1964, стр. 160, рис. 39, 5.

<sup>14</sup> В. В. Аулик. Матеріали з верхнього горизонту городища біля с. Зимно, Волинської області. МДАПВ, 3, 1961, стр. 134 и рис. 5; он же. Металеві прикраси і прикраси з верхнього горизонту городища в с. Зимно, Волинської області. МДАПВ, 4, 1962, стр. 100, № 29 и 30, табл. II, 15, 14.

<sup>15</sup> Н. Н. Чернягин. Длинные курганы и сопки (Археологическая карта). МИА, № 6, 1941, стр. 109—111, табл. IV, 8; V, 7—17, 20; VI, 4, 8; VIII, 6, 7, 13, 25, 31, 35; П. Н. Третьяков. Северные восточнославянские племена. МИА, № 6, 1941, стр. 42, 43, рис. 14, 15, 1.

<sup>16</sup> Е. А. Шмидт. Длинные курганы у дер. Цурковки м Смоленском районе. СА, 1958, стр. 168, рис. 14, 11, 16, 17.

<sup>17</sup> Е. А. Шмидт. Некоторые археологические памятники Смоленщины второй половины I тыс. н. э. МИА, № 108, 1963, стр. 63, 64, 66 и рис. 13, 17, 18 на стр. 62.

<sup>18</sup> П. Н. Третьяков. Указ. соч., стр. 43, рис. 15; ср.: И. И. Ляпушкин. Славяне Восточной Европы накануне образования Древнерусского государства. МИА, № 152, 1968, стр. 113.

<sup>19</sup> П. Н. Третьяков. Указ. соч., стр. 44, рис. 17, 2.

<sup>20</sup> А. А. Силицын. Древности бассейнов рек Оки и Камы. МАР, вып. 25, 1906, табл. XXIII, 14, 17; XXIV, 3, 8, 11; XXVI, 10; XXVII, 4; XXIX, 3; XXX, 7.

<sup>21</sup> Б. И. и В. И. Ханенко. Древности Приднепровья, вып. VI. Киев, 1907, табл. XVIII, 307.

<sup>22</sup> Ю. В. Кухаренко. Памятники железного века на территории Полесья. САИ, вып. Д1-29, 1961, табл. 15, 10; 17, 10, 22; он же. Зарубинецкая культура. САИ, вып. Д1-19, 1964, табл. 15, 9; 17, 1—4; К. В. Каспарова. Могильник и поселение зарубинецкой культуры у дер. Отвержицы. КСИА, вып. 112, 1967, стр. 120—121, рис. 40, а.

<sup>23</sup> W. Szymański. Niektóre aspekty kontaktów słowiańsko-baltyjskich w świetle wyników badań w Szeligach pow. Plock. «Archeologia Polski», t. 13, z. 1. Wrocław—Warszawa—Kraków, 1968, стр. 203—204.

<sup>24</sup> J. Kostrzewski. Kultura lużycka na Pomorzu. Poznań, 1958, стр. 227—228 и рис. 1—3 на стр. 232; Nils Aberg. Vorgeschichtliche Kulturkreise Europas. Bilderatlas mit erläuterndem Text. Kopenhagen, 1936, табл. XXI, 1; XXII, 3.



Нет сомнения, что найденная в Луке-Врублевской трапециевидная подвеска отнюдь не является праформой, а принадлежит второй половине I тысячелетия.

Вскрытые в шурфе 14 и на раскопе III печи-каменки и сопровождающая их керамика находят ближайšie аналогии на том же Днестре; в его верхнем течении, в раннем слое раннеславянского поселения в Незвиско<sup>25</sup>, на Вольни — на городищах Зимно<sup>26</sup> и Хотомель<sup>27</sup>, на Южном Буге в Семенках<sup>28</sup>, на Правобережье Днестра — в раннем комплексе Луки-Райковецкой<sup>29</sup> и, наконец, в Корчаке<sup>30</sup>. Вот почему в заключение мы позволяем себе прийти к выводу, что в Луке-Врублевской имеются отчетливые следы раннеславянского поселения, никак не связанного с черняховским поселением. Характер сооружений — печей-каменок, — лепной керамики в сочетании с найденной в том же комплексе трапециевидной бронзовой подвеской и обломком яйцевидной желобчатой амфоры позволяют уточнить дату поселения временем не позже VII в.

В. А. БУЛКИН, В. А. НАЗАРЕНКО

## О НИЖНЕЙ ДАТЕ ГНЕЗДОВСКОГО МОГИЛЬНИКА

Твердо обоснованная датировка Гнездовского могильника имеет важное значение для изучения археологических памятников славян лесной зоны накануне образования Древнерусского государства.

Вплоть до последних лет считалось, что могильник датируется концом IX — началом XI в. С этим положением, выдвинутым впервые еще В. И. Сизовым<sup>1</sup>, согласился и А. А. Спицын, обобщая результаты дальнейших дореволюционных раскопок в Гнездово<sup>2</sup>. С 1949 г. систематические исследования могильника были продолжены Д. А. Авдусиным, который, публикуя полученный материал, подтвердил датировку курганной группы в Гнездово концом IX — началом XI в.<sup>3</sup> Однако за последние годы точка зрения Д. А. Авдусина претерпела значительные изменения. В настоящее время Д. А. Авдусин датирует Гнездовский могильник X — началом XI в., причем к первой половине X в., по его мнению, можно отнести лишь единичные курганы, в то время как большая часть курганов была насыпана во второй половине X и в самом начале XI в. Естественно возникает вопрос, результатом чего явилось столь значительное омоложение и сужение датировки погребений в Гнездово?

В работах, посвященных различным проблемам Гнездовского могильника, обычно ссылаются на трехзначную цифру раскопанных курганов (около 800), на тысячи вещевых находок и разнообразие погребальных обрядов. Возможно, что детальная проработка такого обширного материала позволила Д. А. Авдусину уточнить его первоначальную датировку<sup>4</sup>. Обратившись к работам Д. А. Авдусина, мы сталкиваемся, однако, с тем, что до сих пор подробно анализу подвергались лишь 3 кургана: 13 и 38, раскопанные в 1949 г.<sup>5</sup>, и 15 (10) из раскопок М. Ф. Кузнецкого 1874 г.<sup>6</sup>

Первоначально курган 13 из раскопок в 1949 г. был датирован Д. А. Авдусиным первой четвертью X в., а курган 38 — концом IX в.<sup>7</sup>

<sup>25</sup> Г. И. Смирнова. Раннеславянское поселение у с. Незвиско на Днестре; «Památky archeologické», г. L1, с. 1, 1960, стр. 224, 226, 228, 232, 234, 236 и рис. 3а, б, 8, 13.

<sup>26</sup> В. В. Аулик. Материалы з верхнього горизонту городища біля с. Зимне... стр. 133, рис. 4, 3, 4, 7.

<sup>27</sup> Ю. В. Кухаренко. Средневековые памятники Полесья. САИ, вып. Е1-57, 1961, стр. 23 и табл. 6, 12, 14.

<sup>28</sup> П. И. Хавлюк. Раннеславянские поселения Семенки и Самчинцы в среднем течении Южного Буга. МИА, № 108, 1961, стр. 321—343 и рис. 5, 7; 9, 1, 4—6; 10.

<sup>29</sup> В. К. Гончаров. Лука-Райковецкая. МИА, № 108, 1961, стр. 305—306, рис. 13.

<sup>30</sup> И. П. Русанова. Поселение у с. Корчак на р. Тетерева. МИА, № 108, 1961, стр. 39—50 и рис. 7, 1—4; она же. О керамике раннесредневековых памятников Верхнего и Среднего Поднепровья. Сб. «Славяне и Русь». М., 1968, стр. 149—150 и рис. 1а.

<sup>1</sup> В. И. Сизов. Курганы Смоленской губернии. Гнездовский могильник. МАР, вып. 28. СПб., 1902, стр. 4.

<sup>2</sup> А. А. Спицын. Гнездовские курганы в раскопках С. И. Сергеева. ИАК, вып. 15, 1905, стр. 7.

<sup>3</sup> Д. А. Авдусин. Отчет о раскопках гнездовских курганов в 1949 году. МИСО, вып. 1. Смоленск, 1952, стр. 320.

<sup>4</sup> Д. А. Авдусин. К вопросу о происхождении Смоленска и его первоначальной топографии. Сб. «Смоленск. К 1100-летию первого упоминания города в летописи». Смоленск, 1967, стр. 75.

<sup>5</sup> Д. А. Авдусин. Отчет о раскопках гнездовских курганов в 1949 году, стр. 320.

<sup>6</sup> Д. А. Авдусин. О датировке гнездовского кургана с мечом из раскопок М. Ф. Кузнецкого. Сб. «Культура и искусство Древней Руси». Л., 1967, стр. 21—25.

<sup>7</sup> Д. А. Авдусин. Отчет о раскопках гнездовских курганов в 1949 году, стр. 320—321.



Оружие, найденное в кургане 15 (10), по мнению А. Н. Кирпичникова, восходит к IX в., а погребение было произведено около 900 г.<sup>8</sup> Впоследствии Д. А. Авдусин пересмотрел даты всех этих курганов. Так, вновь обратившись к датировке кургана 13, Д. А. Авдусин приходит к выводу, что дата кургана должна определяться серединой X в. Основанием к пересмотру датировки послужила скорлупообразная фибула<sup>9</sup>, относимая Д. А. Авдусиным к этому времени<sup>10</sup>. Совсем недавно дата кургана была вторично омоложена и определена уже третьей четвертью X в.<sup>11</sup> Аргументация этого последнего пересмотра отсутствует. Мы полагаем, что наиболее доказанной является дата — середина X в. А. Н. Кирпичников, изучая древнерусское оружие, датировал меч из кургана 13 по всей совокупности погребального инвентаря серединой X в.<sup>12</sup>

Анализ погребального инвентаря кургана 38 и прежде всего форм бус и их сочетания в ожерелье, а также находка двух абассидских диргемов, датирующихся один IX в., другой 842—843 гг. н. э., позволила Д. А. Авдусину отнести этот курган к концу IX в.<sup>13</sup> Позднее, датируя этот курган X в., Д. А. Авдусин не приводит этому никаких доказательств<sup>14</sup>.

Анализу кургана 15 (10) из раскопок М. Ф. Кусцинского Д. А. Авдусин посвятил специальную статью, в которой сделал попытку пересмотреть дату, предложенную ранее А. Н. Кирпичниковым. Опираясь на положение о довольно позднем бытовании железных гривен с молоточками Тора, выдвинутое М. В. Фехнер<sup>15</sup>, Д. А. Авдусин датирует курган первой половиной или даже серединой X в.<sup>16</sup> Погребальный инвентарь, обнаруженный в этом кургане, состоял из трех урн, поставленных на каменную вымостку; возле первой урны, с одной ее стороны, вонзен в землю меч, представляющий собой особую разновидность мечей типа Е, относящуюся к IX в. Клинок меча имеет почти параллельные края, что характерно для клинков первой половины IX в.<sup>17</sup> С другой стороны этой же урны в землю воткнуто копье узкой ланцетовидной формы, отличительной особенностью которого является дамаскировка, особенно хорошо заметная в нижней части пера, и врезанный «готический» орнамент на втулке. Таких наконечников копий в Европе известно 12, все они датируются второй половиной VIII—IX в.<sup>18</sup> Копья с «готическим» орнаментом на втулке, но без дамаскированного узора относятся уже к X в.<sup>19</sup> Приводимое Д. А. Авдусиным в качестве аналогии копье из могилы с трупосожжением (Бирка) относится как раз к копьям с «готическим» орнаментом, лишенным дамаскировки<sup>20</sup>.

<sup>8</sup> А. Н. Кирпичников. Древнерусское оружие. САИ, вып. Е1-36, т. 1, 1966, стр. 31.

<sup>9</sup> Скорлупообразная фибула в первоначальной публикации кургана 13 отсутствует, более того, подводя итоги раскопкам в 1949 г., Д. А. Авдусин отмечал, что найдена всего одна скорлупообразная фибула в кургане 23 (Д. А. Авдусин. Отчет о раскопках гнездовских курганов в 1949 году, стр. 223, 234—239). В. С. Дедюхина, изучавшая фибулы скандинавских типов, включает в свой перечень, со слов Д. А. Авдусина, фибулу из кургана 13, датируя ее X в., в то же время фибула из кургана 23 в приведенной ею сводке отсутствует (В. С. Дедюхина. Фибулы скандинавского типа. «Очерки по истории русской деревни X—XIII вв.» — «Труды ГИМ», вып. 43, М., 1967, стр. 196—197).

<sup>10</sup> Д. А. Авдусин. Археология СССР, М., 1967, стр. 238.

<sup>11</sup> Д. А. Авдусин. Таинственный девятый век. «Знание — сила», 1969, № 1, стр. 29.

<sup>12</sup> А. Н. Кирпичников. Указ. соч., т. 1, стр. 80—81.

<sup>13</sup> Д. А. Авдусин. Отчет о раскопках гнездовских курганов в 1949 году, стр. 320.

<sup>14</sup> Д. А. Авдусин. К вопросу о происхождении Смоленска..., стр. 75.

<sup>15</sup> М. В. Фехнер. О происхождении и датировке железных гривен. «Труды ГИМ», вып. 40, М., 1966, стр. 101—104.

<sup>16</sup> Д. А. Авдусин. О датировке гнездовского кургана с мечом..., стр. 25.

<sup>17</sup> А. Н. Кирпичников. Указ. соч., т. 1, стр. 31.

<sup>18</sup> А. Н. Кирпичников. Указ. соч., т. 2, стр. 9.

<sup>19</sup> Там же.

<sup>20</sup> Д. А. Авдусин. О датировке гнездовского кургана с мечом..., стр. 22—23.

Особое внимание Д. А. Авдусин уделяет датировке гривен с молоточками Тора, обычай ношения которых, как он считает, был распространен в конце X—XI в.<sup>21</sup> Однако и Д. А. Авдусин, и М. В. Фехнер, ссылаясь на Паульсена, упускают из виду, что в своей работе он подвергает детальному анализу лишь подвески с молоточками Тора<sup>22</sup>, отличающиеся от железных гривен с молоточками Тора не только типологически, но и хронологически. Железные гривны с молоточками Тора известны в Швеции в погребениях VIII в.<sup>23</sup> и широко распространены в погребениях по обряду трупосожжения с последующим помещением сожженных костей в урну; время наибольшего распространения захоронений в урнах в шведском могильнике Бирка, как установил Г. С. Лебедев в дипломной работе, защищенной на кафедре археологии ЛГУ, приходится на середину IX в. Не может не вызвать возражений методика определения Д. А. Авдусиным даты всего комплекса: он считает решающей дату железных гривен с молоточками Тора. Предпочтение, отдаваемое им одной этой вещи, представляется нам недостаточно обоснованным, не говоря уже о спорности самих этих датировок. Определить точную дату сложения комплекса можно, лишь выяснив соотношение всех полученных датировок, входящих в комплекс вещей, и установив время их возможного сосуществования.

Ножницы, пинцет, булавка, нож и ледоходный шип вряд ли могут быть привлечены к решению вопроса о дате всего комплекса, так как диапазон их бытования чрезвычайно широк.

К сожалению, мы не можем судить также о характере утраченной керамики, разве что учесть мнение Д. А. Авдусина, что по крайней мере один из утраченных горшков «не выделялся формой и техникой изготовления, так как все сосуды этой коллекции ГИМ не дают резких отклонений от типа гнездовских горшков»<sup>24</sup>.

Сопоставляя все имеющиеся сведения о датах, следует признать, что курган 15 (10) из раскопок М. Ф. Кусцинского должен быть отнесен к середине IX в., однако если принять во внимание более поздние даты большинства типов оружия, предполагаемые А. Н. Кирпичниковым, то этот погребальный комплекс может быть датирован самое позднее второй половиной IX в.

Таким образом, по крайней мере два кургана — один четырехугольный (38) и один из так называемых больших гнездовских курганов — 15 (10) — по совокупности погребального инвентаря и характеру обряда относятся ко второй половине — концу IX в. Можно ли на основании этого утверждать, что полученная нами дата характеризует нижнюю границу всего могильника? Конечно же, нет! Всего два кургана из нескольких сот раскопанных не могут быть опорой для подобного утверждения.

Мы полагаем, что определить нижнюю дату, исходя из материалов самого Гнездовского могильника, в настоящее время невозможно. Но если отвлечься от уникальности гнездовских погребальных комплексов и рассмотреть их на фоне всех погребальных памятников лесной зоны VIII—IX вв., то путь решения этой проблемы может быть найден. Такой подход не нов: в общих чертах он был сформулирован еще И. И. Ляпушкиным<sup>25</sup>. В Гнездовском могильнике существует несколько видов погребальных сооружений: маленькие полусферические курганы, четырехугольные курганы и так называемые большие гнездовские курганы. Не разбирая

<sup>21</sup> Там же, стр. 23.

<sup>22</sup> P. Paulsen. Axt und Kreuz in Nord und Osteuropa. Bonn, 1956, стр. 205, 209, 220.

<sup>23</sup> G. Arwidsson. Valsgårde 8. Uppsala—Stockholm, 1954.

<sup>24</sup> Д. А. Авдусин. О датировке гнездовского кургана с мечом..., стр. 24.

<sup>25</sup> И. И. Ляпушкин. Славяне лесной зоны Восточной Европы накануне образования Древнерусского государства VIII—IX вв. Сб. «Культура Древней Руси». М., 1966, стр. 127—134.



специфику каждого из них, следует указать на довольно широкое распространение этих видов в лесостепной и лесной зонах Восточной Европы.

Следовательно, каждый из видов погребальных сооружений Гнездовского могильника можно представить в качестве звена в цепочке типологически близких им памятников большой территории, а хронология каждого типа погребений в Гнездове будет опираться на широкую фактологическую базу. Именно так подходил к этой проблеме И. И. Ляпушкин, наметивший основной путь ее решения. Анализируя круглые курганы с трупосожжением в лесной зоне, И. И. Ляпушкин обратил внимание на большое число плохо датированных пустых и безынвентарных курганов в Гнездовском могильнике (до 40%), которые близки по времени (VIII—IX вв.) и своему содержанию обычным круглым полусферическим курганам с трупосожжениями<sup>26</sup>. По своим признакам эти курганы не отличаются от всей совокупности круглых полусферических курганов с трупосожжением лесной зоны, собранных в каталоге И. И. Ляпушкина<sup>27</sup>, и их датировка не должна выходить за рамки датировки последних.

В. В. Седов<sup>28</sup>, а вслед за ним и П. Н. Третьяков<sup>29</sup> полагают, что длинные курганы в VIII—IX вв. преемственно сменялись круглыми полусферическими курганами с трупосожжениями. Е. А. Шмидт относит появление круглых полусферических курганов с трупосожжениями, входящих в группу длинных Смоленских курганов, к рубежу VII—VIII вв.<sup>30</sup> И. И. Ляпушкин по сходству керамики и обряда погребения с могильными памятниками славян лесостепи датирует появление этих курганов в лесной зоне VIII—IX вв.<sup>31</sup> Как бы ни была различна аргументация сторон, вывод их сходен: в одном: полусферические курганы с трупосожжениями появляются в лесной зоне не в X в., а гораздо ранее его. Если этот вывод правилен, то те 40% курганов Гнездовского могильника, которые по своим типологическим признакам не отличаются от аналогичных курганов лесной зоны, должны быть датированы в целом временем не ранее VIII—IX вв. Следовательно, ни четырехугольные курганы, ни большие гнездовские курганы не определяют начальной даты могильника. Они лишь обозначают тот рубеж, за пределом которого нынешнее состояние материала не позволяет установить тех твердых дат, которыми мы располагаем для курганов конца IX—X в.

В 1967—1968 гг. Днепровской археологической экспедицией ЛОИА под руководством И. И. Ляпушкина исследовались остатки одного из селищ близ Гнездовского могильника. Найденный материал и в первую очередь обломки лепной керамики, близкой роменской, дают основание сделать предварительное заключение о том, что поселение возникло не позднее начала IX в. и что население его по своему культурному облику весьма близко славянам лесостепной зоны второй половины I тысячелетия н. э.<sup>32</sup> Специальной работы по увязке данного поселения с могильником еще нет, однако уже сейчас, опираясь на топографическое единство могильника и поселения, а также на сходство керамического материала, можно вслед за А. Н. Лявданским и И. И. Ляпушкиным предположить, что селище принадлежит тому населению, которое оставило после себя гнездовские курганы<sup>33</sup>. Итак, образование Гнездовского археологического комплекса, включающего славянское поселение и могильник, следует, видимо, относить ко времени не позже начала IX в.

<sup>26</sup> И. И. Ляпушкин. Славяне лесной зоны Восточной Европы..., стр. 134.

<sup>27</sup> Там же, стр. 97—110.

<sup>28</sup> В. В. Седов. Кривичи и словене. Автореф. канд. дисс., М., 1954, стр. 7.

<sup>29</sup> П. Н. Третьяков. Финно-угры, балты и славяне на Днепре и Волге. М.—Л., 1966, стр. 281.

<sup>30</sup> Е. А. Шмидт. О смоленских длинных курганах. Сб. «Славяне и Русь», М., 1968, стр. 224—229.

<sup>31</sup> И. И. Ляпушкин. Славяне лесной зоны Восточной Европы..., стр. 117.

<sup>32</sup> И. И. Ляпушкин. Новое в изучении Гнездова. Сб. «Археологические открытия 1967 г.», М., 1968, стр. 43—44.

<sup>33</sup> И. И. Ляпушкин. Славяне лесной зоны Восточной Европы..., стр. 115—116.

Ф. Д. ГУРЕВИЧ

## О ВОСТОЧНОЙ ОРИЕНТИРОВКЕ СЛАВЯНСКИХ ПОГРЕБЕНИЙ

В конце I и начале II тысячелетия н. э. в славянском погребальном обряде происходят существенные изменения. От обряда кремации славяне переходят к погребению умерших несожженными. Передавая земле мертвых соплеменников, они обычно укладывали их в вытянутом положении так, что голова была обращена к западу, иногда с отклонениями к северо-западу или юго-западу. В свое время Л. Нидерле отметил, что у славян, правда довольно редко, встречается и обратная ориентировка, т. е. погребенный лежит головой к востоку<sup>1</sup>. За годы, отделяющие нас от того времени, когда Л. Нидерле писал свои труды, материалы, свидетельствующие о распространении восточной ориентировки в славянском погребальном обряде, значительно пополнились. Она оказалась не столь редкой.

По данным могильников, исследованных на территории Чехословакии, установлено, что обратная ориентировка существовала в самых ранних погребениях по обряду труположения. При раскопках курганного могильника Иерусалем (Южная Чехия) с биритуальным обрядом погребения в центре одного из курганов лежал костяк, обращенный головой на восток. Рядом с ним обнаружены кальцинированные и необожженные кости. Могильник датируется концом VIII и рубежом VIII—IX вв.<sup>2</sup>

Обратная ориентировка встречается и в грунтовых могильниках VIII—IX вв., причем соотношение их с обычной западной ориентировкой весьма различно. Из семи погребений, исследованных вблизи Пражского замка, одно, принадлежавшее женщине, было ориентировано на восток<sup>3</sup>. В могильнике Болерадичи в Моравии было вскрыто 59 погребений, среди которых два мужских погребения имели восточную ориентировку<sup>4</sup>, а из 25 погребений могильника Девине (Словакия) половина была обращена головой на восток<sup>5</sup>. Погребения с восточной ориентировкой в могильнике Веаки Гроб в Словакии (8 из 133) составляли особую группу. Два мужских захоронения принадлежали воинам, а женщины были обернуты в кожаные мешки<sup>6</sup>. В Либице (Центральная Чехия) в одном из погребений с обратной ориентировкой костяк лежал в скорченном положении вместе

<sup>1</sup> L. Niederle. Slovanske starozitnosti, s. I. Praha, 1912, стр. 360, 363; Л. Нидерле. Славянские древности. М., 1956, стр. 220.

<sup>2</sup> R. Turek. Slawische Hügelgräber in Südböhmen. Pragae, 1958, стр. 23—25, 55—56.

<sup>3</sup> J. Borzkovsky. Staročeske pohrebište poblíž Pražského Hradu (Eleni ul.). Eisneřov sborník. Bratislava, 1948, стр. 150.

<sup>4</sup> J. Poulik. Staroslovanska Morava. Praha, 1948, стр. 152, 159.

<sup>5</sup> L. Kraskovska. Slovanske pohrebište v Devine, v polohu Staré vinohradi. «Archéologické rozhledy», 1953, s. 2, стр. 171.

<sup>6</sup> B. Chropovský. Slovanske pohrebište z 9 st. vo Vel'kom Grobe. «Slovenská archeológia», t. V, r. 1, 1957, стр. 177—178, 183.



с остатками коня<sup>7</sup>. В Лаховицах, вблизи Праги, погребения, ориентированные на восток, находились в той части могильника, где лежали захоронения, отличающиеся от обычных погребений. Из четырех костяков, обращенных головой на восток, один лежал лицом вниз, ноги второго были раздвинуты<sup>8</sup>.

Захоронения с восточной ориентировкой представлены и в могильниках IX—X и последующих веков. В могильнике Старое Место из 954 систематически исследованных погребений 30 мужских, женских и детских костяков лежали головой на восток<sup>9</sup>. Среди других могильников, где исследовано много погребений, отметим Желеницы в Северной Чехии. Там было раскопано 116 костяков; 10 мужских, женских и детских погребений имели обратную ориентировку. Могильник использовался для захоронений до XI в.<sup>10</sup> В Желянах (конец XI в.) из 76 погребенных эта ориентировка отмечена в четырех случаях, один из них встречен в коллективной могиле<sup>11</sup>. Известны случаи, когда эта особенность погребального обряда сохраняется вплоть до позднего средневековья<sup>12</sup>.

На польских землях восточная ориентировка погребенных проявляется в самых различных сочетаниях с западной. В могильниках X—XII вв. в Калдусе (воеводство Быдгощ), Гуже и Млодзикове (воеводство Познань), Радома (воеводство Кельце) и др., как и на памятниках в Чехословакии, головами на восток была погребена часть мужчин, женщин и детей<sup>13</sup>. В могильнике XI в. в Псари (воеводство Лодзь) обратная ориентировка была господствующей — из 36 погребений 24 обращены головой на восток<sup>14</sup>. При раскопках могильника в Волине, являвшемся кладбищем города в период его наивысшего расцвета (X—XII вв.), выяснилось, что все погребения там лежат головою на восток или северо-восток<sup>15</sup>.

В разных частях Польши исследованы грунтовые могильники, в которых головою на восток погребены исключительно мужчины, в то время как женские захоронения имеют западную ориентировку. Выразительная группа памятников этого типа исследована в пределах Лодзинского воеводства. Здесь прежде всего следует отметить Лютомирский могильник, существовавший в конце X—начале XI в. Четкая регламентация в положении мужских и женских костяков этого могильника существует независимо от социальной принадлежности погребенных. Самое удивительное, что головой на восток лежали также дружинники — выходцы из южных или юго-западных русских земель<sup>16</sup>. Из других могильников Лодзинского

воеводства с таким обрядом погребения отметим могильник в с. Бучек, синхронный Лютомирскому, и могильник в Поддембиче, датирующийся XII—XIII вв.<sup>17</sup> В Восточной Польше раскопан могильник XII в. в Самбожеце (воеводство Сандомир). Из 68 погребений 18 имели обратную ориентировку. Все они, за исключением одного, принадлежали мужчинам<sup>18</sup>.

Подобное различие в направлении мужских и женских захоронений наблюдается и в отдельных могильниках Южной Польши. Таковы могильник воеводства Катовице-Гродец, относящийся ко времени от середины X до конца XI в.<sup>19</sup> и могильник из Стшемешева (середина XI—начало XII в.). Автор публикации материалов из Стшемешева И. Марциняк сообщает, что в исследованных 84 погребениях противоположная ориентация мужчин и женщин выдерживалась настолько строго, что при отсутствии инвентаря пол погребенного безошибочно удавалось определять по его ориентации<sup>20</sup>.

Этот же погребальный обряд отмечается в Северной Польше — в Мазовии и Подляшье<sup>21</sup>. В качестве примеров укажем могильник в Коньске на южной границе Мазовии, где было раскопано 170 погребений второй половины XI в.<sup>22</sup> и могильник в Гоздове (воеводство Варшава)<sup>23</sup>. Обратную ориентировку имели не только мужские погребения, но и парные захоронения, в которых вместе с мужчинами были погребены и женщины (могильник Базар Новы, воеводство Варшава)<sup>24</sup>. На этой же территории известны и отдельные женские захоронения с восточной ориентировкой<sup>25</sup>. Очень интересно проявился обряд помещения погребенного головой к востоку в могильнике XII—XIII вв. в Невярово-Сохи (Белостокское воеводство). В одной из могил переженные и вымытые человеческие кости были уложены в анатомическом порядке так, что кости черепа лежали в восточной части могильной ямы<sup>26</sup>. По наблюдениям Л. Раухута, обряд погребения мужчин, обращенных головой на восток, а женщин — на запад, сохранился в Мазовии до XIV в.<sup>27</sup> К западу от Польши погребения с восточной ориентировкой известны в области Мекленбурга<sup>28</sup>.

gicznych na cmentarzysku wczesnośredniowiecznym w Lutomierniku w pow. Łaskim (woj. Łódzkie). Там же, II, 1950; A. Nadolski, A. Abramowicz, T. Poklewski. Cmentarzysko z XI wieku pod Łodzią. Łódź, 1959, стр. 18; А. Н. Кирпичников. Рецензия на книгу А. Надольского, А. Абрамовича и Т. Поклевского [название выше]. «Вопросы истории», 1962, № 2, стр. 176.

<sup>17</sup> J. Kamińska. Cmentarzysko wczesnośredniowieczne w Buzku, pow. Łask. PMMAEL, № 1, 1956, стр. 104—114; H. Wikłak. Cimetière des XII-et XIII s. de Poddebice, деп. de Łódź. PMMAEL, № 5, 1960, стр. 203.

<sup>18</sup> J. Bartys. Wczesnohistoryczne cmentarzysko szkieletowe we wsi Samborzec pow. Sandomierz. «Przegląd archeologiczny», t. V, z. 2-3, 1935—1936, стр. 171—178.

<sup>19</sup> K. Smutek. Wczesnośredniowieczne cmentarzysko w Grodzu k. Będzina. «Z otchłani wieków», XXI-2, 1952, стр. 59—61.

<sup>20</sup> J. Marciniak. Cmentarzysko szkieletowe z okresu wczesnośredniowiecznego w Strzemieszycach wielkich, pow. Będzin. MW, V, 1960, стр. 179.

<sup>21</sup> D. Jaskanis. Materiały do badań wczesnośredniowiecznego cmentarzyska z grobami ciałopalnymi w okolicy Kuraszewa w pow. Hajnowka. «Rocznik Białostocki», t. VI. Białostok, 1966, стр. 257.

<sup>22</sup> I. Gąssowski. Cmentarzysko w Kónskich na tle zagadnienia południowej granicy Mazowsza we wczesnym średniowieczu. MW, II, 1950, стр. 157.

<sup>23</sup> K. Musianowicz. Cmentarzysko i osada wczesnohistoryczna w Gozdowie, pow. Sierpc. WA, XVII, стр. 292.

<sup>24</sup> J. Marciniak. Wczesnośredniowieczny zespół osadniczy z miejscowości Bazar Nowy, pow. Maków Mazowiecki. MW, V, 1960, стр. 122—124.

<sup>25</sup> S. Nosek. Materiały do badań nad historią starożytną i wczesnośredniowieczną międzyrzecza Wisły i Bugu. Lublin—Kraków, 1957, стр. 331; L. i J. Okuliczowie. Dwa wczesnośredniowieczne cmentarzyska z grobami ciałopalnymi a problem obrządku pogrzebowego na północnym Mazowszu. WA, t. XXIX, z. 2, 1963, стр. 116.

<sup>26</sup> K. Musianowicz. Przyczynki do osadnictwa Mazowieckiego na Podlasiu w XII—XIII wieku. «Światowit», XXI, 1955, стр. 256.

<sup>27</sup> Z. Krumphandzłowa. Der Ritus der slawischen Skelettfriedhöfe..., стр. 287.

<sup>28</sup> L. Niederlé. Slovanske starožitnosti, стр. 363.

<sup>7</sup> R. Turek. Slavnikova Libice, Praha, 1946, стр. 52, 60.

<sup>8</sup> Z. Krumphandzłowa. Zvláštnosti ritu na slovanských pohřebištích v Čechách. «Vzňik a počátky slovanů», V. Praha, 1964, стр. 206.

<sup>9</sup> V. Hrubý. Staré Město. Praha, 1955, стр. 284, 409.

<sup>10</sup> R. Turek. Zelenické pohřebiště. «Eisnerův sborník». Bratislava, 1948, стр. 163, 176, 183.

<sup>11</sup> B. Svoboda. Hradištní pohřebiště s dřevěnou stabou v Zalaněch u Teplic. PA, LIV, c. 2, 1963, стр. 290—305.

<sup>12</sup> B. Chropovskí. Slovanské pohřebiště, стр. 190; Z. Krumphandzłowa. Der Ritus der slawischen Skelettfriedhöfe der mittleren und jüngeren Burgwallzeit in Böhmen. PA, LVII, c. 1, 1966, стр. 286—288.

<sup>13</sup> E. Kaszewska. Wczesnośredniowieczne cmentarzysko w Kaldusie pow. Chelmino (Badania 1957). PMMAEL, № 5, Łódź, 1960, стр. 156—172; M. Kowiańska-Paszykowa. Wczesnośredniowieczne cmentarzysko rządzowa w Górze, pow. Turek. «Fontes archeologici Posnanienses», v. XI. Poznań, 1960, стр. 192; L. Leciejewicz, W. Losiński. Wczesnośredniowieczne cmentarzysko w Młodzikowie w pow. Sredzkim. Там же, v. XI, стр. 158—160; J. Gąssowski. Wczesnohistoryczne cmentarzysko szkieletowe w Radomiu. WA, t. XVII, z. 4, 1950/1951, стр. 323—324.

<sup>14</sup> T. Trebaczkiewicz. Cmentarzysko wczesnośredniowieczne we wsi Psary, pow. Piotrków Trybunalski. PMMAEL, № 9, 1963, стр. 134.

<sup>15</sup> W. Filipowiak. Badania ratunkowe na cmentarzysku wczesnośredniowiecznym w Wołynie (Młynówka). «Sprawozdanie archeologiczne», III. Warszawa—Wrocław—Kraków, 1957, стр. 132—133.

<sup>16</sup> K. Jazdzewski. Cmentarzysko wczesnośredniowieczne w Lutomierniku pod Łodzią w świetle badań w r. 1949. MW, I, 1949; он же. Sprawozdania z badań archeolo-



Обратная ориентировка умерших имела широкое распространение в погребальном обряде восточнославянского населения. В. В. Седов составил карту курганных могильников северо-западных областей Руси, Поднепровья и Поволжья, в которых встречаются погребения с восточной ориентировкой. Эта карта насчитывает более 120 пунктов<sup>29</sup>. Отдельные погребения этого рода, встреченные на Юге и Юго-Западе Руси, указывает Г. Ф. Соловьева<sup>30</sup>. Со своей стороны добавим еще два курганных могильника, где отмечена обратная ориентировка. О них упоминал Л. Нидерле. Это могильник в Ницахе (бывш. Харьковской губ.) и в Олевске вблизи Овруча<sup>31</sup>.

За последние годы древнерусские курганы с восточной ориентировкой исследованы в среднем течении западного Буга<sup>32</sup>. Здесь раскопано более 130 земляных и каменных курганов преимущественно с обрядом труположения. Инвентарь курганов славянский. Это глиняные горшки, полтораоборотные и S-видные височные кольца, бусы, пряслица и т. д. В курганах преобладает западная ориентировка, но почти во всех могильниках встречаются погребения и с обратной ориентировкой. Из 58 курганов, раскопанных И. В. Бирулей в 1959 г., в 12 встречены захоронения, обращенные головой на восток. Два из них (мужское и женское) открыты в земляных курганах, остальные — в каменных. Среди этих последних четыре погребения принадлежали мужчинам, одно — подростку. Пол остальных не удалось определить.

В. В. Седов считает каменные курганы Побужья памятниками ятвягов<sup>33</sup>. С этим нельзя согласиться. Мы не имеем возможности в данной работе полемизировать с автором, расширительно очертившим ареал ятвяжских курганов; в археологической литературе эти взгляды уже подвергались критике<sup>34</sup> и нет никаких оснований исключать каменные курганы Побужья из числа славянских памятников.

Таковы далеко не полные данные о распространении обратной ориентировки в погребальном обряде восточных и западных славян. По-видимому, восточная ориентировка погребений не была чужда и южным славянам<sup>35</sup>.

Чешский археолог Э. Крумпханзлова в своей работе приводит мнения отдельных ученых, пытающихся объяснить это отступление от славянского погребального ритуала. Среди них интересно заключение Р. Турека, полагающего, что обратная ориентировка указывает на привилегированное положение погребенного<sup>36</sup>. Это объяснение справедливо только для

<sup>29</sup> В. В. Седов. Следы восточнобалтийского погребального обряда в курганах Древней Руси. СА, 1961, № 2, стр. 106.

<sup>30</sup> Г. Ф. Соловьева. К вопросу о восточной ориентировке погребенных в славянских курганах XI—XIII вв. СА, 1963, № 2, стр. 98, 104.

<sup>31</sup> Е. Мельник. Раскопки курганов в Харьковской губернии 1906—1911 гг. «Труды XII археологического съезда», т. I. М., 1905, стр. 694; Я. В. Яроцкий. Могильники по среднему течению р. Уборти. «Археологическая летопись Южной России». Киев, 1903, стр. 184.

<sup>32</sup> В. В. Седов. Из полевых исследований 1961 г. КСИА, вып. 96, 1963, стр. 42—43; И. В. Бируля. Каменные курганы правобережья Западного Буга. «Древности Белоруссии». Минск, 1966, стр. 280; Ю. В. Кухаренко. Полесье и его место в процессе этногенеза славян (по материалам археологических исследований). Сб. «Полесье (лингвистика, археология, топонимика)». М., 1968, стр. 33. Автор благодарит Т. Н. Коробушкину, сообщившую данные о раскопках И. В. Бирули в 1959 г.

<sup>33</sup> В. В. Седов. Курганы ятвягов. СА, 1964, № 4, стр. 49.

<sup>34</sup> J. Antoniewicz. Рецензия на книгу Э. М. Загоруйского «Археология Белоруссии». — «Acta Baltico-Slavica», 4. Białostok, 1966, стр. 193; A. Tautavičius. Lietuvių ir jotvingių genčių gyventų plotų ribų klausimu. «Lietuvos TSR Mokslų Akademijos Darbai», seria A, 1966, 2 (21), стр. 161—180; А. Таутавичюс. Дополнительные замечания по вопросу о границах между ятвяжскими и литовскими племенами. Там же, 1968, 1 (26), стр. 187—190.

<sup>35</sup> L. Niederle. Slovanske starožitnosti, стр. 363.

<sup>36</sup> Z. Krumpřandzlova. Der Ritus der slawischen Skelettfriedhofe... стр. 287.

отдельных памятников и не может быть распространено на все погребения, ориентированные головой к востоку. Вопрос о значении обратной ориентировки в погребальном обряде восточных славян впервые поставил В. В. Седов. Среди восточнославянских курганов с обратной ориентировкой автор выделяет две группы памятников. К первой относятся курганы в области Чудского озера и в Псковской и Полоцкой землях. В. В. Седов полагает, что эти погребения принадлежат славянам, воспринявшим погребальный обряд соседнего, латгальского населения, у которого мужчины погребались головой на восток, а женщины — на запад. Часть курганов этого типа могла принадлежать самим латгалам или родственному им населению. Во второй группе курганов с восточной ориентировкой, сосредоточенной преимущественно в области Верхнего Поднепровья и Верхнего Поволжья, В. В. Седов усматривает наследие ранее жившего здесь восточнобалтийского населения<sup>37</sup>.

Объяснение, выдвинутое В. В. Седовым для курганов первой группы, представляется весьма убедительным. В эти курганы проникает не только погребальный обряд латгалов, но и их специфический инвентарь. Внедрение погребального обряда латгалов в славянские курганы, расположенные на границе с Прибалтикой, и славянское влияние на латгальские могильники хорошо прослеживаются начиная с третьей четверти I тысячелетия н. э.<sup>38</sup> Что касается трактовки курганов Верхнего Поднепровья и Верхнего Поволжья с обратной ориентировкой погребенных, то она крайне уязвима. Автор опирается на данные гидронимии, свидетельствующие о том, что до прихода славян здесь жили балтийские племена, и стремится проследить в древнерусских курганах этой территории следы погребального обряда балтийского населения. Археологические материалы, приведенные В. В. Седовым, подробно рассмотрены Г. Ф. Соловьевой, которая приходит к выводу, что ни погребальный ритуал интересующих нас курганов, ни погребальный инвентарь не позволяют связать их с могильными памятниками балтийских племен<sup>39</sup>.

Таким образом, вслед за Г. Ф. Соловьевой мы можем повторить, что нет оснований видеть в восточной ориентировке погребенных пережитки погребального ритуала балтийского населения. Даже беглое ознакомление с могильниками, погребения которых имеют обратную ориентировку, указывает на то, что этот обряд был распространен на огромной территории, занятой славянским населением. Он встречается от Чудского озера на севере до южнославянских земель и от бассейна верхней Волги на востоке до Мекленбурга на западе. Не остается сомнения в том, что эта особенность погребального ритуала является общеславянской; что, впрочем, установил еще Л. Нидерле. Только общеславянским характером обратной ориентировки объясняется то, что древнерусские дружинники, погребенные в Лютомирском могильнике на территории Польши, лежали обращенными головами на восток, так же, как и мужчины из числа местного населения. Памятники с биритуальным обрядом погребения и положение пережженных костей в могильнике Невярово-Сохи, описанное выше, указывают, что восточная ориентировка у славян имеет такую же древность, как и западная. Обе ориентировки в погребальном ритуале конца I и начала II тысячелетия н. э. унаследованы от того времени, когда славяне кремировали своих умерших.

В славянских погребениях с восточной ориентировкой выделяются четыре группы. К первой из них относятся мужские, женские и детские захоронения, иногда сосредоточенные в определенной части могильника и

<sup>37</sup> В. В. Седов. Следы восточнобалтийского погребального обряда... стр. 119—120.

<sup>38</sup> V. Urtaņš. Latvijas iedzīvotāju sakari ar slāviem I g. t. otrajā pusē. «Archeoloģija un etnogrāfija», VIII. Rīgā, 1968, стр. 67—73.

<sup>39</sup> Г. Ф. Соловьева. Указ. соч., стр. 105.



Н. Н. ВОРОНИН

## ПОГРЕБЕНИЕ КОНЯ В СРУБЕ В 1149 Г.

В Лаврентьевской и Ипатьевской летописях под 1149, 1150, 1151 и 1152 гг. помещены рассказы о воинских подвигах Андрея Юрьевича Боголюбского в войнах его отца Юрия Долгорукого за Киев. Тексты обеих старейших русских летописей сходны между собой, различаясь лишь в деталях, и являются основными источниками о событиях этого времени. Позднейшие летописные своды сохранили некоторые подробности, отличные или отсутствующие в основных текстах.

Эти рассказы уже давно обратили внимание исследователей. А. А. Шахматов склонялся к признанию, что сводчик 1185 г. [по М. Д. Приселкову — 1177 г. — Н. В.] получил их уже внесенными в «суздальский свод», т. е. в суздальскую «Юрьеву летопись»<sup>1</sup>. М. Д. Приселков высказался более определенно: «Уже под 1149 г. (и не однажды), затем под 1150, 1151 и 1152 гг. мы встречаем [в Лаврентьевской летописи. — Н. В.] в изложении событий южнорусских вставные эпизоды, связанные с князем Андреем Боголюбским и имеющие целью выставить его военные доблести. Вплетение этих припоминаний о подвигах Андрея на юге в ткань южнорусского повествования сделано с большим литературным умением, если не талантом»<sup>2</sup>. И далее, говоря о заключающих свод 1177 г. повестях об убийстве Андрея Боголюбского и событиях между княжия, исследователь считал, что их автору принадлежат и рассказы о воинских подвигах Андрея<sup>3</sup>. Он считал их оформленными по «припоминаниям» во Владимире и здесь же вошедшими в письменную литературу. Относительно происхождения тех же рассказов в Ипатьевской летописи он не высказался<sup>4</sup>. Судя по косвенным замечаниям, М. Д. Приселков полагал, что рассказы об Андрее вошли не в киевское летописание XII в., а в саму Ипатьевскую летопись XIV в. (свод Юрия Львовича) из «владимиро-ростовского свода XII в.»<sup>5</sup>. В недавнее время анализ данного комплекса рассказов привел Ю. А. Лимонова к заключению, что это отрывки из Андреева летописца, принадлежащие руке самого Андрея<sup>6</sup>, что очень вероятно. Известно участие Андрея в литературной работе своих витий<sup>7</sup>.

<sup>1</sup> А. А. Шахматов. Обзорные русские летописные своды XIV—XVI вв. М.—Л., 1938, стр. 16 и прим.

<sup>2</sup> М. Д. Приселков. История русского летописания XI—XVI вв. Л., 1940, стр. 65.

<sup>3</sup> Там же, стр. 65.

<sup>4</sup> Там же, стр. 44—57 и 71—72.

<sup>5</sup> Там же, стр. 56. Ср. аналогичное заключение К. Н. Бестужева-Рюмина. («О составе русских летописей до конца XIV века». СПб., 1868, стр. 92, 97, 98, 102).

<sup>6</sup> Ю. А. Лимонов. Летописание Владимира Суздальской Руси. Л., 1967, стр. 61—68.

<sup>7</sup> Н. Н. Воронин. Из истории русско-византийской церковной борьбы XII в. «Византийский временник», т. XXVI. М., 1965, стр. 211—212.

лежащие в необычном положении. Эти обстоятельства в литературе рассматриваются как ограждение умерших от посягательств вампира<sup>40</sup>. К данной группе принадлежат и погребения, выделяющиеся более высоким социальным положением (Велки Гроб в Словакии и др.). Вторую группу составляют погребения, восточная ориентировка которых для данного могильника является преобладающей или единственной (Волин, Псарь). Захоронения, где преобладающая часть мужчин или все мужчины обращены головой на восток, в то время как женские погребения этого же могильника имеют западную ориентировку, входят в третью группу. Последняя представлена польскими памятниками и на территории Чехословакии, и в восточнославянских землях. К четвертой группе следует причислить погребения из курганов северо-западных областей Руси, оставленные населением, жившим на границе с латгалами или родственным последним.

Очевидно, что многообразие, в котором проявляется обратная ориентировка, отражает различные стороны языческих верований славян. В погребениях, охраняемых от проникновения вампиров и других темных сил, запечатлены какие-то очень древние верования. В более позднее время, по-видимому, этот обряд распространяется на часть лиц, принадлежавших к верхам славянского общества. Обратная ориентировка преимущественно или исключительно мужских погребений может быть сопоставлена с таким же обрядом, существовавшим у латгалов. Нет необходимости подчеркивать, что славяне не занимались у них этот обряд. Мы полагаем, что он отражает сходные верования, возникшие на определенной ступени развития общества. По материалам латгалов, не знавших обряда кремации, известно, что особая ориентировка мужских погребений появляется у них только начиная с VII в.<sup>41</sup> Наиболее вероятно, что она связана с социальными изменениями, происходившими в то время в обществе латгалов. Не исключено, что выделение «сильного» пола в славянской среде, проявившееся на обширной территории в виде отдельных островков, вызвано теми же причинами. Наиболее проста для объяснения группа погребений с обратной ориентировкой, возникшая в итоге совместного проживания славянского и латгальского населения. Затруднительно найти ответ в тех случаях, когда в могильниках все погребения или подавляющая их часть имели обратную ориентировку. Может быть, эти памятники отличают особые, только им присущие черты, которые до сих пор не привлекали внимания исследователей.

Обратная ориентировка погребенных является, как можно убедиться, составной частью общеславянского погребального обряда, в котором запечатлена длительная история языческих верований. В ней отражаются как изначальные религиозные воззрения на загробную жизнь, так и более поздние представления, связанные с социальными и этническими изменениями, происходившими в славянском мире.

<sup>40</sup> Z. Kruphandzlova. Zvláštnosti ritu na slovanských pohřebištích v Čechách, стр. 206.

<sup>41</sup> Э. Д. Шнорс, Т. Я. Эйнд. Нукшинский могильник. Рига, 1957, стр. 20.



В данной заметке нас интересует одна деталь рассказа 1149 г. о битве полков Юрия Долгорукого под осажденным Луцком.

Полки Андрея и Ростислава подошли тогда, когда началась перестрелка юрьевых воинов с луцкими пешцами. Андрей, не оповестив Ростислава, бросился вперед и врезался в ряды пешцов. Словом копье «в супротивне своем», он бросился за отступавшими по городской гребле, так что дружина потеряла его из вида. Только двое «от меньших его детских» увидели, что князь окружен, и поскакали на помощь. Княжеский конь был пронзен двумя копьями, а третье застряло в седельной луке; со стен Луцка сыпались подобно граду камни, а один «немчиць» уже был готов пронзить Андрея рогатиной. Но бог сохранил его, пишет автор рассказа, ведь часто бог подвергает любящих его напастям и избавляет их. Андрей подумал, что вот ему приходит смерть как Изяславу Ярославичу<sup>8</sup>, и с молитвой выхватил меч, призвав на помощь святого Федора. Бог и мученик Федор, память которого была в тот день, сохранили его без вреда, а один из спасавших его детских был убит. Отец, дядя — Вячеслав — и братья радовались, увидев его живым. «... И мужи отни похвалу ему даша велику, зане мужьскы створи паче всехъ бывшихъ ту. Конь же его, язвены велми, унесъ господина своего и умре; он же [Андрей], жалуя комонства его, повеле и погresti надъ Стырем»<sup>9</sup>.

А. Котляревский, приведя данный текст, ограничился выделением сведения о том, что Андрей «велел похоронить своего коня»<sup>10</sup>.

Комментируя этот сюжет, Д. Н. Анучин сообщает, что «недалеко от Владикавказа, близ аула Эльхот, находится курган, который носит у туземцев название „могила кобылицы“. С ним связана легенда, что курган этот насыпан над трупом кобылицы, оказавшей услугу местному алдару (хану) во время осады аула»<sup>11</sup>. Эта справка освещает мотив погребения коня как эпический<sup>12</sup>. Известны конские погребения коня или частей туши у финно-угорских народов<sup>13</sup>, во владимирских курганах<sup>14</sup>.

Особенно интересна передача изучаемого текста в Никоновской летописи, где есть явно не вымышленные сводчиком детали<sup>15</sup>. Оказывается, что отец, дядя и братья вовсе не похвалили Андрея за сумасбродное геройство: «несть убо се мужество, но неискусство и неучение». Нет и хвалы Андрею от мужей отца. Сняв с него доспехи, они обнаружили «много ран не имуще крови», т. е. кровоподтеки. О погребении же коня Никоновская летопись сообщает интереснейшую подробность: «И повеле (Андрей) роз-



Рис. 4. Миниатюра Лицевого свода

копати землю, и въстави тамо срубъ и ту погребе коня своего». Иллюстратор Лицевого летописного свода, посвятивший рассказу о битве под Луцком пять миниатюр, в полном соответствии с текстом изображает сцену укоров Андрею, осмотра соратниками его ран и картину погребения коня в «срубе». За верхним венцом сруба видны уши и холка коня (рис. 4).

Все эти детали не домысел летописца XVI в. Отрицательная оценка Андрея вполне могла принадлежать и древнему летописцу, трудом которого пользовался сводчик XVI в. Там могло сочетаться осуждение с похвалой храбрости. Вспомним, как автор «Слова о полку Игореве», сочувствуя Игорю, корит его за безрассудную поспешность, что уже «сменися хвала на хулу», как мысленно упрекает храбрецов князь Святослав<sup>16</sup>, и совсем не могла быть сочинена в XVI в. такая деталь, как погребение коня в срубе. О ней глухо помнила былина о Михайле Потоке, которого погребли верхом на коне в гигантском срубе<sup>17</sup>. Но увидеть дружинные погребения с конем стало возможным лишь благодаря археологическим исследованиям, которые открыли серию таких погребений в Киеве и Черни-

<sup>8</sup> Здесь интересное расхождение северной и южной редакций рассказа: в Лаврентьевской летописи — «Ярославица смерть» (издатели поясняют: «т. е. Изяслава Ярославича». См.: ПСРЛ, т. I, стб. 325), в Ипатьевской — «Ярославица смерть Изяславица» (ПСРЛ, т. II, стб. 390). Видимо, точнее первый вариант, по которому Андрей вспомнил смерть сына Ярослава Мудрого Изяслава, погибшего в 1078 г. в битве на Нежатиной Ниве. При этом и обстановка была сходная: «оунесалу приехавъ один оудари копьемъ за плеча и тако оубьены бысть Изяславъ снъ Ярославъ» (ПСРЛ, т. II, стб. 193). Удивительна книжная память Андрея и осведомленность в деталях княжеских биографий.

<sup>9</sup> ПСРЛ, т. I, стб. 323—325. Текст Ипатьевской летописи почти идентичен.

<sup>10</sup> А. Котляревский. О погребальных обычаях языческих славян. М., 1868, стр. 240, прим.

<sup>11</sup> Д. Н. Анучин. Сани, лады и кони как принадлежности погребального обряда. «Древности МАО», т. XIV, М., 1890, стр. 216, прим. 210.

<sup>12</sup> Р. К. Куликаускаене. Погребение с конями у древних литовцев. СА, XVII, 1953; Р. К. Волкайте-Куликаускаене. Литовцы в IX—XII вв. Автореф. докт. дисс. Вильнюс, 1968, стр. 44—48.

<sup>13</sup> В. А. Гордцов. Отчет об археологических исследованиях в долине р. Оки 1897 г. «Древности МАО», т. XVII, М., 1900; А. Ф. Дубынин. Малышевский могильник. КСИИМК, вып. XXV, 1949, стр. 131, вып. XXVII, 1949, стр. 91.

<sup>14</sup> А. С. Уваров. Меряне и их быт по курганным раскопкам. «Труды I АС», т. II, М., 1871, стр. 217, 269 и сл. (Курганы у Шелебова, Шокшова и Городища). А. С. Уваров полагал, что конь сопутствует воинским погребениям правителей или князей.

<sup>15</sup> ПСРЛ, т. IX, стр. 181—182.

<sup>16</sup> «Слово о полку Игореве». М.—Л., 1950, стр. 20. Отметим, что песнотворец пять раз употреблял слово «комони» (стр. 10, 11, 28).

<sup>17</sup> Д. Н. Анучин. Указ. соч., стр. 190.



гове; встречается, как редкость, отдельное погребение коня, но не в срубе<sup>18</sup>. Текст Никоновской летописи очень точен: когда вырыли яму, «встави тамо сруб», т. е. опустили сруб в яму, точнее — рубили клеть в яме. Так понял это и иллюстратор летописи: люди вокруг сруба видны по поясу, т. е. сруб впущен в яму. Среди людей около него слева — князь Андрей, простерший правую руку в прощальном жесте к коню; в группе за срубом — плотники, у переднего в руке топор.

Древнюю подробность о погребении коня в срубе сводчики выпустили уже давно. Ее нет и во владимирском летописании XII—XIII вв. Однако иллюстратор владимирского свода 1212 г. отдал должное изображению подвига княжеского коня. Любопытно, что автор этого свода, модернизируя его язык и убирая старомодные слова, заменил и слово «комонь» на «конь»<sup>19</sup>, тогда как производное от него «комоньство» уцелело. Термин этот известен по тексту 1149 г. и оставлен И. И. Срезневским без объяснения, со ссылкой на древнечешскую параллель<sup>20</sup>. В тексте 1149 г. смысл его означает «доблесть», «геройство» и аналогичен «мужеству». Это-то и приравнивало коня, верного боевого товарища воина, к самому воину, почему конь Андрея и был удостоен, как человек, погребения по старинному, давно вышедшему из обихода обряду. Видимо, в княжеской среде Владимирской Руси XII в. вместе с переживаниями языческого родового быта<sup>21</sup> держались и живые припоминания о древней дружинной погребальной обрядности.

Сделанные наблюдения позволяют думать, что в руках составителя Никоновской летописи был источник, содержащий более древние тексты, чем дошедшие до нас в Лаврентьевском и Ипатьевском списках. Из-за краткости этой заметки я не имею возможности аргументировать мое представление о происхождении фрагментов о боевых подвигах Андрея на юге. Что они принадлежали руке или живому рассказу самого Андрея, бесспорно — это убедительно показал Ю. А. Лимонов<sup>22</sup>. Однако это не был особый «летописец Андрея». Рассказы Андрея были записаны в Переяславле-Русском и вошли в состав Переяславской летописи, откуда попали в последующие своды Киева и Владимира. Самый дух этих маленьких «воинских повестей» лишний раз убеждает нас в атмосфере рыцарства и былинном складе владимирской художественной культуры.

<sup>18</sup> Д. И. Блафельд. К исторической оценке дружинных погребений в срубных гробницах Среднего Поднепровья IX—X вв. СА, XX, 1954, стр. 148—156; М. К. Каргер. Древний Киев, т. I. М.—Л., 1958, стр. 187, 200.

<sup>19</sup> М. Д. Приселков. Указ. соч., стр. 86.

<sup>20</sup> И. И. Срезневский. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам, т. I. СПб., 1893, стб. 1266.

<sup>21</sup> В. А. Комарович. Культ рода и земли в княжеской среде XI—XIII вв. ТОДРА, т. XVI. М.—Л., 1960, стр. 84—104.

<sup>22</sup> Ю. А. Лимонов. Указ. соч.

М. В. МАЛЕВСКАЯ

## К ВОПРОСУ О ЛОКАЛЬНЫХ ВАРИАНТАХ КЕРАМИКИ ЗАПАДНОРУССКИХ ЗЕМЕЛЬ XII—XIII ВВ.

Для решения вопроса о локальных вариантах керамики Древней Руси материала еще недостаточно. Слабая изученность керамики X—XI и особенно XII—XIII вв., малое количество не только специальных исследований, но и публикаций, посвященных керамике отдельных городов, не дают достаточных данных для сравнительного анализа и не позволяют сейчас ставить этот вопрос во всей его полноте. Однако и теперь уже те немногие материалы, которыми мы располагаем, говорят о том, что керамика разных областей Руси далеко не одинакова. Ее своеобразие сказывается в ассортименте посуды, отдельных ее формах, в технике изготовления, орнаментации и других качествах. Это своеобразие, слабее выраженное в керамических материалах X—XI вв., отчетливо выступает в XII—XIII вв., как мы это пытались показать на материалах керамики Галицкой земли<sup>1</sup>.

Не имея достаточных данных для освещения этого вопроса по другим землям, обратимся к изучению керамики отдельных центров, что на современном этапе представляется не менее важным.

Попытаемся в данной работе проанализировать и сопоставить керамические комплексы двух городов западных земель: Новогрудка — центра Черной Руси и Данилова — города Волинской земли<sup>2</sup>. Керамические комплексы этих городов неравноценны. Керамика Новогрудка X—XIII вв., накопленная за период многолетних раскопок окольного города, составляет большую коллекцию. Чтобы не останавливаться на обосновании датировок, мы используем лишь те материалы, которые надежно увязываются с постройками XII — первой половины XIII в., датированными на основании стратиграфических данных и вещевого материала и частично опубликованными<sup>3</sup>. Керамический материал Данилова, полученный из раскопок 1968 г., целиком относится к первой половине XIII в.

Новогрудок. Основная масса керамики Новогрудка XII — первой половины XIII в. сделана из глин с примесью крупного песка или дресвы, реже мелкого песка. Обжиг большей частью трехслойный (черепок в изломе красно-серо-красный), но есть и насквозь прокаленные черепки. Вся посуда сделана на гончарном круге в технике спирального налета. Днища почти всегда плоские (редко вогнутые), клейм очень мало.

<sup>1</sup> М. В. Малевская. К вопросу о керамике Галицкой земли XII—XIII вв. КСИА, вып. 120, стр. 3—14.

<sup>2</sup> П. А. Раппопорт. Данилов (в настоящем выпуске).

<sup>3</sup> Ф. Д. Гуревич. Об окольном городе летописного Новогрудка X—XIII вв. СА, 1962, № 1, стр. 241—252; она же. О жилищах окольного древнего Новогрудка. КСИА, вып. 87, 1962, стр. 70—77; она же. Дом боярина XII в. в древнерусском Новогрудке. КСИА, вып. 99, 1964, стр. 97—102.



В ассортимент глиняной посуды входят следующие группы изделий: горшки, сосуды с вертикальным горлом, миски, кувшины, сосуды для хранения запасов (корчаги), столовая посуда (кружки, чашки, плошки) и крышки. Особую группу посуды, которая в данной работе не рассматривается, составляют местная и привозная поливная керамика<sup>4</sup>, а также многочисленные привозные амфоры.

Самую многочисленную группу глиняной посуды (94%) образуют горшки. По формам венчиков и другим признакам они подразделяются на пять типов<sup>5</sup>.

Горшки I типа (рис. 5, 1, 2) характеризуются отогнутым наружу венчиком со скругленным и загнутым внутрь краем, мягко изогнутой или четко выраженной шейкой и конусовидно суживающимся туловом. Диаметр венчика колеблется от 10 до 26 см. Максимальный диаметр тулова приблизительно равен высоте сосуда или слегка превышает его. Они орнаментированы в основном врезными горизонтальными линиями, иногда в сочетании с волнистыми, нанесенными палочкой по верхней половине сосуда, а иногда и ниже. Другие виды орнаментации — ногтевые вдавления, косая насечка, отпечатки зубчатого колесика — встречаются редко. Исключение представляют горшки с орнаментом, нанесенным гребенчатым инструментом, широко применявшимся в предшествующий период. Около 1/3 горшков совсем не орнаментированы. Горшки I типа составляют основную массу керамики почти в каждой постройке XII в. и реже встречаются в XIII в.

Горшки II типа (рис. 5, 3, 4) отличаются от горшков I типа только оформлением края венчика, который имеет не округлую, а прямую форму и почти не загнут внутрь, орнаментальные приемы те же, но преобладают неорнаментированные сосуды. Горшки II типа найдены во всех постройках XII в. (обычно в меньшем количестве, чем горшки I типа) и почти отсутствуют в постройках XIII в.

Горшки III типа (рис. 5, 5, 6) имеют более длинный венчик и не прямой, а слегка вогнутый, со скошенным внутрь краем, вдоль которого иногда проходит желобок. Шейка большей частью короткая. Орнаментация та же, что и на горшках первых двух типов. Несколько менее половины совсем не декорированы. Горшки III типа найдены почти во всех постройках XII в. (но в меньшем количестве, чем предшествующие) и лишь как исключение в постройках XIII в.

Горшки IV типа (рис. 5, 7, 8) характеризуются очень простой формой венчика, напоминающей венчики горшков X в. Венчик отогнут наружу и край его косо срезан или скруглен и иногда слегка утолщен. Орнаментальные приемы те же, что и на других горшках, но чаще встречаются волнистые линии или их сочетания с горизонтальными линиями. Горшки без орнамента составляют около половины всех сосудов. Горшки IV типа найдены во всех постройках XII в. и в значительно большем количестве, чем первые три типа, в постройках первой половины XIII в.

Горшки V типа (рис. 5, 9, 10) отличаются от описанных выше рядом особенностей. Они имеют короткий отогнутый наружу венчик с округлым или скошенным краем, слегка оттянутым вниз, мягко изогнутую шейку, покатые плечики и чаще округлое, чем конусовидное тулово. В отличие от горшков других типов максимальный диаметр тулова приходится



Рис. 5. Керамика Новгорода. Горшки

3, 5, 7 — первая половина XII в.; 1—2, 4, 6, 9 — вторая половина XII в.; 8, 10 — первая половина XIII в.

на 1/2, а не на 2/3 высоты сосуда и часто значительно превосходит ее. Характерной особенностью орнаментации горшков V типа является применение наряду с горизонтальными линиями одного-двух рядов ногтевых вдавлений и иногда уплощенного кругового валика с косой насечкой. Неорнаментированные сосуды составляют всего 10%. Горшки V типа найдены в небольшом количестве в постройках второй половины XII в. и господствуют в первой половине XIII в.

Сосуды с вертикальным горлом, близкие по форме тулова и размерам к горшкам (рис. 6, 1, 2), образуют следующую группу посуды (2% всей керамики). Они имеют вертикальное или слегка наклоненное внутрь горло диаметром от 9 до 20 см, край которого скруглен, прямо срезан или скошен внутрь. Верхняя часть тулова, а часто и горло декорированы горизонтальными и волнистыми линиями и очень редко другими приемами. Есть со-

<sup>4</sup> О местной поливной керамике см.: М. В. Малевская. Поливная керамика древнего Новгорода. СА, 1969, № 3, стр. 194—203; о привозной поливной керамике см.: Ф. Д. Гуревич. Ближневосточные изделия в древнерусских городах Белоруссии. Сб. «Славяне и Русь», М., 1968, стр. 34—36.

<sup>5</sup> В основу типологической классификации положен в основном профиль венчиков сосудов, поскольку фрагментарность новгородской керамики не позволяет опереться на какие-либо другие признаки (пропорции, размеры и т. п.), а также потому, что он позволяет проследить развитие форм во времени.



суды и без орнамента. Сосуды с вертикальным горлом найдены во многих постройках XII в. и лишь в одном случае в постройке первой половины XIII в.

Миски составляют 1% керамического материала и делятся на два типа. К I типу относятся миски, напоминающие горшки открытой формы (рис. 6, 7). Диаметр венчика, равный 15—22 см, превосходит диаметр плечиков. Большая часть их не орнаментирована. Миски I типа обнаружены в постройках XII в. Миски II типа имеют почти прямые (слегка выпуклые) стенки, незначительно суживающиеся книзу (рис. 6, 8). Диаметр устья равен 17—20 см. По ряду признаков они близки горшкам V типа: в тесте примесь дресвы, сделаны посредством кольцевого, а не

спирального налепа, имеют желтую или серо-желтую поверхность и те же орнаментальные мотивы. Как и горшки V типа, они обнаружены в основном в постройках первой половины XIII в. Многие миски обоих типов имеют следы нагара и закопченности, что позволяет думать, что они использовались как для приготовления пищи, так и в качестве столовой посуды.

Кувшины (0,6%) характеризуются горловиной в виде раструба с диаметром 6—10 см, крупными плечиками и суживающимся книзу туловом (рис. 6, 10, 11). К верхнему краю горла и плечу крепилась ручка. Горло и плечико украшены горизонтальными и волнистыми линиями. Один небольшой кувшинчик несколько иной формы близок по ряду признаков горшкам V типа и мискам II типа (рис. 6, 9). Большая часть кувшинов найдена в постройках первой половины XIII в.

Столовая посуда, представленная единичными экземплярами (0,5%), включает в себя кружки без ручек (бокалы; рис. 6, 3), кружки с ручками, чашки (рис. 6, 4) и миски (плошки). Все они связаны в основном с постройками XII в.

Сосуды для хранения запасов — корчаги (0,4%) — сохранились фрагментарно (рис. 6, 6). К ним относятся обломки толстых стенок (1—2 см) очень большого диаметра (до 60 см), украшенные налепными валиками с косой насечкой. Видимо, к ним же относятся фрагменты вертикальных или слегка наклонных внутрь горловин диаметром 11—15 см. Некоторые сосуды этого типа были сделаны из беложгущейся глины с примесью песка. Обломки корчаг найдены в постройках XII в.

Крышки подразделяются на три типа: тип I — сферо-конические крышки с карнизиком, диаметры оснований от 10 до 11 см (рис. 6, 14); тип II — сферо-конические крышки с карнизиком и с цилиндрической шейкой (рис. 6, 19); тип III — конические крышки без карнизика, с диаметром основания 17—20 см (рис. 6, 15). Крышки III типа по ряду признаков близки горшкам V типа и мискам II типа, для покрытия которых они, вероятно, и изготовлялись. Если крышки первых двух типов найдены в основном в постройках XII в., то крышки III типа связаны с комплексами первой половины XIII в.

Если обратить внимание на датировку рассмотренных выше групп посуды, то станет заметным некоторое различие в ассортименте и формах сосудов на протяжении XII и первой половины XIII в. Для XII в. характерны горшки I, II, III и отчасти IV типов, сосуды (горшки) с вертикальным горлом, мелкая столовая посуда, корчаги и крышки первых двух типов<sup>6</sup>. Для первой половины XIII в. наиболее характерны горшки IV и V типов, миски II типа, кувшины и крышки III типа.

Данилов. Глиняная посуда Данилова выделяется прежде всего по составу теста. Около 95% изделий сделано из беложгущейся глины с примесью мелкого песка. Поверхность сосудов белая, бело-розовая и светло-серая; черепок в изломе белый, серый или черный. Вся посуда изготовлена на гончарном круге. Днища плоские, клейм почти нет.

В керамический комплекс из Данилова входят следующие группы изделий: горшки, сосуды с вертикальным горлом, миски, кувшины, сосуды для хранения запасов, сосуды с валиком для подвязывания веревки (кринки) и крышки.

Рассмотрим отдельные группы посуды в той же последовательности, в которой анализировалась керамика из Новогрудка.

Горшки составляют более 90% всей керамики. По профилям венчиков они разделяются на четыре типа, количественно очень неравные. Горшки

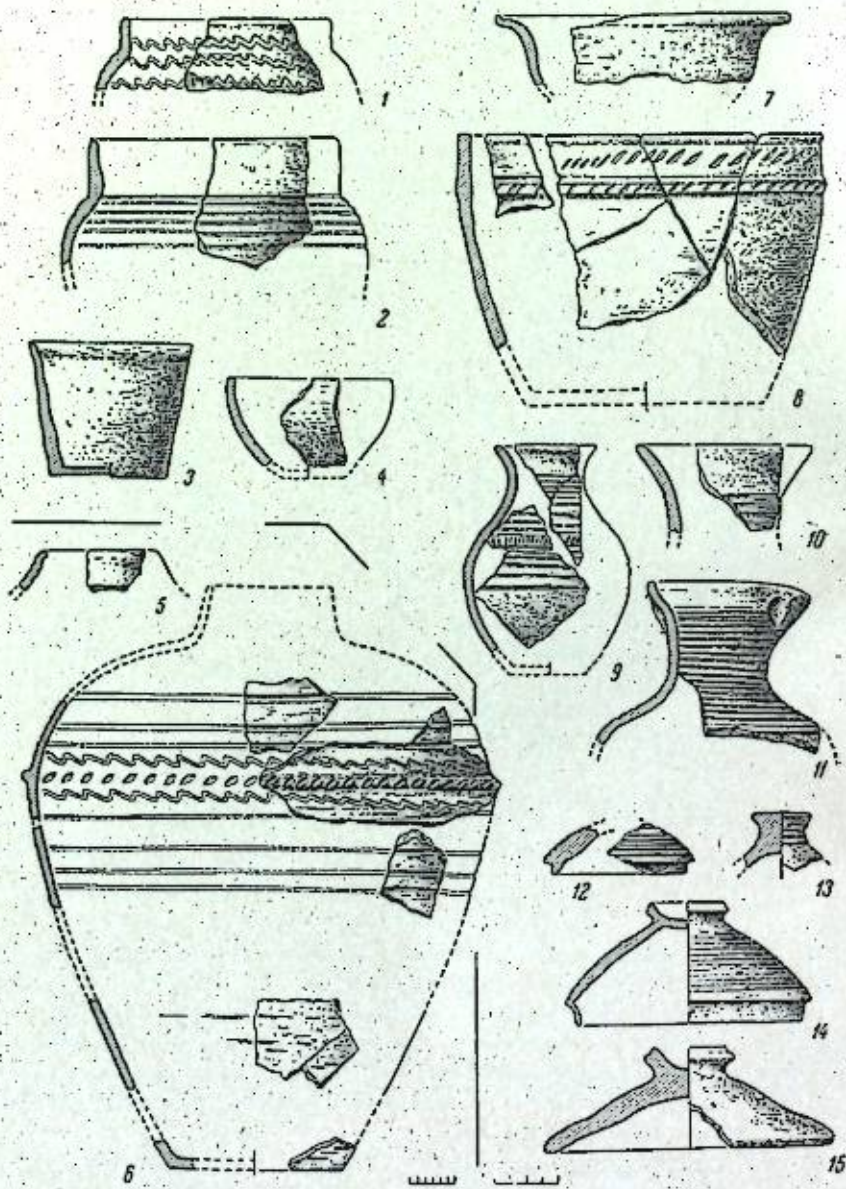


Рис. 6. Керамика Новогрудка. Прочие группы посуды

1, 2 — сосуды с вертикальным горлом; 3, 4 — столовая посуда; 5, 6 — корчаги; 7, 8 — миски I и II типов; 9—11 — кувшины; 12—15 — крышки I—III типов; 1, 3, 13, 14 — первая половина XII в., 2, 4—7, 12 — вторая половина XII в.; 8—11, 15 — первая половина XIII в.

<sup>6</sup> Имеется в виду в основном вторая половина XII в., так как в ассортимент посуды первой половины XII в. входят также некоторые виды керамики, в частности горшки, которые характерны больше для XI в.



I типа почти по всем признакам совпадают с горшками I типа из Новогрудка (рис. 7, 1). От новогрудских горшков их отличает, однако, орнаментация, которая, как правило, состоит из 4—5 горизонтальных линий, нанесенных палочкой по плечу или наиболее широкой части сосуда. Очень небольшое количество горшков украшено волнистой линией или кривой насечкой. Около половины горшков не орнаментировано.

Горшки II типа, представленные единичными мелкими обломками, характеризуются резко отогнутым наружу коротким венчиком со скошенным краем и желобком с внутренней стороны (рис. 7, 2). В Новогрудке таких горшков нет.

Горшки III типа, тоже малочисленные, имеют отогнутый наружу венчик с простым округленным или прямо срезанным краем подобно новогрудским горшкам IV типа (рис. 7, 3). Горшки IV типа по профилю венчика соответствуют новогрудским горшкам V типа (рис. 7, 4).

Сосуды с вертикальным горлом представлены всего двумя фрагментами (рис. 7, 8); оба без орнамента, диаметр горла 12—14 см.

Миски, от которых найдено только 2 фрагмента, имели коническую форму и слегка выпуклые стенки (рис. 7, 14). Обе миски большие, диаметр устья 20 и 36 см. Одна из них украшена по внешнему краю волнистой линией, другая — горизонтальными линиями (снаружи и внутри).

Кувшины, составляющие около 2% керамики, по форме горловины делятся на два типа: тип I — кувшины с горлом в виде раструба (диаметр устья 7—11 см), оформленного снаружи слабо выступающими или рельефными валиками (рис. 7, 10—11), и тип II — кувшины с узким высоким горлом диаметром 2,5—3 см (рис. 7, 9).

Сосуды для хранения продуктов — корчаги (1,5%) — имеют прямое, слегка наклоненное внутрь горло диаметром 14—15 см, крутые плечики и конусовидно суживающееся тулово (рис. 7, 12). Высота склеенного сосуда 68 см, максимальный диаметр тулова 50 см. Горловины некоторых сосудов украшены слабо выступающими валиками или горизонтальными линиями; тулово иногда декорировано наклепными валиками с кривой насечкой, как на сосудах из Новогрудка.

Сосуды с вертикальным горлом и валиком для подвязывания веревки являются своего рода кринками (около 1%) и, видимо, служили для переноса жидкостей (рис. 7, 13). Сильно выступающий валик имеет два паза, через которые веревка выводилась вверх (в виде петли). Тулово одного из сосудов имело форму, близкую к шаровидной. Этот сосуд в отличие от основной массы керамики из Данилова сделан не из белой глины, а обычной цветной.

Крышки по численности составляют вторую после горшков группу изделий (почти 3%, рис. 7, 5—7). Почти все они конические и, судя по форме карнизика, были изготовлены для покрытия сосудов разного назначения. Диаметр их основания колеблется от 6 до 17 см.

Сопоставление керамических комплексов из Новогрудка и Данилова выявляет как черты сходства между ними, так и различия. Общими являются близость (хотя и не тождественность) ассортимента посуды, резкое количественное преобладание горшков, сходство форм некоторых групп посуды (горшков I типа, сосудов с вертикальным горлом и корчаг), сходство орнаментальных мотивов.

Отличительных черт значительно больше: 1) различны сорта глины и отощителя; 2) в Новогрудке нет совсем кринки с валиком для подвязывания веревки (возможно, их заменяли сосуды с вертикальным горлом), а в Данилове очень мало сосудов с вертикальным горлом и нет мелкой столовой посуды; 3) различны формы почти каждой группы сосудов: горшки из Новогрудка разнообразнее по форме; в Данилове же в первой половине XIII в. почти безраздельно господствует I тип горшков, возникший на Волыни еще в XII в. При сходстве орнаментальных

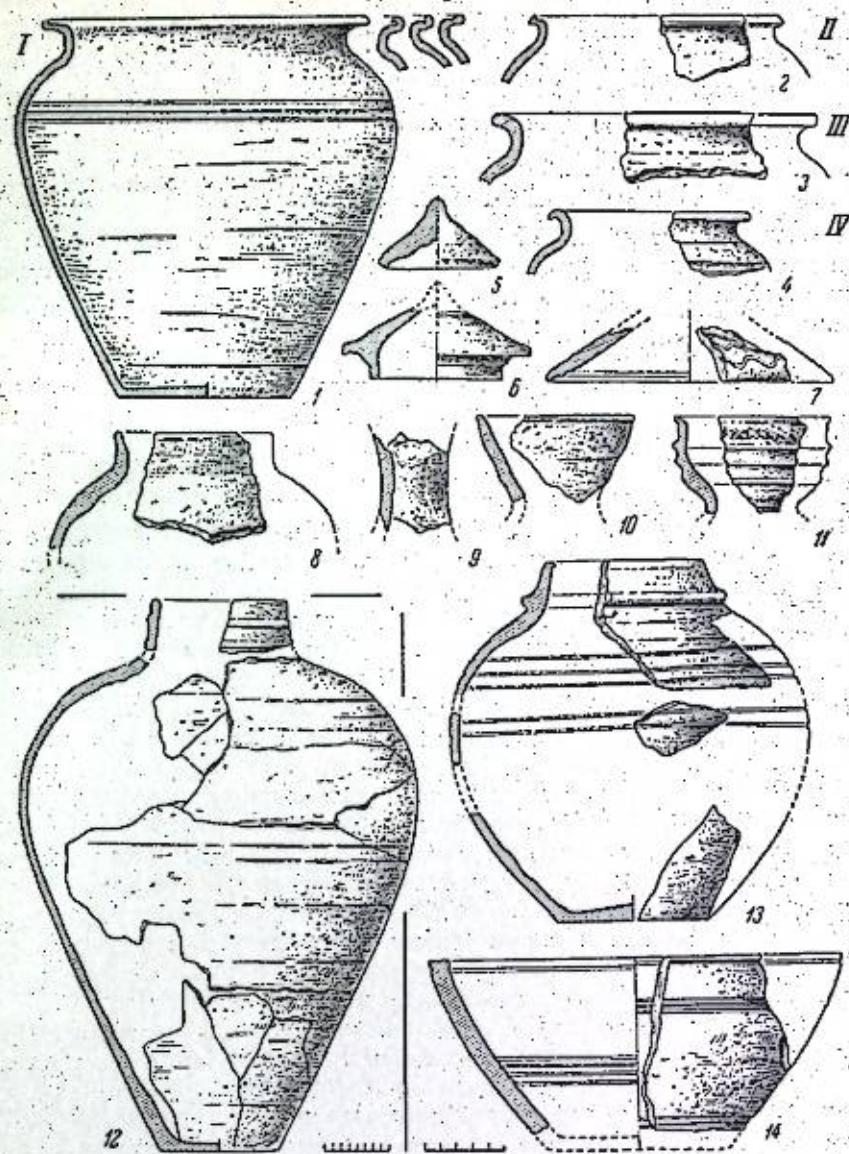


Рис. 7. Керамика Данилова (первая половина XIII в.)

1—4 — горшки; 5—7 — крышки; 8 — сосуд с вертикальным горлом; 9—11 — кувшины; 12 — корчага; 13 — кринка; 14 — миска

сюжетов размещение их на горшках неодинаково: в Новогрудке орнамент обычно покрывает верхнюю половину сосудов и иногда спускается вниз, в Данилове же занимает сравнительно узкую полосу<sup>7</sup>; 4) различны формы мисок и в меньшей степени кувшинов. Таковы основные различия в керамике Новогрудка и Данилова, которые отчетливо видны при сопоставлении целых керамических комплексов и позволяют с уверенностью констатировать своеобразие каждого из них. Недостаточная изученность керамических материалов не дает возможности окончательно доказать сей-

<sup>7</sup> Данилов в этом отношении, видимо, не является исключением: в другом городе Волынской земли, расположенном на северо-западной ее окраине, — городе Рай — в культурном слое XIII в. горшки, соответствующие I типу, были тоже единственной формой (судя по материалу из шурфа). Сведения П. А. Раппопорта. См. также: П. А. Раппопорт. Военное зодчество западнорусских земель X—XIV вв. МИА, № 140, 1967, стр. 45.



О. В. ОВСЯННИКОВ

## О СРЕДНЕВЕКОВЫХ РУССКИХ ЛЫЖАХ

История древнерусских лыж подробно прослежена А. В. Арциховским<sup>1</sup> по письменным источникам и миниатюрным изображениям. Можно отметить две области использования лыж в Древней Руси — хозяйственную (в первую очередь охоту) и военную. Вполне естественно, что передвижения на лыжах крупных, воинских отрядов ввиду политической важности военных событий попадали на страницы русских летописей, а хозяйственная сфера, в которой наиболее широко использовались лыжи, оставалась в тени. Если в недавнем прошлом о широком использовании лыжного способа передвижения можно было говорить предположительно (хотя и с большой долей уверенности), то сейчас это уже доказанный факт. За последнее время значительное количество лыж (целых и фрагментов) найдено во время археологических исследований в северных областях Древней Руси: в 1950 г. лыжи были найдены в Старой Ладге<sup>2</sup>, девять лыж (целых и фрагментов) XI—XIV вв. обнаружено во время работ Новгородской экспедиции на Неревском раскопе<sup>3</sup>.

Все лыжи в Старой Ладге найдены в горизонте E и относятся к VIII—IX вв.

Лыжа 1 (рис. 8, 1) была зарисована сразу же после раскопок<sup>4</sup>, сейчас сохранность ее плохая. Длина лыжной пластины вместе с носком 178,8 см, ширина в передней части 13 см, в задней 11 см, толщина пластины 0,7 см. Передняя часть лыжи, сужаясь, заканчивается узким носком, к задней части пластина плавно сужается и закругляется. Лыжа имеет четко выраженную ступательную площадку длиной 29 см, шириной 5,8 см, высотой (от верхней плоскости лыжи) — 1 см<sup>5</sup>. Внутри ступательной площадки располагается паз для креплений (размеры отверстия паза 4,4×0,6 см). Верхняя поверхность лыжи покрыта продольными желобками, по краям лыжной пластины располагаются небольшие отверстия для прикрепления меха. Длина лыжной пластины с носком лыжи 2 (рис. 8, 2, 2а) 181,5 см. (конец лыжи немного обломан), ширина в средней части 13 см, в передней и задней частях 12,5, толщина пластины 0,7 см. Передняя часть лыжи заканчивается фигурным носком, задняя плавно сужается. Лыжа имеет ступательную площадку длиной 36 см, ши-

<sup>1</sup> А. В. Арциховский. Лыжи на Руси. «Труды ИЭ», новая серия, т. I, 1947, стр. 55—64.

<sup>2</sup> Архив ЛОИА, ф. 35, л. 41, л. 22. Нами учтены лишь две, довольно хорошо сохранившиеся лыжи (Эрмитаж, ОИПК, № 1 лс-2019; № 2 лс-2018).

<sup>3</sup> Б. А. Колчин. Новгородские древности. Деревянные изделия. САИ, вып. E1-55, 1968, стр. 57—58.

<sup>4</sup> Архив ЛОИА, ф. 35, л. 83, л. 52.

<sup>5</sup> Судить о характере и назначении выемки позади ступательной площадки по рисунку трудно, в натуре эта часть лыжи сохранилась плохо.

час, насколько керамика Новогрудка характерна для всех городов Черной Руси, а керамика Данилова — для Воыни. Однако и немногие имеющиеся материалы позволяют все же предположить, что наиболее типичные особенности керамических комплексов из Новогрудка и Данилова окажутся характерными для Черной Руси и Воыни в целом.

В этом убеждают до некоторой степени наблюдения, сделанные в отношении керамики ряда городов Галицкой земли<sup>8</sup>.

Сопоставление галицкой глиняной посуды с только что рассмотренными керамическими материалами показывает, что наряду с некоторыми общими чертами отчетливо выступает ее различие не только с посудой из далекого Новогрудка, но и с посудой из соседнего Данилова.

Отметим лишь наиболее существенные в этом отношении моменты. Так, например, горшки I типа, встречающиеся в XII—XIII вв. во всех городах Древней Руси (общерусский тип), в Данилове являются основным и почти единственным типом, в Новогрудке (в XIII в.) преобладают над другими, а в городах Галицкой земли занимают второстепенное место<sup>9</sup>. Зато горшков распространенного в Галицкой Руси типа — собственно галицкого (тип II, вариант с желобком)<sup>10</sup>, — соответствующего даниловским горшкам второго типа, в Данилове крайне мало, а в Новогрудке почти совсем нет. В галицких городах есть горшки арханского типа (тип IV)<sup>11</sup>, соответствующие новогрудским горшкам IV типа, но они составляют там небольшую группу. Имеются также горшки, соответствующие новогрудскому V типу (тип II, вариант без желобка)<sup>12</sup>.

Другие группы галицкой посуды также имеют свои отличительные черты. В городах Галицкой земли нет кувшинов с горловиной раструбом, аналогичных новогрудским или даниловским; их заменяла, видимо, кринка с вертикальным или лишь слегка расширяющимся горлом, украшенным валиками. Нет также мисок, подобных новогрудским или даниловским. В галицких городах почти совсем нет, как и в Данилове, горшкообразных сосудов с вертикальным горлом, которые составляют значительную группу керамики в Новогрудке. Зато, как в Данилове и других городах Воыни, в галицких памятниках часты сосуды с вертикальным горлом (кринки) и валиком для подвязывания веревки. За пределами Галицкой и Воынской земель эти сосуды не обнаружены.

Таким образом, сопоставление керамических комплексов городов трех западных земель — Черной Руси, Воыни и Галицкой земли — свидетельствует о том, что каждый из этих комплексов имеет свои особенности.

Наличие локальных вариантов в керамике Древней Руси XII—XIII вв., когда разные районы ее и отдельные центры встали на путь самостоятельного культурного развития, представляется вполне закономерным. В это время гончарное производство заметно шагнуло вперед и ремесленники усовершенствовали свою продукцию не только с чисто технической и функциональной сторон, но и придали ей своеобразный художественный облик, в котором, может быть, больше, чем в чем-либо другом, проявляются локальные варианты керамики Древней Руси. Среди ряда факторов, которые определяли своеобразие керамических комплексов той или иной области, не последнюю роль играли связи с соседними как русскими, так и западными землями. На развитии форм и некоторых приемов орнамента керамики западнорусских земель несомненно сказались, в частности, связи с Польшей, особенно заметные в предшествующий период, но продолжавшиеся и в интересующее нас время.

<sup>8</sup> М. В. Малевская. К вопросу о керамике Галицкой земли XII—XIII вв.

<sup>9</sup> См.: М. В. Малевская, П. А. Раппопорт, Б. А. Тимошук. Раскопки на Ленковецком поселении. СА, 1970, № 4, стр. 118.

<sup>10</sup> Там же, рис. 2, 8, 9, 12, 14.

<sup>11</sup> Там же, рис. 3, 8—14.

<sup>12</sup> Там же, рис. 2, 10, 11, 13. Изучение керамики Новогрудка, Данилова и других городов Древней Руси заставляет выделить этот тип как самостоятельный, характерный в основном для XIII в.



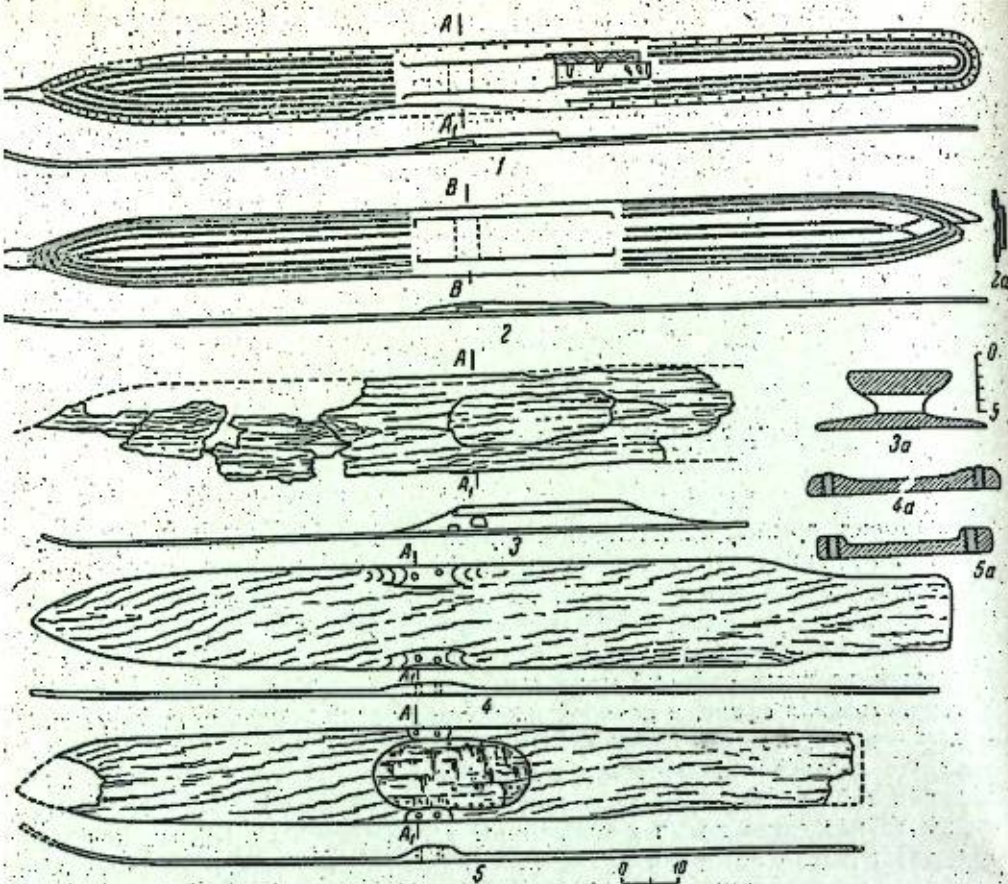


Рис. 8. Лыжи из археологических раскопок  
1, 2, 2а — из Старой Ладogi; 3, 3а, 4, 4а, 5, 5а — из Мангазеи

риной 7 см. Внутри ступательной площадки — паз для креплений. Верхняя поверхность лыжи имеет восемь неглубоких желобков, которые у носка и пятки пересекаются. Вдоль нижней плоскости лыжи тянутся два продольных паза, однако у носка и у пятки пазы сходятся. Таким образом, староладожские лыжи, древнейшие пока средневековые лыжи, найденные в Восточной Европе, представлены лыжей с мехом и голицей. Подобное оформление лыжных пластин было связано, несомненно, с определенными особенностями их использования. Следует отметить, что лыжа, нижняя поверхность которой закрывалась мехом, не была толчковой, для этого она слишком длинна (т. е. парная ей лыжа была такой же длины). Лыжа 2 — голица — могла иметь в паре короткую толчковую лыжу.

Сомнения о славянской принадлежности культурного слоя Старой Ладogi до X в.<sup>6</sup> не умаляют значения староладожских находок для истории лыжного способа передвижения в Древней Руси.

Первыми бесспорно русскими являются новгородские лыжи<sup>7</sup>. Находки лыж в Новгороде значительны не только по количеству, но и тем, что дают представление о древнерусских лыжах с XI и по XIV в. Среди находок имеются скользящие лыжи двух типов. У типа I ступательная

площадка поднята над верхней плоскостью лыжи, в ней находится паз для креплений, вдоль нижней плоскости лыжи идет продольный направляющий желобок<sup>8</sup>. У типа II ступательная площадка располагается непосредственно на верхней плоскости лыжной пластины и ограничена с боков небольшими овальными бортиками — возвышениями, отверстия для подвязки креплений находятся в толще пластины, на нижней поверхности желобков нет<sup>9</sup>. Несомненно, некоторая хронологическая разница этих типов лыж не отражает какого-то эволюционного процесса. Это различие функциональное. Лыжи типа I беговые, об этом свидетельствуют обтекаемая ступательная площадка, расположенная примерно посередине лыжи, наличие направляющего желоба на нижней поверхности лыжи. Лыжи типа II более тихоходные, ступательная площадка сдвинута вперед до середины лыжной пластины. Лыжник не имел возможности раскатыться, так как был вынужден «тянуть» лыжу.

Во время археологических раскопок пока не найдено лыжных палок<sup>10</sup>. Лыжные палки отсутствуют и у лыжников, изображенных на древнерусских миниатюрах<sup>11</sup>. Однако использование лыжных палок на Руси периода до монгольского нашествия (отталкивание производилось одной палкой, имеющей на нижнем конце шар из шерсти) засвидетельствовано Абу-Хамидом<sup>12</sup>.

Вполне естественно, что наиболее широкое распространение лыжи как средство передвижения получили прежде всего в северных районах Руси.

В 1499 г. во время югорского похода рать, состоящая из устюжан, вычегжан, вымич, сысолян, двинян и пинежан, «ходивше на лыжах пешим зиму всю, да югорскую землю всю вывоевали и в полон вели»<sup>13</sup>. Это известие заслуживает внимания, во-первых, с точки зрения продолжительности похода («зиму всю»), а во-вторых, перечислением составных частей лыжной рати — здесь представители почти всех районов русского Севера.

В 1614 г. по царскому указу с Вычегды и Соли Вычегодской надлежало собрать и отправить к Москве «пеших людей на лыжах с луки и со всяким ратным боем... и были б ратные люди добры, а старых бы и недорослей и увечных не было»<sup>14</sup>. О быстроте и ловкости в передвижении русских лыжных ратников не раз свидетельствовали иностранцы, побывавшие в Московском государстве в XVII в.<sup>15</sup>

Использование лыжного способа передвижения при освоении русскими северо-восточных и зауральских земель было продиктовано необходимостью.

В декабре 1582 г. часть дружины Ермака была направлена в пермские владения Строгановых за продовольствием и боеприпасами «волчьей дорогой, нартами и лыжами на оленях»<sup>16</sup>. Миниатюра Ремезовской летописи (рис. 9) иллюстрирует это событие несколько иначе: отряд лыж-

<sup>8</sup> Там же, табл. 48, 3, 4 (XIV в.).

<sup>9</sup> Там же, табл. 48, 1, 2 (XIII в.).

<sup>10</sup> В. П. Левашева писала о находке одной лыжной палки с кольцами в Пскове (В. П. Левашева. Изделия из дерева, луба и бересты. «Очерки по истории русской деревни». — «Труды ГИМ», вып. 33, 1959, стр. 73), но среди псковского материала нам не удалось найти этого предмета.

<sup>11</sup> А. В. Арциховский. Лыжи на Руси, стр. 61. Прорисовку миниатюры, изображающей поход 1444 г. «на Югру», см.: А. В. Арциховский. Древнерусские миниатюры как исторический источник. М., 1944, рис. 21.

<sup>12</sup> А. Монгайт. XII век. Путешествие в Россию. «Наука и жизнь», 1965, № 1, стр. 36. Употребление лыжных палок на Руси в более позднее время зафиксировано иностранными путешественниками (С. Герберштейн. Записки о московских делах. СПб., 1908, стр. 239).

<sup>13</sup> «Летописец, содержащий в себе Российскую историю», М., 1781, стр. 174.

<sup>14</sup> С. Б. Веселовский. Семь сборов запорских и пятинных денег в первые годы царствования Михаила Федоровича. М., 1908, стр. 94.

<sup>15</sup> А. В. Арциховский. Лыжи на Руси, стр. 62—64.

<sup>16</sup> «Краткая сибирская (кунгурская) летопись». СПб., 1880, статья 84.





Рис. 9. Миниатюра Ремезовской летописи

ников сопровождается не оленями, а собачьими нартовыми упряжками<sup>17</sup>. Изображены лыжи одинаковой длины, передний конец слегка загнут вверх. Лыжники держат в руках по одной палке, имеющей кольцо.

В 1600 г. в Мангазею с князем Мироном Шаховским и Даниилом Хрипуновым были на судах отправлены казаки. После кораблекрушения дальнейший путь продолжался в зимних условиях: на оленях везли груз, «а сами до Мангазеи шли на лыжах»<sup>18</sup>.

Широкое использование лыж русским населением Сибири в начальный период ее освоения диктовалось не только природными условиями, но и потребностью пушных промыслов. Позднее в Сибири появляется особая ремесленная специальность — «лыжники». В 1775 г. в Тюмени было 11 «лыжников», обслуживавших потребность населения в лыжах<sup>19</sup>. Поэтому несомненный интерес представляют находки первых сибирских лыж во время археологических работ на городище древней Мангазеи в 1968 г.<sup>20</sup> Лыжи были обнаружены при исследовании жилищно-хозяйственных комплексов как на посаде, так и в «городе». Мангазейские лыжи датируются первой половиной XVII в. Они скользящие и принадлежат двум типам.

К типу I относится лыжа с поднятой ступательной площадкой (рис. 8, 3, 3а). Сохранился лишь фрагмент лыжи длиной 129 см. Носок лыжи заострен. Ширина лыжной пластины до 17 см, толщина 0,5 см. Длина ступательной площадки 30 см, ширина 9 см, ступательная площадка возвышается над поверхностью лыжной пластины на 4 см. У основания ступательной площадки имеются два отверстия для лыжных креплений. Спереди и сзади ступательной площадки располагаются небольшие «ребра». Нижняя поверхность лыжи гладкая, без желоба. К этому же типу относится также фрагмент задней части лыжи длиной 85 см, ширина лыжной пластины 14,5 см, толщина 0,4 см, нижняя поверхность гладкая.

К типу II относятся более массивные лыжи. Ступательная площадка у них не поднята над поверхностью лыжи, а слегка углублена в ней, в передней своей части ограничена небольшими бортиками. В этих бортиках располагается по паре отверстий в каждом. Отверстия предназначались для продевания ремешков креплений и забивались потом небольшими нагельками (чтобы ремни не скользили в отверстиях). Для того чтобы ремни, выходя на нижнюю поверхность лыжи, не препятствовали скольжению, в толще лыжной пластины сделаны небольшие углубления — соединительные пазы. Ремни крепления на нижней плоскости не пересекали лыжную пластину, так как соединялись только наверху. Тип II представлен двумя лыжами — одна целая (рис. 8, 4, 4а), а у второй немного обломаны носок и пятка (рис. 8, 5, 5а). Первая имеет длину 230,5 см, ширина пластины в передней части 16, у ступни 17,5, в задней части 12, толщина лыжной пластины 0,5, у ступательной площадки 0,8 см (без учета бортика). Вторая имеет длину 144 см (носок и пятка у лыжи обломаны, первоначальная длина лыжи достигала, вероятно, 160 см). Когда лыжа была в употреблении, лыжная пластина треснула продольно и была отремонтирована. Для этого в пластине высверлили два отверстия и соединили их неглубоким пазом, треснутые части стянули и скрепили ремешком, концы которого закрепили в отверстиях нагельками. Ширина лыжной пластины в передней части 14,8 см, у ступательной площадки 15,5, у суженного задника 11,5, толщина пластины у носка 0,6, у ступательной площадки 1,3 (без высоты бортика) и у задника 0,9 см. Обе лыжи на нижней (скользящей) поверхности не имеют направляющего желоба. Не имеют они и следов закрепления меха (хотя вообще такие следы не обязательны, так как мех мог зашнуровываться или подклеиваться). Вероятнее всего, они являлись голлицами. На это указывает и изношенность нижних поверхностей лыж. Употребление меха на лыжах, на наш взгляд, полностью исключается, так как они являлись беговыми лыжами.

К сожалению, о лыжах у народов Сибири в XVII в. известно слишком мало. Общая классификация лыж, предложенная В. В. Антроповой, не содержит сведений о времени появления того или иного типа лыж (ступательных или скользящих) у народов Сибири<sup>21</sup>. Оказали ли влияние русские лыжи на изменение конструкции лыж у малых народов Севера? Ответить на этот вопрос трудно, ибо он в этнографической литературе не поднимался. Описывая скользящие лыжи у народов, населяющих Западную Сибирь, — у северных манси, северных и восточных хантов, В. В. Антропова отмечает «особую» группу лыж, которую не решается отнести ни к одной из известных ей в Сибири<sup>22</sup>. Характерной чертой этих лыж является возвышающаяся ступательная площадка, в которой расположены пазы для лыжных креплений. Распространение беговых лыж у народов Западной Сибири является, на наш взгляд, результатом знакомства с русскими лыжами. Форму русских лыж освоили в первую очередь те народы, которые первыми вступили в контакт с русским населением.

Подведем некоторые итоги. Уже в эпоху Киевской Руси в Восточной Европе были выработаны два основных типа скользящих лыж — беговые (скоростные) и промысловые. Оба типа оказались достаточно стабильными и дожили до позднего средневековья (а этнографические данные позволяют говорить о их существовании едва ли не до настоящего времени). Подобная «живучесть» объясняется рациональностью найденных форм (для промысловых лыж высоко поднятая ступательная площадка была не всегда удобной, так как способствовала быстрому уставанию ноги

<sup>17</sup> Там же (лыжники изображены еще на одной миниатюре — статья 9).

<sup>18</sup> Г. Ф. Миллер. История Сибири, т. I. М.—Л., 1957, приложение, стр. 394—395.

<sup>19</sup> «История Сибири», т. II, Л., 1968, стр. 260.

<sup>20</sup> М. И. Белов, О. В. Овсянников. Раскопки древней Мангазеи. Сб. «Археологические открытия 1968 г.», М., 1969, стр. 246—248.

<sup>21</sup> В. В. Антропова. Лыжи народов Сибири. «Сборник Музея антропологии и этнографии», т. IV. М.—Л., 1953, стр. 7—26.

<sup>22</sup> Там же, стр. 24.



на дальних переходах при значительном весе охотничьего снаряжения). Наряду с этим следует отметить, что лыжи типа II претерпели некоторую модификацию: у мангазейских лыж ступательная площадка располагается примерно в средней части лыжи, а у новгородских лыж того же типа она немного сдвинута к носку. Знакомство народов Севера с русскими лыжами ускорило процесс замены ступательных лыж скользящими лыжами более рациональных конструкций. Находки лыж в хозяйственных или подсобных помещениях (а в них найдены почти все лыжи в Старой Ладогe, Новгороде и Мангазее) свидетельствуют о широком распространении лыжного способа передвижения в средние века.

## II. ПОЛЕВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Е. А. ГОРЮНОВ

## ПОСЕЛЕНИЕ У СЕЛА ЧУЛАТОВО

В 1968 г. Среднедеснинской археологической группой<sup>1</sup> были произведены небольшие раскопки на поселении у с. Чулатово Новгород-Северского района Черниговской обл.

Поселение расположено на обрывистом правом коренном берегу р. Десны, на юго-восточной окраине с. Чулатово. С севера, со стороны села, и с юга поселение ограничено глубокими и узкими балками, выходящими к Десне, с востока — обрывом. Его западная граница проходит через пашенное поле и огороды. Протяженность поселения с севера на юг составляет 320—350 м. В обнажении берега на высоте, достигающей 10—14 м, хорошо прослеживается культурный слой, видны обрезы двух жилищ-полуземлянок и двух ям-погребов. Культурный слой в разных местах имеет неодинаковую мощность — от 0,1 до 1 м. Вдоль берега, то приближаясь к обрыву, то отходя от него, проходит дорога, проложенная бульдозером; при этом культурный слой был сильно разрушен. Была вскрыта узкая полоса между кромкой берега и дорогой, в 30—35 м к северу от южной балки, на пологом склоне к ней, общей площадью 58 кв. м.

Прослежена следующая стратиграфия. Верхний слой однородный, серого цвета, насыпанный бульдозером при разравнивании дороги, мощностью до 0,32 м. Ниже залегал гумусированный темно-серый суглинок, представляющий собой ненарушенный культурный слой. Его мощность неравномерна — от 0,1 до 0,7 м, она возрастала в северном направлении. Материковый слой — это плотный лёссовидный суглинок желто-палевого цвета. В квадратах по линии А культурный слой оказался насыщенным глиняной крошкой. Здесь же встречены крупные куски обожженной глины (в одном случае с отпечатком жерди), а также отдельные древесные угольки.

При разборке гумусированных пятен, выступивших на материке, обнаружены остатки жилища-полуземлянки, восьми хозяйственных ям, следы столбов. Встречены также ямы, назначение которых не определено (рис. 10).

Жилище-полуземлянка имеет в плане четырехугольную, почти квадратную форму (3 × 3 м), углублено в материк на 0,5—0,6 м. Оно ориентировано углами по сторонам света. Пол жилища слегка повышается к стенкам и представляет собой утрамбованный материковый суглинок. В полу прослеживаются контуры трех ям-погребов, перекрытых полуземлянкой

<sup>1</sup> В составе группы работали Е. А. Горюнов (руководитель), студенты ЛГУ Е. Н. Носов и Е. А. Рябинин (лаборанты).



и уцелевших лишь в самой нижней части. Стенки полуземлянки отвесные. Полностью материковой является только одна стенка — юго-западная, другие приходится на перекрытые жилищем погребя. Северо-западная стенка нарушена поздней ямой. В северном углу жилища находится печь, вырезанная в материке. Она непосредственно примыкает к стенкам жилища, устьем обращена в юго-восточную сторону. По всей видимости, печь имела квадратную форму, обычную для славянских печей второй половины I тысячелетия. Южный угол ее, вероятно, был разрушен переконном, нарушившим северо-западную стенку полуземлянки. Внешние размеры печи около 1,1 × 1,1 м. Топка близка к овальной, ее размеры 0,62 × 0,42 м. Свод не сохранился. Стенки топки сильно обожжены и приобрели ярко-оранжевый цвет. Стенки, а также под обмазаны глиной. Толщина обмазки около 2 см. Под залегал на уровне пола жилища. Топка была заполнена углистым слоем и золой. В завале топки найдены также обломки лепного горшка с бугристой поверхностью, украшенного по краю венчика насечками (рис. 11, 5). В западном углу жилища расположена небольшая округлая яма диаметром 0,58 м, глубиной 0,24 м. Скорее всего она имела хозяйственное назначение. Столбовых ям, которые бы имели отношение к жилищу, не оказалось. Вход в жилище был, по-видимому, с юго-восточной стороны, напротив печи, где прослежена ступенька, вырезанная в стенке. Она находится на высоте 0,3 м от пола, ее ширина около 1 м.

Заполнение полуземлянки состояло из плотного темного гумусированного слоя с отдельными включениями желтого суглинка. Лишь у разрушенной северо-западной стенки оно было рыхлым, углистым и содержало обожженную глину. Керамика, найденная в заполнении, лепная. Она делится на зарубинецкую и роменскую. Зарубинецких черепков оказалось около 30, столько же — роменских. Что касается зарубинецкой керамики,

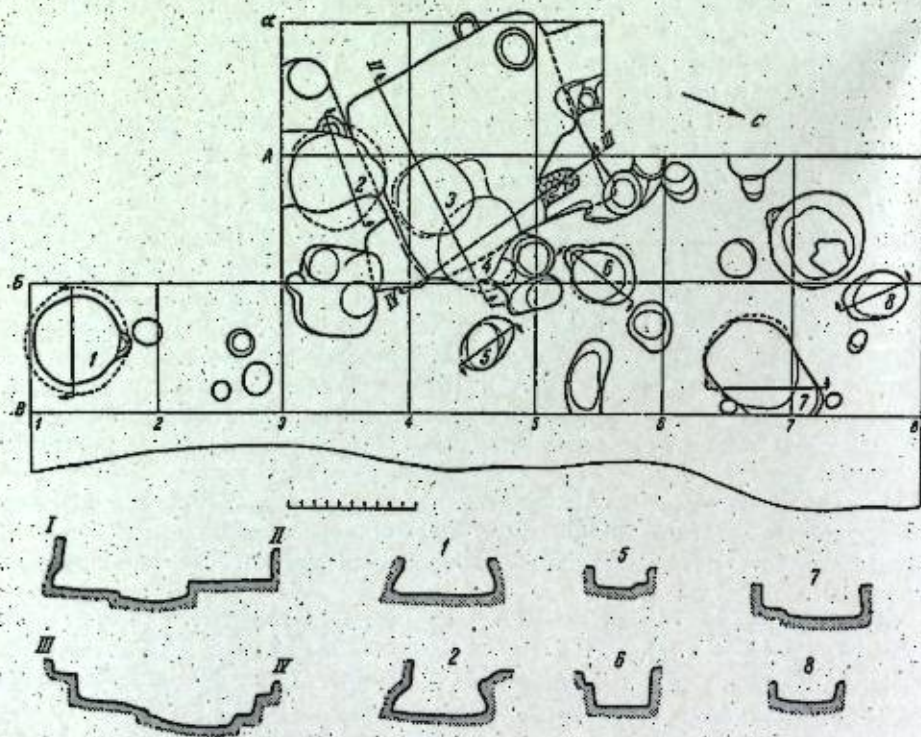


Рис. 10 Поселение у с. Чулатово. Жилище и хозяйственные ямы. План и профили

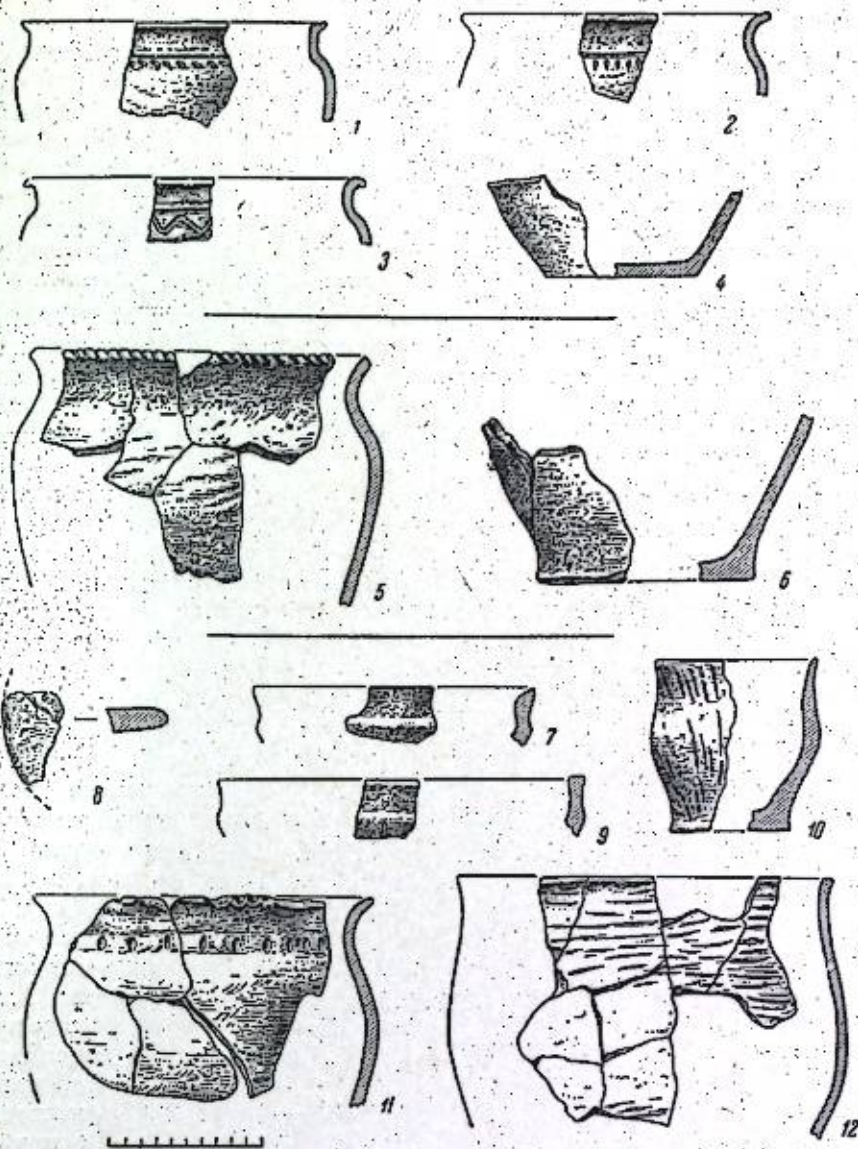


Рис. 11. Керамика с поселения у с. Чулатово

1-4 — гончарная древнерусская керамика; 5-6 — лепная керамика роменского типа; 7-12 — лепная керамика зарубинецкого времени

то она попала сюда, очевидно, случайно — жилище было вырыто в культурном слое этого времени. Эта керамика представлена обломками горшков с выделенным венчиком, имеющих небольшое расширение в средней части тулова, неорнаментированных (рис. 11, 12). Роменская керамика из жилища также характеризуется всего одной формой. Это горшок с выраженной шейкой, покатыми плечиками, украшенный по краю отогнутого наружу венчика насечками (рис. 11, 5).

Жилище можно отнести к последней четверти I тысячелетия. В пользу этого говорит как керамика из его заполнения, так и печь, типичная именно для этого времени<sup>2</sup>.

<sup>2</sup> И. И. Ляпушкин. Славяне Восточной Европы накануне образования Древнерусского государства. МИА, № 152, 1968, стр. 129.



На поселении было обнаружено восемь ям, имевших, судя по их форме, хозяйственное назначение. Две из них (3 и 4) были почти полностью уничтожены жилищем. Хозяйственные ямы в большинстве округлые, расширяющиеся книзу (колоколовидные), с ровным дном, слегка повышающимся у стенок, с небольшой полукруглой ступенькой. Верхний диаметр ям от 0,9 до 1,4 м, нижний диаметр на 0,1—0,4 м больше верхнего. Глубина 0,5—0,6 м.

Кроме того, имеются одна округлая и две овальные в плане ямы с почти отвесными стенками (5, 6, 8). Размеры первой ямы: диаметр 0,9 м, глубина 0,6 м, размеры двух других: около 0,9 × 0,7 м, глубина 0,4 м.

Ямы-погреба, перекрытые полужемлянойкой, относятся к зарубинецкому времени. Это подтверждается обломками керамики, найденными на самом дне ям, а также стратиграфическими наблюдениями. Другие хозяйственные ямы в большинстве также зарубинецкие — и в них была встречена керамика этого времени. В одной яме (8) не было сделано никаких находок.

Материал поселения составляет почти одна керамика. Кроме нее было найдено два железных сильно сработанных ножа с прямой спинкой и железный четырехгранный гвоздь с овальной асимметричной шляпкой и обрубленным острием. Керамика подразделяется на три группы, различные в количественном и хронологическом отношении. В первую, или раннюю, группу входит лепная керамика зарубинецкого типа, во вторую — лепная керамика, характерная для роменско-боршевских древностей, и в третью — гончарная керамика древнерусской поры.

Первая группа, зарубинецкая, самая многочисленная — около 200 фрагментов. Она вылеплена от руки, имеет по большей части шероховатую поверхность и изредка (всего 12 фрагментов) лощеную. Выразительны только три лощеных черепка. Один из них, с коричневатой поверхностью, происходит от горшка с прямым и высоким венчиком, два других — от ребристых черных мисок, в одном случае со скошенным наружу и граненым с внутренней стороны венчиком (рис. 11, 7), в другом — с прямым утолщенным широким краем и также граненым венчиком (рис. 11, 9). Лощеная керамика изготовлена из хорошо отмученной глины с небольшой примесью мелкого песка, хорошо обожжена. Остальная зарубинецкая керамика также представлена мелкими, подчас невыразительными фрагментами. Лишь у одного горшка удалось восстановить полную форму (рис. 11, 10). Он небольшой (высота 10,5 см, диаметр венчика 10 см, диаметр дна 8 см), с округлым изгибом стенок на середине высоты. Толщина стенок 0,7 см. Верхний край слегка отогнут наружу и горизонтально срезан. Дно имеет небольшую закраину. Тесто в изломе почти черное, содержит мелкий песок и шамот. Переход от стенок ко дну (с внутренней стороны горшка) плавный, скругленный. Горшок имеет гладкую поверхность сероватого оттенка.

В зарубинецкой керамике различаются еще две формы, которые можно считать основными. Одна из них — это горшок средней, реже большой величины, с округлым туловом, расширяющимся в средней части, с прямым или слегка отогнутым наружу верхним краем, неорнаментированный. Диаметр устья таких горшков колеблется от 10 до 40 см, но чаще составляет 25—27 см. Толщина стенок 0,5—0,8 см. Горшки такой формы изготавливались из хорошо промешанной глины с примесью мелкого шамота и песка. Поверхность обычно имеет серый цвет, иногда на ней видны следы сглаживания (рис. 11, 12). Другая форма — это горшки, имевшие суженную горловину с плавно отогнутым наружу венчиком, слегка выпуклое тулово. Плечики выражены слабо. Венчик, как правило, орнаментирован по краю насечками или пальцевыми вдавлениями. Иногда ямки, нанесенные пальцем, размещаются на шейке (рис. 11, 11). Тесто плотное, хорошо обожжено, содержит чаще всего песок или мелкую дресву. Поверх-

ность этих горшков коричневатая, хорошо сглаженная. Диаметр венчика достигает в некоторых случаях 45 см, но чаще 37—38 см. Толщина стенок около 0,5—0,8 см. К зарубинецкому времени, по-видимому, относятся также два обломка глиняных дисковидных крышек толщиной 1,3 см, диаметром 14 и 22 см (рис. 11, 8). Эта керамика находит ближайшие аналогии в материалах зарубинецкого селища на Пилипенковой горе близ г. Канева<sup>3</sup>, Чаплинского городища<sup>4</sup> и др. Из деснинских древностей с аналогичной керамикой можно назвать Полужское городище (верхний слой), Синьковское селище (одна из построек) и др., которые А. К. Амброз относит ко второму этапу (рубеж I в. до н. э. — I в. н. э.) выделенной им почепской культуры<sup>5</sup>. Эта дата для чулатовской зарубинецкой керамики кажется вполне допустимой.

Почти вся керамика роменского типа происходит из заполнения полужемлянки и завала печи. Она очень немногочисленна — всего около 40 фрагментов, отличается шероховатой поверхностью коричневатого цвета, со следами грубого сглаживания. Можно говорить лишь об одной форме — средней величины горшке, имеющем коническое тулово, отчетливо выраженные плечики и шейку, отогнутый венчик, украшенный по краю насечками (рис. 11, 6). Дно часто имеет закраину. Тесто плотное, содержит примесь крупного шамота, хорошо обожжено. Диаметр венчиков не превышает 27 см, диаметр днища 16 см, толщина стенок 0,7—0,8 см. Подобная керамика характерна для роменско-боршевских городищ, в частности для Новотроицкого.

Древнерусской гончарной керамики было найдено еще меньше, чем роменской, — всего около 20 фрагментов. Она изготовлена из тщательно промешанной глины с примесью мелкозернистого песка, сильно обожжена. Поверхность гладкая, коричневатая, иногда с темными пятнами нагара. Эта керамика представлена обломками сильно профилированными горшками. Венчики короткие, резко отогнутые наружу. Их край скруглен, иногда косо срезан. Лишь один венчик вертикальный, с отогнутым почти под прямым углом тонким краем, служившим упором для крышки. Горловина нередко отделена от тулова горизонтальной бороздкой, на плечиках размещается одинарная волна или поясик из мелких овальных или подтреугольных ямок (рис. 11, 1—3). Имеется фрагмент дна с клеймом, представляющим собой круг с решеткой внутри. Диаметр венчиков 14—16 см, диаметр днища 8—12 см, толщина стенок 0,4—0,5 см. Исходя из профилировки венчиков, гончарную керамику из Чулатовского поселения можно отнести к XIII в.

Таким образом, культурный слой поселения у с. Чулатова содержит разновременные отложения, хронологически, по-видимому, не смыкающиеся друг с другом. Стратиграфически эти отложения разделить не удастся, а их время и характер до проведения широких раскопок можно определить лишь предварительно.

<sup>3</sup> В. А. Богусевич и Н. В. Линка. Зарубинецкое поселение на Пилипенковой горе близ г. Канева. МИА, № 70, 1959, стр. 114—118, рис. 1 и 2.

<sup>4</sup> П. Н. Третьяков. Чаплинское городище. МИА, № 70, 1959, стр. 119—153, рис. 18.

<sup>5</sup> А. К. Амброз. К истории Верхнего Подесенья в I тысячелетии н. э. СА, 1964, № 1, стр. 56—61, рис. 2.



И. П. РУСАНОВА

ЖИЛИЩЕ VIII—IX ВВ. У СЕЛА БУКИ  
НА ЖИТОМИРЩИНЕ<sup>1</sup>

Славянские поселения Правобережья Днепра, одновременные роменским памятникам Левобережья, принадлежат культуре типа Луки-Райковецкой, распространенной на огромной территории от Южной Белоруссии до Южной Молдавии. Истоки этой культуры можно проследить только в памятниках типа Корчак (пражского), известных в областях Северо-Западной Украины — на Волини, в Житомирщине. На этой территории раскопаны как собственно памятники типа Луки-Райковецкой, так и переходные к ним от более ранних памятников типа Корчак. Наиболее крупные раскопки проведены на поселениях Лука-Райковецкая<sup>1</sup>, Хотомель, Бабка<sup>2</sup>, Тетеревка<sup>3</sup>, Шумск<sup>4</sup> и на некоторых поселениях, исследованных в последние годы, материал с которых еще не опубликован<sup>5</sup>. Одно из этих поселений у с. Буки Житомирской обл. и района погибло от сильного пожара; в результате хорошо прослеживаются деревянные конструкции дома и сравнительно богато представлен вещевой инвентарь.

Поселение находится в двух километрах к северу от с. Буки и занимает участок ровного коренного берега небольшого ручья Бобривки, впадающего в р. Тетерев. С северо-востока поселение ограничено берегом Бобривки, с юга и запада — болотистыми лощинами и только с северо-запада оно не имеет естественной границы. Подъемный материал, довольно бедный, встречается вдоль берега ручья на протяжении 250 м и на расстоянии 50—70 м в глубь берега. В ближайших окрестностях этого поселения, на излучинах и изгибах коренных берегов Бобривки известно еще пять поселений того же типа. Размеры и топографическое положение поселения типичны для раннеславянских памятников. Так же характерно для них расположение отдельными «гнездами». Ближайшее такое «гнездо» поселений расположено в пяти километрах от с. Буки на р. Тетерев около с. Денеш и еще через семь километров известна группа памятников у с. Корчак. Приблизительно такая же закономерность в расположении памятников прослеживается и в других районах Житомирщины и Волини.

Толщина культурного слоя на поселении у с. Буки не превышает 20—25 см, к тому же он полностью перепахан, находок в нем очень мало. Они сосредоточены только в сооружениях, углубленных в материковый



Рис. 12. Общий вид жилища

песок, — в жилище и в хозяйственных ямах. Незначительная мощность культурного слоя и однородность керамических находок указывают на очень непродолжительное время существования этого поселения. Так же кратковременна была жизнь на большинстве раннеславянских поселений Правобережья Днепра.

Исследованное жилище было расположено на самом берегу Бобривки, в 6 м от обрыва берега. Берег здесь имел незначительный уклон к реке, поэтому горизонтальный пол жилища находился на глубине 35—40 см ниже уровня материка в западной части жилища и лишь на глубине 10 см в восточной части, обращенной к реке. Учитывая существование в древности дернового слоя, можно считать, что котлован для жилища был вырыт на глубину всего лишь 30—60 см, т. е. фактически это было жилище с незначительно углубленным уровнем пола. Это типично для всех раннеславянских жилищ, расположенных на песчаных почвах Полесья, их глубина обычно не превышает 70—80 см, а большинство из них имеет глубину около 40 см. В доме на поселении Буки сохранился настил деревянного пола. Это остатки деревянных плах, уложенных горизонтально и хорошо пригнанных друг к другу. Пол лучше всего сохранился в северной части жилища, где он был отчасти засыпан камнями от развала печи-каменки и обгоревшим деревом от перекрытия дома. Здесь сохранилось семь больших плах длиной около метра, шириной 15—25 см и толщиной 5—10 см, лежащих на песчаном дне жилища параллельно его стенам с северо-востока на юго-запад. Необходимость деревянного пола в жилище вызывалась, по-видимому, рыхлым песчаным материком на этом поселении. Возможно, деревянные полы были распространены шире, чем это теперь представляется, так как до сих пор не удавалось найти жилище с хорошей сохранностью дерева (рис. 12).

Помимо деревянного пола в жилище сохранились и остатки дерева от стен. Это бревна, лежащие вдоль земляных стен дома и, по-видимому, образовывавшие сруб. В южном углу бревна лежали в три-четыре ряда одно над другим и концы их явно пересекали друг друга. После расчистки и снятия бревен оказалось, что в том же углу стояли два больших опорных столба, от которых сохранились ямы диаметром 25 и 35 см и глубиной 20 и 30 см (рис. 13). Столбовая яма прослежена и в северном углу дома. Обгоревшие бревна от рухнувшего перекрытия жилища лежат параллельно

<sup>1</sup> В. К. Гончаров. Лука-Райковецкая. МИА, № 108, 1963.<sup>2</sup> Ю. В. Кухаренко. Средневековые памятники Полесья. САИ, вып. E1-57. М., 1961.<sup>3</sup> И. К. Фролов. Поселение Тетеревка I. КСИА, вып. 110, 1967.<sup>4</sup> И. П. Русанова. Исследование памятников на р. Гиндопяти. Сб. «Археологические открытия 1965 г.», М., 1966.<sup>5</sup> Работы Волинской экспедиции 1967—1968 гг.



плахам пола с северо-востока на юго-запад и по направлению от входа в дом к печи. Для поддержки перекрытия служил столб, стоявший слева от входа. Для этой цели, возможно, служили столб, находившийся в середине жилища, и столб в центре северо-восточной стены. Таким образом, перекрытие дома было двускатным и конек крыши шел от входа поперек дома в направлении с юго-запада к северо-востоку.

Вход в дом прослежен в средней части юго-западной стены и представлял собой ступеньки, вырытые в материковом песке. Каждая ступенька была высотой около 20 см и шириной до 30 см. Ширина входа 90 см, а все три ступеньки образуют тамбур, выступающий за пределы дома на 80 см.

Печь находилась напротив входа в восточном углу дома. От нее сохранился развал крупных и мелких, сильно пережженных камней, занимающий весь угол жилища на площади  $1,60 \times 1,60$  м, но непосредственно не примыкающий к земляным стенам. Печь особенно сильно разрушилась еще и потому, что она была окружена деревянными опорными столбами, а ее передняя и боковая части дополнительно поддерживались горизонтально лежащими бревнами, следы которых сохранились в материке. Во время пожара опорная деревянная конструкция печи сгорела (рис. 13).

К восточному углу дома была сделана небольшая прямоугольная пристройка, не углубленная в материк. От нее остались лежащие на материке перпендикулярно стене дома бревно и две столбовые ямы по углам помещения. Его размеры  $1,80 \times 1,40$  м. Пристройка тоже сгорела и от ее стен остался слой мелкого угля с кусочками глиняной обмазки. В основу ее стен были положены большие бревна, сами же стены, по-видимому, были плетевыми, с глиняной обмазкой.

Котлован жилища — его размеры  $3,4 \times 3,6$  м — был заполнен черной углистой землей с отдельными довольно крупными углями и обломками обгоревших бревен. В заполнении, особенно в его нижней части, найдено много обломков глиняных сосудов, два глиняных биконических пряслица, железный нож. Но наибольшее скопление керамики и развалы сосудов находились около печи, справа от ее устья, между стенкой печи и стеной дома. Именно здесь обычно хранилась глиняная посуда во всех домах на раннеславянских поселениях.

Вся керамика на поселении лепная, грубая. Тесто ее содержит примеси крупного песка, больших зерен дресвы и изредка шамота. Поверхность сосудов неровная, бугристая, но часто протертая по еще сырой глине мокрой тряпкой или рукой и от этого как бы сглаженная или покрытая тонкой пленкой. Цвет сосудов коричневый и черный, но так как большинство из них побывало в пожаре и подверглось вторичному обжигу, то поверхность их часто покрыта резко контрастными по цвету пятнами. Внутренняя поверхность сосудов обычно темная, на ней часто заметны горизонтальные или вертикальные следы от сглаживания пальцами. Сосуды лепились без подставки, днища их утолщенные, тяжелые, стенки делались ленточным способом.

На поселении представлена лишь одна форма посуды — горшки, которые подразделяются на несколько близких между собой, но все же самостоятельных видов. Наиболее часто встречаются горшки с S-видным профилем, т. е. с отогнутым наружу венчиком и выдающимся плечиком, переходящим в вытянутое конусовидное тулово. Разновидностями этих сосудов являются горшки с округлыми плечиками и с плечиками, довольно резко, угловато изломанными (рис. 14). У другого вида сосудов почти прямой высокий венчик и резко выступающие плечики, иногда округлые или с более резким изгибом, как и у сосудов первого вида. Орнамента на керамике почти нет, за исключением нескольких обломков с косыми насечками (рис. 14, 5) и ямочными вдавлениями по краю и одного черепка с процарапанной примитивной волнистой линией.

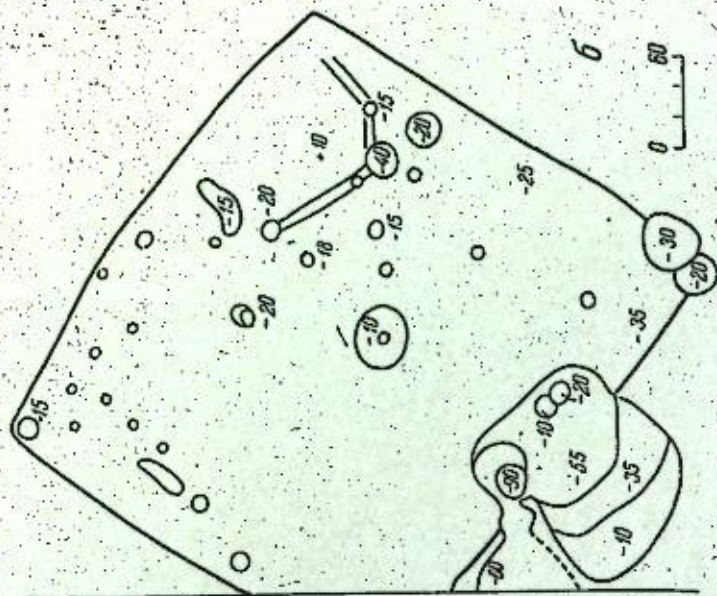
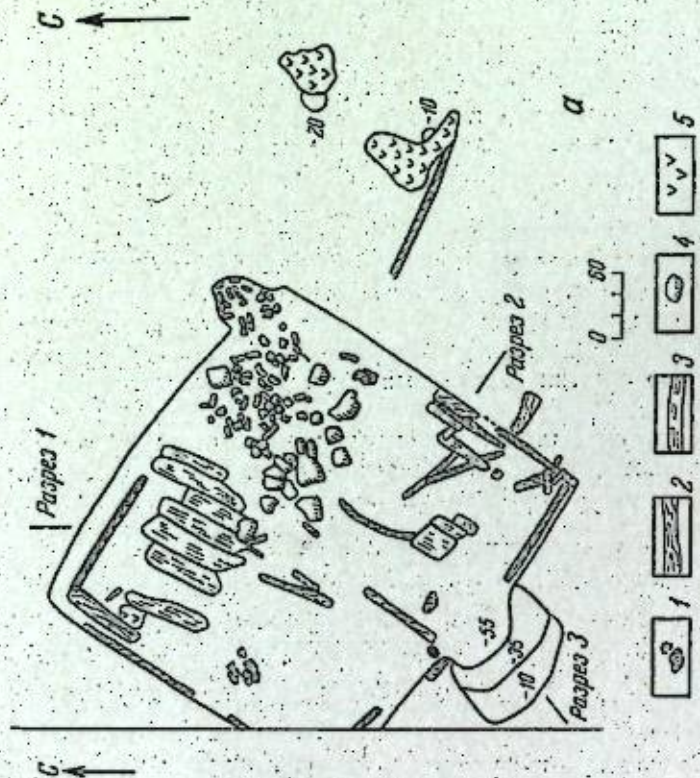


Рис. 13. Жилище 1.



1 — деревянные конструкции и печь жилища; 2 — ямы в полу жилища; 3 — черепки сосудов; 4 — бревна; 5 — доски; 6 — камни; 7 — уголь



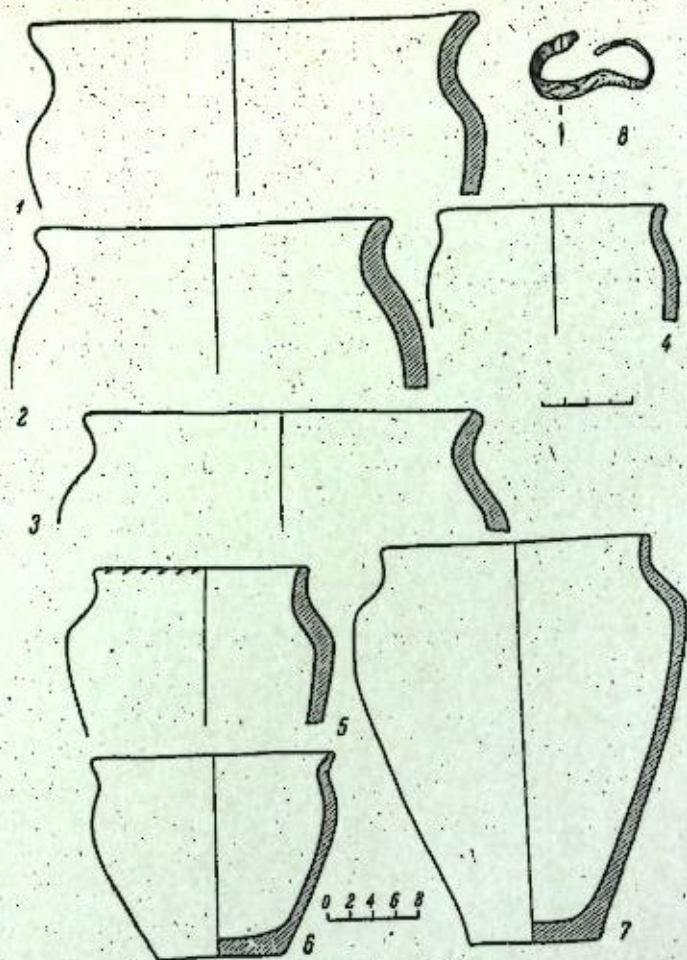


Рис. 14. Образцы посуды из поселения у с. Буки  
1 — из ям 5; 2 — из ям 4; 3—7 — из жилища; 8 — обломок бронзового браслета из ям 6

Для датировки поселения важна находка обломка бронзового браслета в одной из хозяйственных ям, расположенных к северо-западу от жилища: Это пластинчатый браслет с расширяющимся концом и с суженной серединой. По центру пластинки браслета проходит выпуклый валик, по обе стороны которого гребенчатым штампом нанесен зигзаговидный орнамент (рис. 14, 8). Браслеты такого типа найдены на Новотроицком городище, существовавшем с рубежа VIII—IX до конца IX—начала X в.<sup>6</sup>, в погребении Волинцевского могильника, относящегося приблизительно к тому же времени<sup>7</sup>, в составе Фативижского клада, датированного в пределах от V до VIII в.<sup>8</sup>, в кургане Гочевского могильника X—XI вв.<sup>9</sup> По-видимому, браслеты этого типа бытовали с VIII до начала X в. Керамический комплекс поселения у с. Буки соответствует этому же времени,

<sup>6</sup> И. И. Ляпушкин. Городище Новотроицкое. МИА, № 74, 1958, стр. 188.

<sup>7</sup> Д. Т. Березовец. Дослідження на території Путивльського району, Сумської області. АП, т. III. Київ, 1952, стр. 246, табл. 1, 3.

<sup>8</sup> В. Козловська. Срібний скарб часів переселення народів в с. Фатиніж на Чернігівщині. «Ювілейний збірник на пошану акад. М. С. Грушевського», т. I. Київ, 1928, стр. 44—52.

<sup>9</sup> «Атлас гочевских древностей». М., 1915, табл. XXIV.

но позволяет датировать это поселение несколько более узким периодом — VIII—IX вв.

Керамика с поселения Буки в целом принадлежит к типу Луки-Райковецкой. Несколько своеобразны и не встречены на поселениях самой Луки-Райковецкой только сосуды с высоким прямым венчиком<sup>10</sup>. Но сосуды этого вида известны на других поселениях под Житомиром, относящихся к тому же кругу памятников, например в Тетеревке<sup>11</sup>, в Шумске<sup>12</sup>. Они связываются и с более ранней керамикой типа Корчак. Но характернее сосуды с высоким прямым венчиком и выступающими плечиками для роменско-боршевских памятников Левобережья Днепра. Несмотря на большее разнообразие и богатство керамических форм роменско-боршевской культуры и наличие на сосудах этой культуры своеобразных орнаментов, редко встречающихся на правобережных памятниках, близость культур левого и правого берегов Днепра несомненна, на что не раз указывал И. И. Ляпушкин<sup>13</sup>. Среди сосудов роменско-боршевской культуры можно найти аналоги всем видам керамики правобережных памятников типа Луки-Райковецкой, например сосуды с поселения Буки сходны со многими горшками Новотроицкого городища<sup>14</sup> и городища Титчиха<sup>15</sup>. Появление своеобразных черт в роменско-боршевской керамике, по-видимому, нужно объяснить влиянием местных, левобережных культур, предшествовавших роменской.

Керамический комплекс поселения Буки, расположенного на восточной окраине ареала памятников типа Луки-Райковецкой, обнаруживает большую связь с левобережными памятниками, чем одновременные ему более западные комплексы. Но несмотря на это, посуда этого поселения хорошо вписывается в хронологическую шкалу керамики Правобережья<sup>16</sup>. По профилировке, характеру теста и орнаментации она относится к VIII—IX вв.

<sup>10</sup> В. К. Гончаров. Указ. соч., стр. 283—315.

<sup>11</sup> И. К. Фролов. Указ. соч., стр. 34, рис. 1.

<sup>12</sup> И. П. Русанова. Керамика раннеславянских поселений Житомирщины. «Archeologické rozhledy», т. XX, № 5, Praha, 1968, стр. 698, табл. II, 4.

<sup>13</sup> И. И. Ляпушкин. К вопросу о культурном единстве славян. Сб. «Исследования по археологии СССР». Л., 1961, стр. 203—204.

<sup>14</sup> И. И. Ляпушкин. Городище Новотроицкое, рис. 18, 2, 5, рис. 62, 100, 105 и др.

<sup>15</sup> А. Н. Москаленко. Городище Титчиха. Воронеж, 1965, рис. 31.

<sup>16</sup> И. П. Русанова. Керамика раннеславянских поселений Житомирщины, стр. 577.



В. В. СЕДОВ  
ГРИЦКОВСКИЕ КУРГАНЫ

Расположенный в лесу на юго-западной окраине дер. Грицково (Себежский район Псковской обл.) курганный могильник ныне состоит из 93 насыпей, из которых 10 длинных, 4 четырехугольные, остальные круглые. Могильник вытянут вдоль проселочной дороги, ведущей в дер. Сквороньково, и занимает площадь  $850 \times 50-180$  м. Длинные курганы разбросаны в срединной части могильника. Наиболее крупные из них достигают размеров  $70 \times 9$  и  $52,5 \times 8,4$  м, еще одна насыпь вытянута на 37 м, остальные сравнительно небольшие — от  $13 \times 9$  до  $28 \times 10$  м. Высота насыпей 0,7—1,4 м. Размеры четырехугольных курганов колеблются от  $9,5 \times 7,3$  до  $14 \times 14$  м, высота 0,6—1,15 м. Круглые насыпи весьма различны по величине: от небольших — диаметром 4,5—5 м, высотой 0,5—0,7 м до крупных — диаметром 14—17 м, высотой 2—3 м.

В 1892 г. раскопками курганов в Себежском поозерье занимался Е. Р. Романов. В Грицковском могильнике им исследовано 5 круглых насыпей. Курганы содержали остатки трупосожжений, помещенные в глиняных сосудах в верхних частях насыпей. Найдены обломок железного обруча от ведра и часть круглого в сечении бронзового браслета с расширенными концами<sup>1</sup>. В 1928 г. Грицковские курганы были осмотрены А. А. Спицыным, совершившим археологическую поездку по Себежскому краю, а в 1952 г. — Ф. Д. Гуревич<sup>2</sup>.

В 1967 г. в этом могильнике раскопками исследовано пять курганов, в том числе два длинных. Среди последних наибольший интерес представляет курган 18 (рис. 15), имевший размеры  $52,5 \times 8,8-8,4$  м, высоту 1 м. Северные две трети насыпи имели форму прямого вала, далее на юг курган несколько изогнут. Вдоль длинных сторон насыпи отчетливо прослеживались ровики шириной до 2,4 м, с северной и южной сторон они выражены слабее.

Курган насыпан из однородного желтого песка. При раскопках неоднократно зафиксированы бессистемные мелкие и более крупные зольные и зольно-угольные включения. В основании кургана, на материке прослежена зольная прослойка толщиной от 5 до 30 см. Эта прослойка покрывала курганное основание не сплошь, а имела два широких разрыва, соответствующих поперечным ровикам, разделявшим курган на три части. Заполнены ровики были желтым песком, однородным с насыпью кургана. Ширина ровиков 1,4 и 3 м, глубина до 0,9 м. Бесспорно, что ровики были засыпаны по мере увеличения длины курганной насыпи. Таким образом, определяется, что курган был сооружен в три приема.

<sup>1</sup> ОАК за 1892 г. СПб., 1894, стр. 62, 63; «Обозрение некоторых губерний и областей России в археологическом отношении». ЗРАО, т. IX, вып. 1-2, 1897, стр. 260.  
<sup>2</sup> Архив ЛОИА, д. 1928/135; архив ИА, р-1, д. 710.

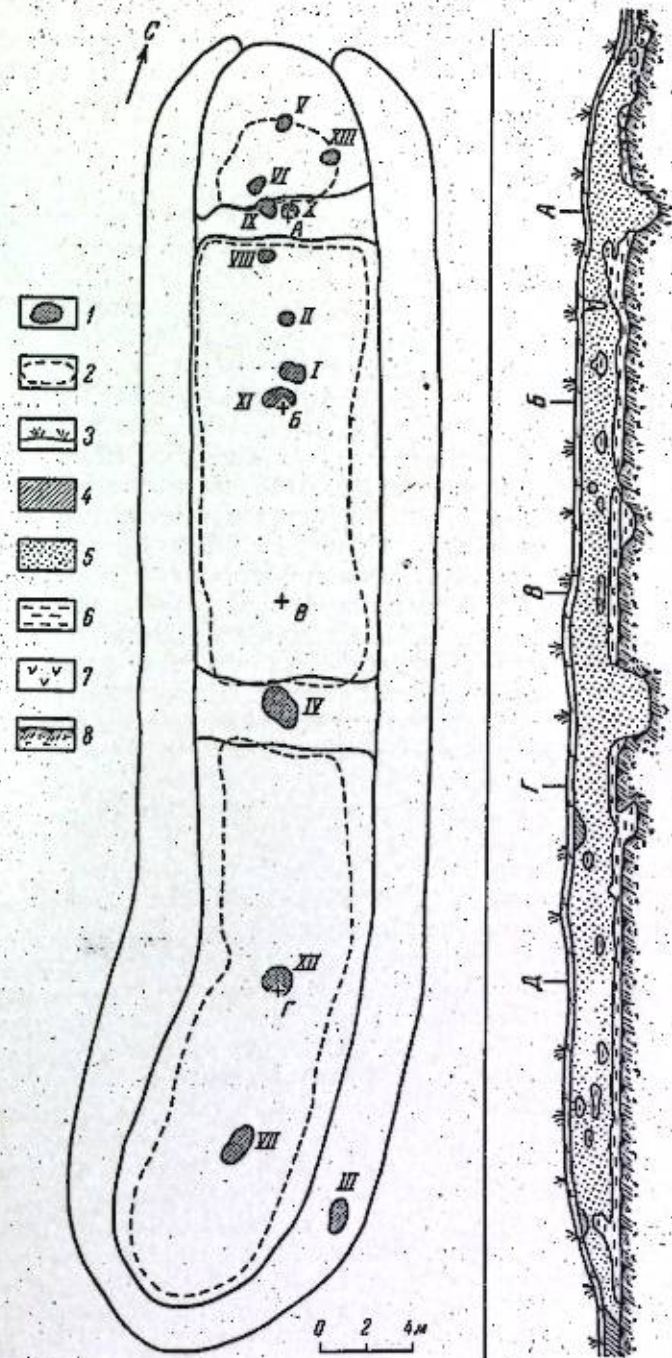


Рис. 15. План и разрез кургана 18 (вертикальный масштаб разреза кургана увеличен в два раза)

1 — кальцинированные кости; 2 — граница подошвенного зольного слоя; 3 — деревянный слой; 4 — серый супесчаный слой; 5 — желтый песок; 6 — зольный слой с погребенной почвой; 7 — уголь; 8 — материк



Раскопки не дали материалов для восстановления последовательности сооружения различных частей кургана. Скорее всего первоначальной была срединная часть кургана, о чем можно предполагать по несколько дугообразной форме поперечных ровиков. Срединная часть кургана, судя по распространению подошвенной зольной прослойки, имела длину 20,7 м, ширину 6,5 м и со всех сторон была окружена ровиком.

Всего в исследуемом кургане открыто 14 захоронений. Это остатки трупосожжений, совершенных на стороне. В кургане помещались лишь кальцинированные кости.

В срединной части кургана находилось 4 захоронения. Из них три (1, 2 и 11) открылись прямо под дерном. Мелкие сожженные кости каждого захоронения занимали площадь от 0,6×0,35 до 1×0,6 м. При захоронении они были помещены прямо на вершину насыпи. Для четвертого захоронения (8) на вершине была вырыта ямка размерами 0,4×0,3 м и глубиной 0,35 м. Все погребения безынвентарные.

В присыпанной с юга части кургана (ее размеры 23×6 м) исследовано еще пять захоронений. Два из них (7 и 7а) находились на подошвенной зольной прослойке и были совершены перед сооружением песчаной насыпи. Эти захоронения отличались от прочих большим количеством кальцинированных костей (общий вес около 3 кг), сконцентрированных в двух угольных включениях размерами 0,5×0,4 и 0,3×0,2 м и толщиной до 0,2 м. Среди остатков одного из захоронений встречена овальная железная пряжка, имеющая аналогии среди находок из длинных курганов при деревнях Володи, Верепково и Жеребятино<sup>3</sup>. Как володинская и жеребятинская находки, так и грицковская пряжка изготовлены из толстопроволочного жгута. В отличие от них пряжка из Верепкова имеет утолщенную переднюю часть. Для датировки погребений эти пряжки не могут быть использованы, так как имеют большой хронологический диапазон.

Над погребениями 7 и 7а в верхней части кургана открыты два камня (размерами 16×8 и 12×6 см), по-видимому, обозначающие места захоронений.

Остальные захоронения южной части кургана помещались на его вершине. Кальцинированные кости погребений 4 и 12 открыты в рассыпанном состоянии непосредственно под дерновым слоем. Площадь их залегания 2,5×2,8 и 0,9×0,9 м. Остатки еще одного захоронения (3) зафиксированы в заполнении рва, оконтурившего длинный курган. По-видимому, кальцинированные кости, помещенные на вершине или на склоне кургана, были смыты дождевыми или весенними водами еще до того, как ров начал заполняться серой супесью. В погребении 12 найдены медная спиралька и раскрошившаяся бусина из голубого стекла, остальные захоронения безынвентарные.

С севера к первоначальной срединной части кургана примыкала неправильно-округлая в плане насыпь. Размеры ее подошвенной зольной прослойки 4,5×3,5 м. С северной частью кургана связано пять захоронений. Все они помещены вверху, т. е. уже в готовую насыпь. В погребениях 5 и 10 кальцинированные кости были рассыпаны на вершине на площади около 0,7×0,4 м. Погребения 6, 9 и 13 — ямные. Для захоронения сожженных косточек, собранных с погребальных костров, на вершине кургана были вырыты ямки размером от 0,5×0,6 до 0,8×0,7 м и глубиной 0,4—0,5 м. Заполнены ямки были желтым песком, однородным с песком остальной части кургана.

В погребении 9 найдены язычок медной пряжки и кусочки медного сплава, в 10-м — обломок медного проволочного колечка. Среди кальцини-

рованных костей захоронения 6 встречены мелкие обломки глиняного сосуда. К сожалению, фрагменты не дают представления о форме сосуда и даже не позволяют сказать, поставлен ли здесь был полный горшок или брошены его фрагменты.

Другой из исследованных длинных курганов имел меньшие размеры — 28,5×8,5 при высоте 1—1,1 м. Насыпь была сооружена в один прием и состояла из желтого песка с беспорядочными зольными включениями и мелкими угольками. В одном случае установлено, что при сооружении кургана золу с углем бросали в горячем виде — под зольным включением песок оказался слегка прокаленным. В основании кургана залегала сплошная зольная прослойка толщиной 7—20 см — зола, видимо, принесенная с погребального костра, рассыпана на слое погребенной почвы. Песок для сооружения насыпи, по-видимому, брался из ровиков, хорошо заметных вдоль длинных сторон кургана. Ширина их 2—2,7 м, глубина до 0,7 м.

В кургане открыто шесть захоронений остатков трупосожжений, совершенных на стороне. Все они были расположены в уже готовой насыпи. Для трех захоронений (2, 4 и 5) на вершине были выкопаны ямки размерами 0,8×0,7, 0,8×0,7 и 0,3×0,35 м, глубина их 0,4—0,6 м. В эти ямки и были помещены сожженные косточки. Два погребения (3 и 6) представлены кальцинированными костями, рассыпанными на вершине погребальной насыпи (площадь 3×2 и 1×0,9 м). Видимо, помещение кальцинированных костей на вершине или склонах погребальных насыпей было самым распространенным способом захоронения в длинных курганах Себежского Поозерья. К этому типу принадлежало и последнее захоронение (1) описываемого кургана, остатки которого были смыты или сползли со склонов и открыты в заполнении ровика.

В погребении 6 найден неопределенный проржавленный железный предмет. Остальные захоронения безынвентарные.

Исследование заполнений ровиков, расположенных у оснований длинных курганов, выявило несколько угольных включений — остатков ритуальных костров. Последние, по всей вероятности, зажигались в ровиках во время захоронений. Остатки таких же костров зафиксированы и при исследовании Казихинских длинных курганов на р. Великой<sup>4</sup>. В начале XX в. К. Кудряшов отметил присутствие угольных прослоек и линз в заполнениях ровиков при длинных курганах в Желче Новой, Жеребятине, Ново-Жуковской и Светлых Вешках<sup>5</sup>. Таким образом, можно полагать, что обычай зажигать костры в момент захоронений в курганных ровиках не был локальным для Себежского края.

Из исследованных круглых курганов Грицковского могильника в двух (2 и 6), расположенных в северной части, открыты труположения, а в третьем (20), находившемся по соседству с описанными вадообразными насыпями, захоронения не оказалось. Скорее всего остатки сожжения в последнем кургане помещались на вершине и были разрушены ямой, вырытой здесь в позднее время.

Курган 2 имел высоту 0,7 м и диаметр основания 6,5 м. На вершине насыпи заметно воронкообразное углубление, образовавшееся в результате проседания кургана. Насыпь сооружена из однородного желтого песка и содержала немногочисленные зольные включения. На материке лежала обычная для псковских курганов зольная прослойка толщиной 8—12 см. В середине зольная прослойка прорезалась подчетырехугольной могильной ямой. Ее размеры 3×1,3 м, глубина 0,65 м. Заполнение ямы однородно с насыпью кургана.

На дне ямы открыт женский скелет. Кости погребенной лежали в беспорядочном состоянии. Череп находился в ЮЗЗ части могильной ямы,

<sup>3</sup> К. Кудряшов. Отчет о раскопках 1911 г. в Гдовском уезде С.-Петербургской губ. ЗОРСА, т. IX. СПб., 1913, стр. 246, рис. 4, 3; архив Института истории АН Эстонской ССР; археологическая картотека Petseri; архив ЛОИА, д. 1940/35.

<sup>4</sup> В. В. Седов. Казихинские курганы. КСИА, вып. 120, 1969.

<sup>5</sup> К. Кудряшов. Указ. соч., стр. 245, 249, 251, 254.



почему можно предполагать, что умершая была погребена в обычном для славянских курганных захоронений положении. При погребенной найдены кусочки ткани, обломок серебряного листового украшения с тисненым волнистым и линейным орнаментом и три обломка тонких медных пластинок, относящихся, по всей вероятности, к головному убору. В состав шейного ожерелья входили инкрустированная (по белому полю — черные веточки, между ними желтые глазки в красном ободке) зонная пастовая бусина и, видимо, две бронзовые проволочные спиральки. Кроме того, найдены витой, двойной бронзовый перстень с завязанными концами, обломок пластинчатого браслета, орнаментированного треугольным пуансонным узором, и фрагменты железного ножа с деревянной рукоятью. Около ног погребенной был поставлен глиняный горшок, изготовленный на гончарном круге (рис. 16, 6).

Курган 6 имел высоту 1,4 м, диаметр основания 8,4 м. Насыпь состояла из желтого песка с разнообразными зольными включениями. На материке изучена зольная прослойка толщиной до 10 см. Она занимала не все курганное основание, а только его срединную часть диаметром 6,0—6,2 м. В центре основания кургана зольная прослойка отсутствовала. Здесь четко вырисовывалась могильная яма размерами 3,2×1,4 м. Установлено, что могильная яма (глубиной 0,8 м) была вырыта прежде, чем курганное основание было очищено огнем. На дне ямы открыт женский скелет, ориентированный черепом на запад. По сторонам умершая была обложена досками. Следы досок зафиксированы также под черепом и тазовыми костями.

На черепе открыты остатки тканого головного убора, украшенного бисером, мелкими бусами, бронзовыми пронизками и оловянными изделиями. Форма убора не может быть полностью реконструирована. Украшения были нашиты в несколько рядов кругообразно на нижней части головного убора. Среди них обнаружено 168 мелких зонных бус из желтого стекла, 45 таких же бус из зеленого стекла, 20 бисерин белых рубленых, 3 спирально-проволочные бронзовые пронизки и несколько литых оловянных бляшечек.

Височных колец найдено шесть, три с правой и три с левой стороны черепа. Все кольца проволочные диаметром от 4 до 5 см. Из них два — с завязанными концами, четыре — разомкнутые (рис. 16, 1, 2). Браслетообразные завязанные кольца являются типично кривичским головным украшением и определяют племенную принадлежность Грицковского могильника. Оба описываемых кольца завязаны обоими концами проволоки. Это ранний вариант браслетообразных височных колец, относимый обычно к XI—началу XII в.<sup>6</sup>

На шее умершей найдены бронзовая гривна и несколько виток бус. Гривна витая, двойная, оплетенная сканой проволокой. Концы гривны плоские, раскованные, с замками из крючков (рис. 16, 4). Аналогичные гривны встречаются в курганах XI в. Новгородской и Владимиро-Суздальской земель<sup>7</sup>. В частности, 3 подобные гривны найдены Л. Ю. Лазаревичем-Шепелевичем в курганах при дер. Овсиновке Себежского уезда<sup>8</sup>. В состав шейного ожерелья входили: привеска — английская монета XI в., 2 серебряные зерновые бусины, расположенные в середине одной из виток, 8 стеклянных красно-печеночного цвета, в форме параллелепипеда, 6 синих стеклянных битрапецидных, 3 синие, прозрачные че-

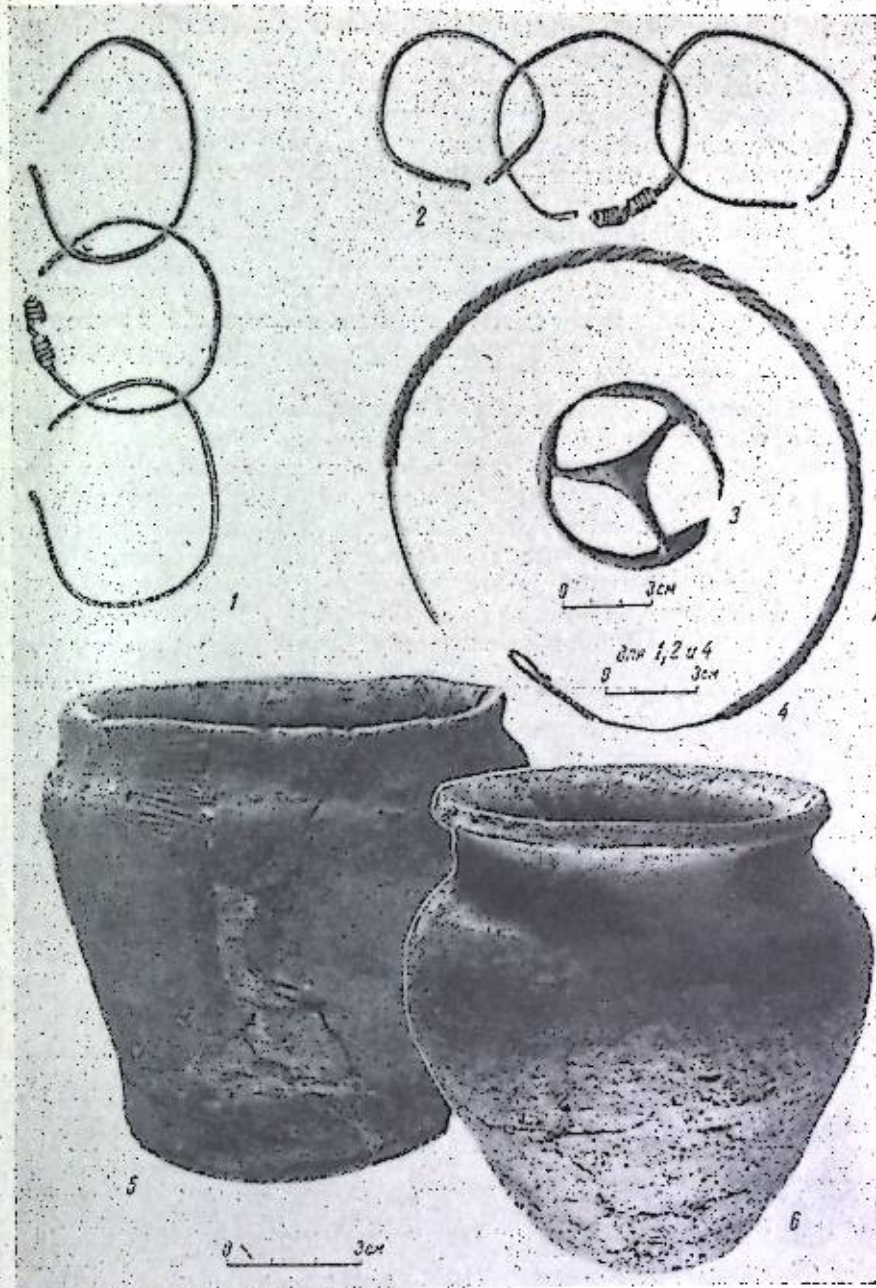


Рис. 16. Предметы из курганов 2 и 6

1—5 — из кургана 6; 6 — из кургана 2 (1 и 2 — серебро; 3 и 4 — бронза; 5 и 6 — глина)

тырнадцатигранные, одна сердоликовая шаровидная, одна лимонка, 3 золоченые розетковидные в сечении, одна синяя призматическая, на каждой стороне которой помещено по золоченому ромбу, одна пастовая оранжевая бусина с инкрустацией, одна шестичастная лимонovidная пронизка из желтого стекла, 174 мелких зеленых бусинки (бисер) и несколько спиралевидных медных пронизок.

На локтевой кости правой руки найден бронзовый браслет витой, двойной, с завязанными концами, позволяющий ограничить датировку погреб-

<sup>6</sup> Е. А. Шмидт. Курганы XI—XIII веков у дер. Харлапова в Смоленском Поддубье. МИСО, вып. 2, 1957, стр. 205, 206.

<sup>7</sup> М. В. Фехнер. Шейные гривны. «Труды ГИМ», вып. 43, 1967, стр. 71—73.

<sup>8</sup> Л. Ю. Лазаревич-Шепелевич. Извлечение из отчета об исследованиях и раскопках, произведенных в 1901 г. в Витебской губернии. ИАК, вып. 6, 1901, стр. 1—5; А. А. Спицын. Отчет о раскопках Л. Ю. Лазаревича-Шепелевича близ д. Овсиновки Витебской губ. ИАК, вып. 15, 1905, стр. 75—77.



бения периодом от X до начала XII в.<sup>9</sup> На пальцах правой руки умершей был одет серебряный широкосрединный перстень с завязанными концами. Два бронзовых браслета находились на локтевой кости левой руки. Один из них витой, двойной, завязанный, другой литой, полукруглый в сечении, с суживающимися овальными концами. В области пояса лежал бронзовый ремешковый разделитель — кольцеобразный, с тремя перемычками (рис. 16, 3).

Куски ткани от одежды зафиксированы на груди и на плечевой кости левой руки. Здесь же обнаружен железный нож с деревянной рукояткой. Положение ножа (не у пояса или бедра, а на груди или у плечевых костей) является распространенным в женских погребениях древнерусских курганов<sup>10</sup>. Нож в этих захоронениях, нужно полагать, имел ритуальное значение<sup>11</sup>.

В ногах умершего стоял глиняный горшок, изготовленный без применения гончарного круга (рис. 16, 5).

Время сооружения шестого кургана определяется комплексом находок и монетой XI столетия. Помимо названных выше хронологически определяемых предметов в пользу той же даты свидетельствуют находки лимонной привески, бусины-лимонки и сердоликовой шарообразной бусины. Лимонные бусы и пронизки, по многочисленным восточноевропейским материалам, датируются X—XI вв., а в Новгороде — X в. — первым десятилетием XI в.<sup>12</sup> Сердоликовые шарообразные бусы употреблялись в то же время<sup>13</sup>. То обстоятельство, что захоронение помещено в подкурганной яме, не мешает предлагаемой дате. В отличие от коренных кривичских земель (Смоленское Поднепровье, Полоцкое и Витебское Подвинье), где труположения в могильных ямах под курганами появляются сравнительно поздно, на западных окраинах ареала кривичей, там, где кривичи вплотную соприкасались с латгалами, такие захоронения появляются очень рано, уже в X столетии<sup>14</sup>. Объясняется это, нужно полагать, воздействием латгальской погребальной обрядности на культуру окраинных кривичей. Начиная с VI в. у латгалов безраздельно господствовал обряд труположения в могильных ямах (без сооружения погребальных насыпей).

<sup>9</sup> А. В. Арциховский. Курганы вятичей. М., 1930, стр. 144—147; В. П. Левашева. Браслеты. «Труды ГИМ», вып. 43, 1967, стр. 219—220.

<sup>10</sup> Например, в харлаповском могильнике это является закономерностью (В. М. Чебышева. Раскопки курганов Смоленской губернии, Дорогобужского уезда летом 1879 года. «Известия Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии», т. XLIX, вып. 1, М., 1886, стр. 67—70); она же. Раскопки курганов в Смоленской губернии (1880 г.). Там же, т. XLIX, вып. 3, М., 1886, стр. 14—22; Н. И. Савин. Раскопки курганов у Дарагабуским і Ельїнским паветах Смоленской губ. «Праці археологічної комісії», т. II. Мюнхен, 1930, стр. 219—243; Е. А. Шмидт. Указ. соч., стр. 236—280.

<sup>11</sup> Этнографические данные о магическом значении ножа, в том числе и в захоронениях, собраны Д. К. Зелениным (Д. К. Зеленин. Магическая функция примитивных орудий. «Известия АН СССР», отделение общественных наук, 1931, 6, стр. 729—731).

<sup>12</sup> Ю. А. Шапова. Стекланные бусы древнего Новгорода. МИА, № 55, 1956, стр. 173—175.

<sup>13</sup> М. В. Фехнер. К вопросу об экономических связях древнерусской деревни. «Труды ГИМ», вып. 33, 1959, стр. 152, 175, 176.

<sup>14</sup> H. Schar-Holubowiczowa. Słowiańsko-warenskie cmentarzysko kurhanowe kolo Potzeczka w powiecie dzisieńskim. «Przegląd archeologiczny», t. VI, z. 2-3, Poznań, 1938—1939, стр. 178—203; она же. Słowiańskie groby kurhanowe kolo Czerniewiez w powiecie dzisieńskim. WA, t. XVI, 1939, стр. 419—455; Е. Голубович и В. Голубович. Славянские поселения правобережной Дисны в Вилейском округе БССР. КСИИМК, вып. XI, 1945, стр. 126—137; V. Urtaas. Latvijas iedzīvotāju dzīvē ar slāviem 1 g. t. otrajā pusē. «Arheologija un etnogrāfija», VIII. Rīga, 1968, стр. 70—72.

Г. Ф. КОРЗУХИНА

## КУРГАН В УРОЧИЩЕ ПЛАКУН БЛИЗ ЛАДОГИ

В последние годы своей научной деятельности И. И. Ляпушкин обратился к изучению славянских памятников лесной полосы. После первых же лет работы И. И. Ляпушкин пришел к выводу, что славянские памятники VIII—X вв. в лесной зоне изучены крайне плохо. Главная причина данного положения, по мнению И. И. Ляпушкина, заключается в том, что, отвергнув этническую атрибуцию памятников лесной полосы, намеченную в свое время А. Н. Лявданским, А. А. Спицыным и другими, археологи стали считать исконными обитателями северных территорий только славян и ослабили внимание к изучению памятников лесной полосы<sup>1</sup>. Подлинными славянскими памятниками оказались не отчлененными от материалов других этнических групп на всем пространстве от границ с лесостепью до Приладожья. А между тем круг вопросов, связанных с этническими проблемами Севера, не менее запутан, чем на Юге. Взаимоотношения между балтами, финнами, славянами и норманнами не менее сложны, нежели взаимоотношения между оседлыми и кочевыми племенами лесостепи. Поэтому новые данные, проливающие свет на взаимоотношения отдельных этнических групп северных районов Восточной Европы, в частности Приладожья, несомненно представляют интерес.

Уже несколько десятилетий ведутся споры вокруг проблем, связанных с Приладожьем. Концепции исследователей чрезвычайно разнообразны, но в основном их можно свести к двум положениям: 1) Ладога — норманнская колония, форпост скандинавской культуры в Восточной Европе и 2) Ладога — древнейшее славянское поселение (город), в котором северный элемент появился поздно и играл весьма скромную роль. Появление северного элемента объясняют разными причинами — мирной крестьянской колонизацией, торговлей, грабительскими набегами. В мою задачу не входит анализ существующих концепций. Цель данной заметки гораздо скромнее — привести некоторые новые факты, которые в будущем могли бы помочь разобраться в этнических проблемах Приладожья.

На правом берегу Волхова против Староладожской крепости, на заболоченной первой надпойменной террасе в урочище Плакун находится курганный могильник. К 1940 г. в нем насчитывалось 13 низких (высотой 0,3—0,6 м) плоских насыпей диаметром 10—20 м. В настоящее время раскопано 11 курганов<sup>2</sup>, из них в десяти обнаружены сожжения в ладьях.

<sup>1</sup> И. И. Ляпушкин. Славяне Восточной Европы накануне образования Древнерусского государства. МИА, № 152, 1968, стр. 89—90.

<sup>2</sup> В 1940 г. Староладожской экспедицией АГУ под руководством В. И. Равдоникаса раскопаны курганы 1—4. В 1952 г. Невской экспедицией Института археологии АН СССР под руководством Н. Н. Гуриной раскопаны курганы 5, 7, 8, 10, 12 и 13. В 1968 г. Староладожским отрядом того же института под руководством автора раскопан курган 11.



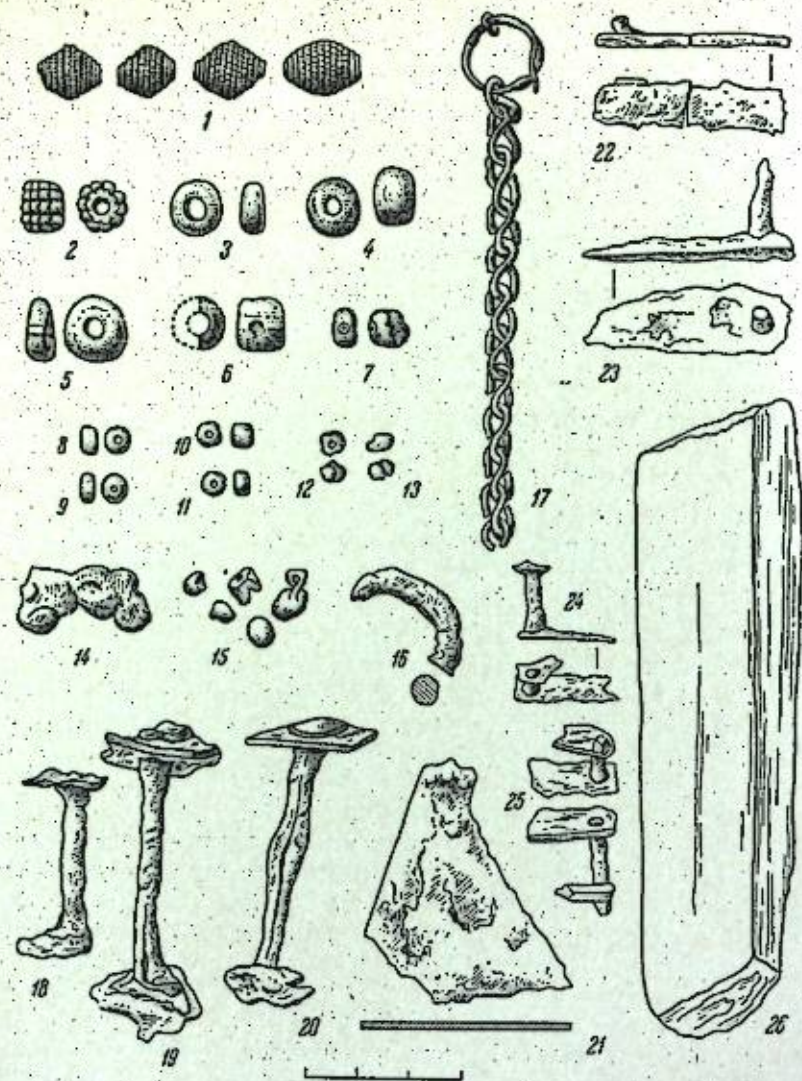


Рис. 17. Вещи из кургана 7 в урочище Плакун

1 — бусы серебряные; 2—13 — бусы стеклянные; 14 — оплавленная бронза; 15 — оплавленное серебро (?); 16 — обломок железной пряжки; 17 — цепочка медная; 18—20 — ладейные болты; 21 — железная наковальня; 22—25 — части железной оковки; 26 — оловянный оселок

Остатки погребального костра, принесенные со стороны<sup>3</sup>, зарыты на горизонте поверх погребенной почвы. В кургане 11 оказалось труположение в глубокой камере с остатками сожженной ладьи над гробовищем. «Это первая в Приладожье группа могильных памятников, — писал В. И. Равдоньякас, — которую определенно и надежно можно связать с норманнами»<sup>4</sup>. Полная публикация материалов могильника будет сделана после окончания работ на Плакуне. Здесь же хочется обратить внимание лишь на курган 7, представляющий особый интерес.

<sup>3</sup> Исследователи, работавшие на могильнике в 1940 и 1952 гг., называли пятно с остатками сожжения кострищем и считали, что сожжения были произведены на месте будущей насыпи. Анализ полевой документации убеждает в том, что это ошибочно: ни в одном кургане почва под «кострищем» прокалена не была.  
<sup>4</sup> В. И. Равдоньякас. Старая Ладога. КСИИМК, вып. XI, 1945, стр. 41.

Как и все курганы на Плакуне, это была очень низкая насыпь (диаметр около 15 м, высота около 35 см). Остатки погребального костра были ссыпаны в центре и широкой полосой отходили от него к северо-востоку. В пределах пятна найдены небольшие валуны, не образующие каких-либо групп, угли и зола, несколько головешек, кальцинированные кости и фрагментированные обгоревшие вещи: ладейные болты и гвозди (61+54 экз.), фрагменты железной оковки, сломанная железная пряжка (?), сланцевый оселок, кусочки оплавленной бронзы и серебра, цепочка из желтой меди, 13 бусин из глухого прозрачного стекла (некоторые перегорели или оплавилась), 4 биконические бусины из серебряной рубчатой проволоки (рис. 17), бронзовая прямоугольная пряжка, медвежий клык, большое количество обломков от нескольких лепных сосудов обычного ладожского облика (рис. 18, 3) и около 100 фрагментов сосуда, сделанного на гончарном круге из хорошо отмученной глины, которые по цвету и характеру теста ассоциировались у исследователей кургана с амфорой.

Ознакомление с обломками сосуда показало, что они принадлежат безусловно не амфоре хотя бы потому, что на них нет рифления. Пока удалось собрать высокую шейку сосуда с отходящей от нее широкой ручкой, имеющей продольный паз, а также массивный носик, вылепленный отдельно и соединяющийся с внутренней полостью сосуда лишь небольшим отверстием. Судя по отдельным, не склеивающимся друг с другом обломкам, нижняя часть сосуда имела грушевидную форму. Но особый интерес представляют следы орнамента на некоторых обломках в виде серых, слегка выпуклых фигур геометрического характера — полос, сетки, креста (рис. 18, 1). Даже предварительная реконструкция сосуда не оставляет никаких сомнений в том, что в кургане 7 на Плакуне оказался кувшин, принадлежащий к группе сосудов, пользующихся особым вниманием у скандинавских и западноевропейских ученых.

Это так называемые фризские кувшины (friesische Kannen, рис. 18, 2). Форма, орнаментация и размеры их (высота 24—26 см) очень устойчивы. Все они сделаны на гончарном круге из тонкой, хорошо отмученной глины. Внутренняя поверхность их, а если сосуд побывал в огне, то и наружная — красно-коричневая. Но у сосудов необгоревших наружная поверхность покрыта каким-то черным составом и орнаментирована накладной серебряной фольгой или белой краской. Узоры составлены из полосок, ромбов, треугольников, сетки, а на придонной части — из крестов типа «георгиевских». Ручка массивная, уплощенная, с продольным пазом. Носик круп-



Рис. 18. Сосуды

1 — Плакун, курган 7, фризский кувшин; 2 — Бирка, погребение 551, фризский кувшин; 3 — Плакун, курган 7, ладейный горшок



ный, наклепной, с «горбинкой», соединяющийся с внутренней полостью кувшина лишь небольшим отверстием. Д. Селлинг, большой знаток керамики, писала, что сходство между всеми кувшинами данного типа очень велико и нет никакого сомнения в том, что все они сделаны руками одного мастера<sup>5</sup>. Это вполне вероятно. Количество фризских кувшинов невелико, не более трех с половиной десятков. Не считая депортированных фрагментов, хранящихся в музее Утрехта, фризские кувшины найдены лишь в 11 точках, из них в Швеции — в пяти (около 20 кувшинов), в Норвегии — в одной (1 кувшин)<sup>6</sup> и на континенте — в пяти (не менее 10 кувшинов), а именно: в южной части Ютландского полуострова (Хедебю, Татинг), на Гамбургском городище, в низовьях Рейна (Дорестада) и в верховьях Рейна (монастырь Лорш в районе Вормса)<sup>7</sup>.

Судя по находкам кувшинов в хорошо датированных комплексах, все они укладываются в очень узкие хронологические рамки. Такие комплексы есть только в Швеции в погребениях Бирки и Кунсты на о-ве Адельзё. Х. Арбман и Д. Селлинг очень тщательно проанализировали материалы, сопутствующие фризским кувшинам (овальные фибулы, стеклянные кубки, монеты и др.), а также условия их находки (например, погребальный комплекс с кувшином под валом Бирки, насыпанным около 900 г. или во время гибели Дорестада — 864 г.) и пришли к выводу, что фризские кувшины относятся только к IX в.<sup>8</sup> Х. Арбман верхней датой их изготовления считает 864 г., но допускает, что они могли находиться в употреблении до конца IX в. Д. Селлинг сужает датировку до первой половины IX в. Этим же временем датирует их и Х. Янкун<sup>9</sup>. Вопрос о месте изготовления сосудов оказался сложным. Несмотря на то что большая часть кувшинов найдена в Средней Швеции — Бирка<sup>10</sup>, Хельгё<sup>11</sup>, Кунста на о-ве Адельзё и в районе Скёвде<sup>12</sup>, исследователи не считают родной кувшинов Скандинавию, поскольку здесь нет для них исходных элементов. Довольно единодушно они относят местонахождение мастерской к низовьям Рейна, т. е. к территории Фризии (отсюда и их название). В Швецию фризские кувшины попадали обычными торговыми путями: Дорестада — Гамбург — Хедебю.

Фризский кувшин, оказавшийся в кургане близ Ладоги, прибавляет еще одну, 12-ю, точку на карте находок фризских кувшинов. Каким путем попал он в Ладогу, вопрос, конечно, сложный. Одно наблюдение, однако, позволяет высказать предположение, что он попал сюда не непосредственно с Рейна, а через Скандинавию. Дело в том, что в погребальных комплексах на островах и прибрежных землях Балтийского моря, только в Северной Прибалтике встречаются бусы особого типа — биконические, свитые из рубчатой серебряной (редко бронзовой) проволоки. Таких бус на одно ожерелье бывает от одной до восьми. Они найдены на о-ве Эланд (Карлеви)<sup>13</sup>, на Аландских островах (Кварнбакен, курган 108)<sup>14</sup>,

на о. Адельзё (Кунста)<sup>15</sup> и, конечно, во многих погребениях Бирки<sup>16</sup>. В тех случаях, когда комплексы с проволочными бусами поддаются датировке, они относятся к IX в. [например, Бирка, сожжение III (1932 г.) под валом городища, сожжение в Кунста на о-ве Адельзё].

Четыре биконические бусины из серебряной рубчатой проволоки, характерные для Северной Прибалтики, оказались и в кургане 7 близ Ладоги (рис. 17, 1). Вместе с ними найден фризский кувшин. Совместные находки проволочных бус и фризских кувшинов известны и в Швеции (например, Бирка, III — 1932 г., Кунста). Вот эта-то взаимосвязанность бус и фризских кувшинов на территориях и Швеции, и Приладожья и наводит на мысль, что фризский кувшин попал в Ладогу, побывав прежде в Скандинавии.

Дата кургана 7 на Плакуне благодаря находке в нем бус из рубчатой проволоки и фризского кувшина может быть определена достаточно точно. Он был насыпан в IX в., а может быть, и в первой его половине. В кургане была погребена сожженная в ладье женщина. Любопытно, что и в Скандинавии фризские кувшины находят, как правило, в женских погребениях<sup>17</sup>. Чем это вызвано, сказать пока трудно, поскольку назначение фризских кувшинов еще не установлено.

Женское погребение на норманском могильнике близ Ладоги — факт, представляющий большой интерес. К тому же оно не единственное. Безусловно женские захоронения были обнаружены еще в двух курганах того же могильника (курганы 5 и 13). Следовательно, курганы на Плакуне — это могилы не случайных заезжих купцов и безусловно не воинов, совершавших грабительские набеги на Ладогу. Это кладбище группы выходцев из Скандинавии, живших здесь постоянно и даже с семьями.

Можно ли полагать, что скандинавы жили вместе с коренным населением Ладоги на «Земляном городище» или их усадьбу предстоит искать где-то в другом месте? Думается, что их жилища могли находиться на «Земляном городище». Во всяком случае археологические материалы этому не противоречат. Правда, еще недавно казалось, что вещи скандинавского происхождения появляются на «Земляном городище» только в X — начале XI в. (т. е. в горизонте Д), а потому и деревянная палочка с рунами в горизонте Е<sub>2</sub> (т. е. в слое IX в.) в 1950 г. казалась случайностью. Сейчас известно уже достаточно количество вещей северного происхождения, найденных не только в горизонте Е<sub>2</sub>, но и в культурных слоях более раннего времени (горизонт Е<sub>3</sub>, VIII в.)<sup>18</sup>. Среди них — вещи из рога и металла и притом не только украшения или такие изделия, которые могли попасть в Ладогу путем торговли, но, что особенно существенно, вещи бытового назначения (например, деревянное корытце с резным орнаментом в виде плетенки) и предметы, связанные с культом (железный топорик Тора и часть железной гривны — обычной основы для подвешивания подобных топориков и молоточков), появление которых в Ладоге вряд ли может быть объяснено торговыми связями. Следует, однако, иметь в виду, что вещи скандинавского происхождения начинают попадаться в культурном слое, лежащем непосредственно на материке, а в слое, связанном со вторым строительным периодом на городище. Следовательно, сканди-

<sup>15</sup> Н. Rydh Förhistoriska undersökningen på Adelsö. Stockholm, 1936, стр. 37, рис. 59 и 60; Н. Arbman. Schweden... стр. 89.

<sup>16</sup> Н. Arbman. Birka I, погребения 66, 551, 606, 639, 649, 791, 1081 и III (1932 г.), табл. 114, 1, 7—12; он же. Schweden... стр. 89—90, табл. 24, 2.

<sup>17</sup> Бирка [погребения 457, 551, 597, 854, 1158 и III (1932 г.)] и Кунста на о-ве Адельзё.

<sup>18</sup> Указанные здесь даты несколько расходятся с датировками культурных напластований Ладоги, принятыми в литературе, но, на мой взгляд, несколько заниженными. Развернутое обоснование датировок здесь не может быть дано из-за отсутствия места. Кое-что об этом есть в моей статье «О времени появления укрепленного поселения в Ладоге» (СА, 1961, № 3).

<sup>5</sup> Dagmar Sellling. Wikingerzeitliche und frühmittelalterliche Keramik in Schweden. Stockholm, 1955, стр. 47 и 55.

<sup>6</sup> Н. Arbman. Schweden und das karolingische Reich. Stockholm, 1937, стр. 102.

<sup>7</sup> Н. Arbman. Указ. соч., стр. 101—102; Д. Sellling. Указ. соч., стр. 47 и рис. 6 (карта); Н. Jankuhn. Haithabu, ein Handelsplatz der Wikingerzeit. Neumünster, 1956, стр. 160—161, рис. 31.

<sup>8</sup> Н. Arbman. Указ. соч., стр. 88—90, 101—104, рис. 14, табл. 16, 1—3 и 24, 1—4; Д. Sellling. Указ. соч., стр. 46, 56—57, табл. 1, 1 и 4; 2, 1—4 и 3, 4.

<sup>9</sup> Н. Jankuhn. Указ. соч., стр. 162.

<sup>10</sup> Н. Arbman. Birka I. «Die Gräber», 1940 и 1943. Поселение и погребения 457, 551, 597, 754, 854, 1158 и III (1932 г.), табл. 219, 220, 1ав, 2; 221, 1, 2.

<sup>11</sup> W. Holmqvist and B. Arrhenius. Excavations at Helgö, II. «Report for 1957—1959». Stockholm—Uppsala, 1964, стр. 210, 289 и рис. 165 и 166, на стр. 287.

<sup>12</sup> Н. Arbman. Schweden... стр. 89.

<sup>13</sup> Там же, табл. 64.

<sup>14</sup> E. Kivikoski. Kvarnbacken. Ein Gräberfeld der jüngeren Eisenzeit auf Aland. Helsinki, 1963, стр. 54, табл. 51, 18 и 19.



навы появились здесь тогда, когда поселок уже существовал, т. е. где-то в середине — второй половине VIII в. Курган 7 на Плакуне, насыпанный в IX в., относится, таким образом, не к самым первым десятилетиям жизни скандинавов на «Земляном городище». Он синхронен постройкам горизонта E<sub>2</sub> (IX в.), среди которых была найдена, в частности, и палочка с рунической надписью.

Определить численность поселенцев-скандинавов, или, как их называет летопись, «находников», конечно, очень трудно. Если судить по размерам могильника на Плакуне, в котором в 1940 г. насчитывалось 13 насыпей, то скандинавов в Ладоге было мало. Но не надо забывать, что курганы на Плакуне настолько низки и невыразительны, что часть их уже давно могла быть уничтожена. Кроме того, хронологические рамки могильника в целом пока еще не определены. Кроме кургана 7, вещевой материал могильника поддается датировке плохо. К тому же могильник исследован еще не до конца. Поэтому пока неизвестно, появились ли первые курганы на могильнике еще в VIII в. и есть ли на нем насыпи X — начала XI в. На «Земляном городище» вещи скандинавского круга выше культурных слоев горизонта D (X — начало XI в.) не встречаются. В исторических сагах последние сведения о норманнах в Ладоге относятся к 1034 г.<sup>19</sup> Следовательно, скандинавы жили здесь около трех столетий. Исходя из всего сказанного, можно сделать, пожалуй, лишь один надежный вывод: определить размеры скандинавской группы населения в Ладоге чрезвычайно трудно. Либо норманнов было здесь действительно очень мало, либо количество исчезнувших насыпей на Плакуне очень велико, либо в окрестностях Ладоги существует другой пока еще не обнаруженный норманнский могильник, либо, наконец, мы должны допустить, что в результате длительной совместной жизни начался процесс ассимиляции. В таком случае поздние норманнские погребения следует искать на общих кладбищах коренного местного и русского населения.

Что привело норманнов в Ладогу в VIII в. и кто они были по своему социальному облику, покажут дальнейшие исследования. Не следует, однако, видеть в появлении их здесь что-то исключительное. В восточной части Северной Прибалтики на финских и балтийских землях отдельные группы норманнов появились еще в вендельское, т. е. довикингское время. Видимо, и Южное Приладожье в этом отношении не было исключением.

<sup>19</sup> Е. А. Ридзевская. Сведения о Старой Ладоге в древнесеверной литературе. КСИИМК, вып. XI, 1945, стр. 59.

Г. Ф. СОЛОВЬЕВА  
СЛАВЯНСКИЕ КУРГАНЫ  
БЛИЗ СЕЛА НОВЫЙ КРИВСК

Радимичская экспедиция Института археологии АН СССР в течение ряда лет ведет исследование славянских курганов на территории Белоруссии. К числу наиболее интересных из исследованных групп относится курганная группа у с. Новый Кривск Гомельской обл. Группа расположена на опушке леса, в 2 км к востоку от шоссе Ленинград — Одесса, в 15 км южнее Довска и состоит из 70 курганных насыпей высотой от 0,5 до 2,5 м и диаметром от 6 до 12 м. Курганы тянутся несколькими параллельными рядами в направлении ЭВ. Раскопано 22 кургана. В двух курганах (14, 16) обнаружены трупосожжения, один курган (9), по-видимому, был ритуальный, а в остальных находились погребения, совершенные по обряду трупоположения (на горизонте и в яме).

А) Курганы с трупосожжением

В обоих курганах сожжение умершего совершалось на стороне. В кургане 14 (диаметр 7,3 м, высота 0,85 м) на горизонте, в зольном слое найдены пережженные кости, разбросанные на площади размером примерно 90×50 см. В насыпи, под самым дерном находился горшок гнездовского типа (X в.).

В кургане 16 (диаметр 5,7 м, высота 1 м) также по всему основанию кургана шел зольный слой. В центре основания в небольшой ямке диаметром 30 см и глубиной 25—30 см обнаружены пережженные кости, перемешанные с углем и золой, и несколько обломков лепной керамики. По обряду этот курган ближе стоит к ранним курганам типа Демьянки.

Б) Курганы с трупоположением

Курганы с трупоположением подразделяются на два вида: 1) погребения умершего на горизонте и 2) погребения в яме. К первому виду относятся курганы 1—6, 8, 11—13, 15, 21, 22, ко второму 7, 17—20, курган 10 разрушен, и погребение обнаружено не было.

Общим признаком как для погребений на горизонте, так и для погребений в яме являлось наличие зольного слоя (кострища) в основании кургана и огненного кольца по его краям. Погребения совершались в центре этого кольца.

1. Погребение на горизонте

В курганах 1, 2, 4, 12, 13, 15, 21 обнаружены мужские захоронения. Умершие лежали на спине на зольном слое, с руками, вытянутыми вдоль туловища, головой на запад. Погребальный инвентарь, как правило, отсутствует. В пяти курганах (1, 2, 13, 15, 21) в насыпи под дерном были обнаружены небольшие горшки, которые хорошо датируются концом X в.



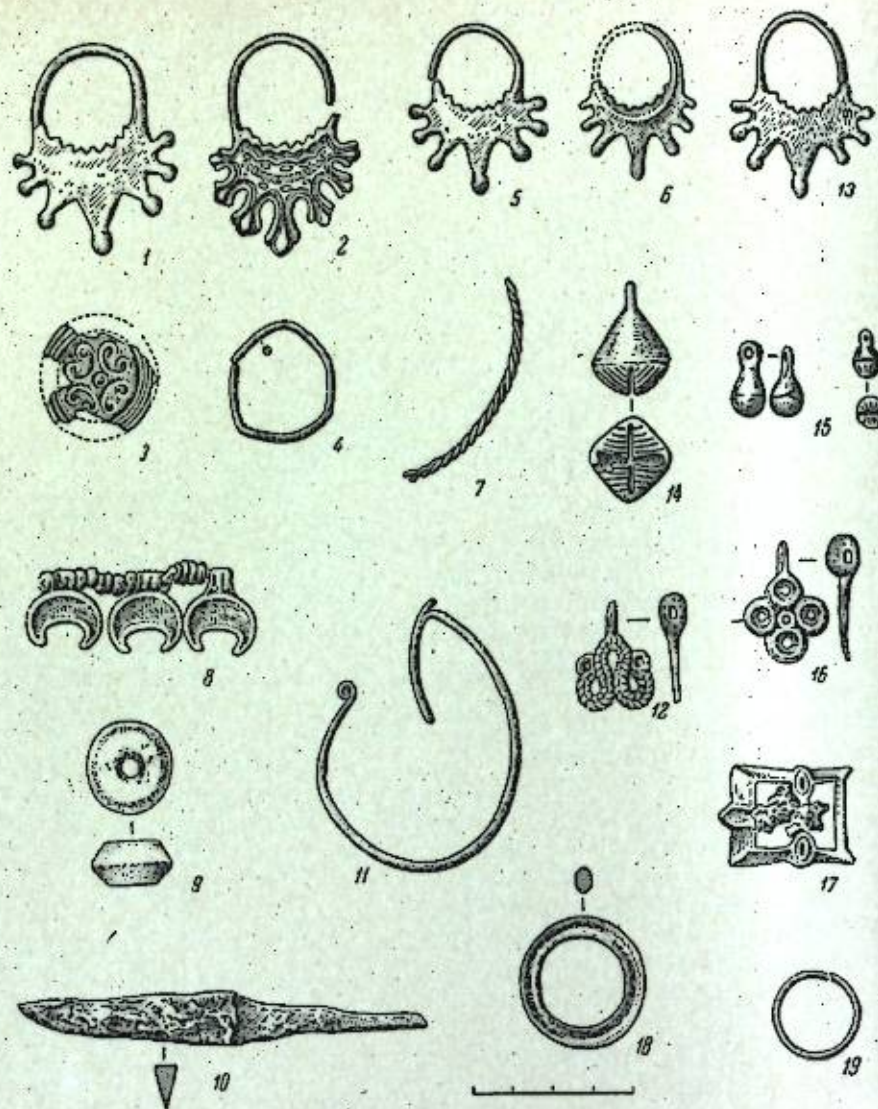


Рис. 19. Вещи из курганов

1, 2, 3, 4 — курган 5; 5, 6, 7, 13 — курган 6; 8, 9, 10 — курган 7; 11, 12 — курган 8; 14, 15, 16 — курган 11; 17, 18 — курган 13; 19 — курган 18

В кургане 2 под горшком находилось кострище с остатками обгоревшего дерева; в кургане 15 обнаружен горшок несколько более позднего времени — XI в.

Кроме керамики в одном кургане (13) найдены лировидная пряжка и поясное кольцо (рис. 19, 17, 18).

Женские погребения<sup>1</sup> отличаются богатством погребального инвентаря. В кургане 3 около черепа найдены три бронзовых перстнеобразных височных кольца, в насыпи — обломки горшка X—XI вв.

В кургане 5 около черепа найдены 3 серебряных семилучевых височных кольца с гладким щитком, одно лучевое кольцо с резными лучами («деснинского» типа), одно проволочное височное кольцо и значительное количество бус (бисер, синяя четырехгранная стеклянная с светлым ромбом на гранях, стеклянные позолоченные боченкообразные), двусторчатые

<sup>1</sup> Положение костяков такое же, как и в мужских погребениях.

бубенчики и обломки бронзовой привески очень плохой сохранности (рис. 19, 1—4).

В кургане 6 около черепа найдены 5 семилучевых височных колец из плохого серебра, одно семилучевое кольцо меньшего размера с дужкой на щитке, обломок проволочного кольца и на руке витой браслет (рис. 19, 5—7, 13).

Погребение в кургане 8 потревожено. В насыпи на глубине 30 см найдено несколько фрагментов гончарного сосуда, покрытого сплошным рифлением. Несколько ниже обнаружено серебряное браслетообразное височное кольцо. В области груди находились две бронзовые петлистые привески (рис. 19, 11, 12) и одна лунница, а также небольшое количество стеклянных бус, в том числе синяя четырехгранная со светлым ромбом («сирийская»).

В кургане 11 в области груди расчищено большое количество бус (стеклянные, бисер, рубленные, одна яшмовая), двусторчатые бубенчики и три бубенчика с крестообразной прорезью, а также одна привеска в виде круглоконечного креста (рис. 19, 14, 15, 16). Несколько западнее черепа лежали два бронзовых перстнеобразных височных кольца.

В кургане 22 обнаружено детское погребение. В насыпи, почти сразу же под дерном, найден горшок (X—XI вв.). Умершая положена на зольном слое в центре огненного кольца, головой к востоку. В области груди найдена бронзовая подковообразная фибула, на тазовых костях — нож и у черепа — бусы.

## 2. Погребение в яме

Мужские погребения в яме обнаружены в трех курганах (17, 19, 20). Размеры ям — 210 × 110 × 80, 150 × 100 × 125, 200 × 80 × 80 см. Умершие лежали на спине вытянуто, головой ориентированы на запад. Ни горшков, ни каких-либо других вещей при умерших не найдено. Зольный слой в основаниях курганов перекрывал ямы; по краям оснований, так же как и в курганах с погребениями на горизонте, находились огненные кольца.

Женские погребения были обнаружены в двух курганах (7 и 18). Размеры ямы кургана 7 — 175 × 100 × 40 см, умершая погребена на спине, головой к западу. В области шеи найдены обрывки ожерелья из мелких стеклянных бус, чередующиеся с бронзовыми лунницами. В области таза обнаружено бронзовое кольцо со следами железа (видимо, от ножа), а сам нож оказался в заполнении могильной ямы. Здесь же встречено шиферное пряслице (рис. 19, 8—10).

Курган 18 имеет яму размерами 210 × 160 × 70 см, умершая ориентирована головой на запад. На пальце руки обнаружен перстень, у черепа — маленькое проволочное височное кольцо (рис. 19, 19) и несколько стеклянных бус.

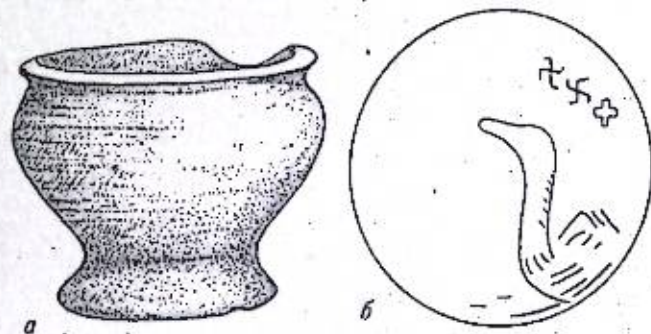


Рис. 20. Горшок-чаша из кургана 9 (а) и прорись дна другого сосуда из того же кургана (б)



Анализ обряда погребения и погребального инвентаря дает возможность сделать вывод, что группа курганов у с. Новый Кривск принадлежит радимичам. Наиболее ранние курганы с трупосожжением датируются концом I тысячелетия н. э. Погребение 14, судя по керамике, почти одновременно курганам с погребением умершего на горизонте. Последние датируются концом X—XI в.

Погребения в яме относятся к последнему периоду существования могильника и датируются XII в.

Интересно отметить также еще одну особенность могильника. В северной части могильника курганы образуют группу, в центре которой находится крупная насыпь, а с севера и с юга от нее расположены две параллельные линии меньших курганов. Одна из линий, северная, содержит насыпи только с женскими погребениями, другая, южная, — только насыпи с мужскими захоронениями. Возможно, что этот центральный курган принадлежал главе рода, справа и слева от него — курганы подвластных ему членов рода.

Теперь подробнее остановлюсь на ритуальном кургане 9. Его диаметр 7,25 м, высота 75 см. Основание кургана представляет собой зольистый слой, причем к центру его толщина увеличивается. В центре кургана прослежена яма овальной формы размерами 75 × 50 см, заполненная прокаленным песком с примесью золы и угля. Никаких слоев кальцинированных костей не обнаружено. Глубина ямы 15 см. Над ямой стояли два сосуда: один обычный гончарный горшок (X—начала XI в.) и другой — необычный по форме, в виде чаши с поддоном (рис. 20а). Горшки подобного типа до сих пор не были известны у восточных славян<sup>2</sup>. На дне первого горшка имеется очень интересное клеймо в виде водоплавающей птицы (гуся). Видна часть поднятого кверху крыла. Очень четко прорисованы перья шеи и крыльев. Справа сверху, над головой птицы, — не совсем ясное изображение знаков (свастики? или «усатого» ромба).

По старым славянским поверьям, душа умершего представлялась обычно в образе легкого, воздушного существа, которое изображалось в ряде случаев в виде птиц и чаще всего водоплавающих птиц. Существовало даже специальное, связанное с этим понятием выражение, обозначающее смерть человека: «душа с дикими гусями свет стережет». Понятие о душе, как отмечает А. Котляровский<sup>3</sup>, было также неразрывно связано с представлениями об огне, с верованием в воздушные огненные образы душ, пребывавшие в надземных сферах.

Таким образом, в этом кургане мы встречаем символику: ритуальное кострище, особую чашу и, наконец, клеймо на горшке, изображение которого подчеркивает связь души умершего с огнем и особое значение этого огня. Знак справа от головы птицы (будь то ромб или свастика) также, несомненно, имеет символическое значение.

<sup>2</sup> Наиболее близок ему по форме горшок из Нового Замка в Моравии. См.: V. Dostal. Slovanska pohrebište ze stredni doby hradištni na Morave. Praha, 1966. табл. LX, 1.

<sup>3</sup> А. Котляровский. О погребальных обычаях языческих славян. М., 1868.

Ю. В. КУХАРЕНКО

### ПОГРЕБЕНИЯ XI—XII вв. НА МОГИЛЬНИКАХ У ДЕРЕВНИ ВЕЛЕМИЧИ

Около дер. Велемичи Столинского района Брестской обл. БССР известны два могильника, на которых обнаружены погребения XI—XII вв. н. э. Один из них курганный, другой — грунтовой. Насыпи курганов на первом могильнике давно уже распахиваются, и к началу наших раскопок более или менее сохранилось лишь два кургана. Сильно повреждены вспашкой и некоторые погребения на втором, грунтовом могильнике.

Курганный могильник находится на восточной окраине деревни, в урочище Пугаченец. Оба сохранившихся на могильнике кургана невелики по размерам. Насыпи песчаные, округлой в плане формы. Высота насыпей около одного метра, диаметр не превышает 8 м. В 1954 г. меньший из этих курганов был раскопан мною. Под насыпью, в центральной части кургана, на уровне поверхности погребенной насыпью почвы находилась линзовидная зольно-угольная прослойка диаметром около 3 м. Наибольшая толщина прослойки 0,1 м. Под южным краем этой прослойки, в очень мелком углублении, образовавшемся, по-видимому, при подчистке дерна, находился скелет пожилого мужчины. Сохранность скелета плохая. Лежал на спине в вытянутом положении, головою к западу с небольшим отклонением к юго-западу. Около скелета обнаружено четыре кованых железных гвоздя. Два из них находились около левой руки, один у правой руки и один возле тазовых костей. На расстоянии 0,4 м к западу от черепа скелета лежало несколько обломков от горшка, сделанного на гончарном круге. На донышке горшка имеется рельефное клеймо в виде двух concentрических кругов (рис. 23, 1).

Грунтовой могильник находится в урочище Турско, примерно в 2 км к востоку от описанного выше. Расположен он на месте двух более ранних бескурганных могильников, исследованных мною в 1952—1957 гг. (могильник Велемичи I). Обнаружен во время раскопок на последних. Всего было тогда вскрыто 21 погребение интересующего здесь нас времени (погребения 137—157). 19 из них составляли довольно компактную группу (рис. 21), два находились отдельно, примерно в 40 м к западу от остальных. Все погребения содержали трупоположения. Захоронения одиночные. Залегали на небольшой глубине — до 0,7 м от уровня современной поверхности и поэтому скелеты покойников в некоторых погребениях разрушены вспашкой. Неповрежденными оказались лишь погребения, находившиеся на глубине 0,4—0,7 м. Очень возможно, что в свое время над погребениями, во всяком случае над некоторыми из них, были небольшие курганные насыпи. Во время раскопок, однако, следы их не прослеживались.

Во всех погребениях покойники лежали на спине, в вытянутом положении, головою к западу, с небольшими отклонениями к юго- или северо-



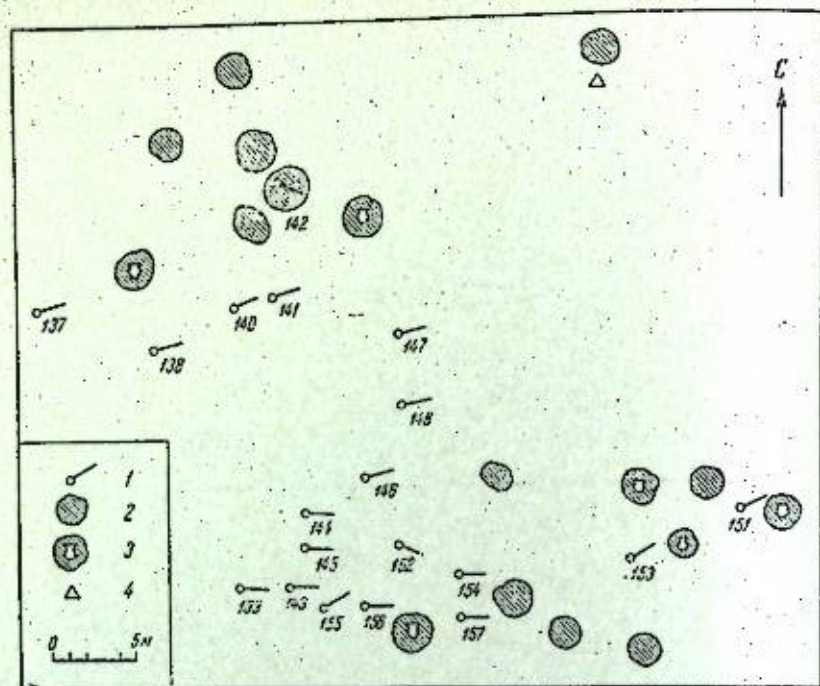


Рис. 21. Велемичи. Расположение погребений и зольно-угольных скоплений на могильнике Велемичи I

1 — погребение (указана ориентировка покойника); 2 — зольно-угольное скопление; 3 — зольно-угольное скопление, в пределах которого найдены обломки глиняных сосудов; 4 — захоронение лошади

паду. В двух случаях кисть правой руки покойника находилась под тазовыми костями (погребения 138 и 139), в остальных погребениях руки покойников были вытянуты вдоль туловища. В нескольких погребениях обнаружены остатки сгнивших деревянных гробов, скрепленных железными гвоздями (погребения 140—142, 147 и 155). Над скелетом в погребении 142 прослеживалась тонкая линзовидная зольно-угольная прослойка диаметром около 3 м.

Большинство погребений безы Inventарное. Вещи обнаружены лишь в семи случаях. В погребении 137 около левой бедренной кости покойника находилось бронзовое проволочное кольцо с несоединенными концами, а у ступней ног лежали обломки глиняного горшка, сделанного на гончарном круге. Два обломка от этого же самого горшка обнаружены примерно в 3 м к югу от погребения, куда они были стянуты при вспашке плугом. В перепаханном слое непосредственно над остатками скелета в погребении 141 найдены обломки от двух горшков того же вида, что и горшок из предыдущего погребения. Справа от поясницы покойника в погребении 142 лежал обломок железного серпа — черенок с основанием лезвия. В погребении 146 слева от черепа скелета обнаружены два железных обруча от небольшого деревянного ведра. Недалеко от них найден обломок гончарного горшка с рифленой поверхностью. На расстоянии 0,6 м к северу от черепа покойника в погребении 147 находился гончарный горшок, раздавленный тяжестью грунта (рис. 22, 2). Шейка у горшка цилиндрическая, венчик слегка наклонен во внутрь. Поверхность рифленая, а по плечикам украшена волнистыми бороздками. Слева у черепа скелета в погребении 152 обнаружена граненая бипирамидальная янтарная бусина. В погребении 157 у ног покойника находился гончарный, неорнаментированный горшок, раздавленный тяжестью грунта (рис. 22, 1).

В двух безы Inventарных погребениях находились челюсти лошадей (погребения 148, 155). В первом из них челюсть лежала у левой руки покойника, во втором — на расстоянии 1 м к югу от правой бедренной кости. Около челюсти лошади в погребении находилось небольшое скопление золы и мелких древесных угольков. На вскрытой нами площади могильника обнаружено также и полное захоронение лошади. Располагалось оно примерно в 20 м к северо-востоку от ближайших погребений. Скелет лошади находился на глубине 0,7 м от уровня современной поверхности. Лежал на левом боку, головою к востоку. Ноги подогнуты. Никаких вещей около скелета лошади не было. Но рядом с ним, почти вплотную, примыкая к скелету с севера, на глубине 0,45 м от поверхности, обнаружено линзовидное зольно-угольное скопление диаметром около 2 м (залегало в толще чистого песка несколько выше скелета лошади).

Очень интересным оказалось пространство между описанными выше погребениями и рядом с ними. При сплошном вскрытии этого участка площади могильника нами обнаружено около двадцати линзовидных зольно-угольных скоплений (см. рис. 21). О двух из них уже упоминалось. Диаметр остальных не превышал 3 м при толщине в центральной части до 0,3 м. Все они залегали в толще чистого песка на глубине от 0,25 до 0,5 м от современной поверхности. В пределах некоторых из этих зольно-угольных скоплений, причем всегда в центральной части, находились фрагментированные глиняные сосуды, а в одном случае кроме обломков сосуда обнаружен и обломок железного серпа.

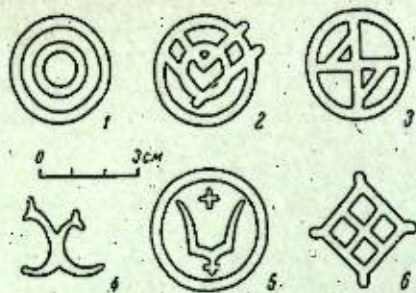
Сосуды представлены горшками того же типа, что и горшки из погребений. Так, в зольно-угольном скоплении, находившемся примерно в 3 м



Рис. 22. Велемичи. Глиняные сосуды из погребений и сосуды, найденные вне погребений.

1 — погребение 157; 2 — погребение 147; 3 — зольно-угольное скопление около погребения 156; 4 — вне погребений и зольно-угольных скоплений



Рис. 23. Велемичи. Клейма  
на донышках горшков

к юго-востоку от погребения 142, обнаружены обломки горшка с рифленой поверхностью и рельефным клеймом в виде двузубца на донышке (рис. 23, 5). В скоплении, расположенном на таком же расстоянии к северо-востоку от погребения 137, найдены обломки горшка с запятовидными углублениями на плечиках и обломок небольшого железного серпа. Фрагментированный горшок с рифленой поверхностью найден и в зольно-угольном скоплении, находившемся недалеко от погребения 153. Обнаружены обломки двух горшков, один из них с рифленой поверхностью, другой неорнаментированный. В пределах скопления, располагавшегося в 4 м к северу от этого же погребения, найдены обломки от двух подобных же горшков. На донышке одного из них имеется рельефное решетчатое клеймо (рис. 23, 6). В зольно-угольном скоплении, находившемся к востоку от погребения 151, обнаружены обломки от трех горшков. На донышке одного из них имеется рельефное Х-образное клеймо (рис. 23, 4). Следует отметить, что ни в одном случае горшки, обломки которых найдены в пределах зольно-угольных скоплений, не собирались полностью, так как части обломков недоставало. Почти полностью удалось собрать и реставрировать лишь горшок, найденный в скоплении около погребения 156 (рис. 22, 3).

Отдельные обломки горшков того же типа, что и горшки из зольно-угольных скоплений и погребений, изредка попадались и в других местах раскопа, вне погребений и описанных выше скоплений. Иногда из этих обломков удавалось даже собрать целые сосуды. Таков, например, горшок, обломки которого найдены в 3 м к югу от погребения 157 в толще чистого песка на глубине 0,3 м (рис. 22, 4). На донышке этого горшка имеется рельефное клеймо в виде круга, в который вписаны пересекающиеся валики (рис. 23, 3). Кроме обломков глиняных сосудов в толще песка вне погребений и зольно-угольных скоплений на вскрытом нами участке площади могильника найдены следующие вещи: бронзовый бубенчик, серебряная проволочная серьга, на стержень которой надет маленький полый шарик, покрытый псевдозерну, граненая бипирамидальная бусина из синего стекла, железный нож с прямой спинкой, два железных калачевидных кресала с треугольным язычком и обломок железного овального прорезного кресала с ушком для подвешивания.

Таковы погребения, вскрытые нами на могильниках у дер. Велемичи. По вещам, найденным в погребениях и около них, погребения эти следует датировать XI, а отчасти и XII в. нашей эры. Судя по особенностям погребального обряда, а также местонахождению могильников, принадлежали они древлянам. Зольно-угольные скопления около погребений, по-видимому, являются остатками поминков по усопшим.

Т. Н. НИКОЛЬСКАЯ

ДРЕВНЕРУССКИЙ СЕРЕНСК —  
ГОРОД ВЯТИЧЕСКИХ РЕМЕСЛЕННИКОВ

С каждым новым полевым сезоном все более отчетливо обрисовывается облик древнерусского города в Земле вятичей, Серенска — города замечательных мастеров-ремесленников<sup>1</sup>. В нашем распоряжении теперь около 13 тыс. отдельных предметов быта, вооружения, орудий труда, украшений, изготовленных местными мастерами.

Сыродутный горн, гончарная печь, мастерская стеклодела, дом ювелира, более 8 тыс. обломков стеклянных браслетов, около 50 различных литейных форм, медные матрицы, множество всевозможных отходов производства и полуфабрикатов — вот те неоспоримые свидетельства существования местного развитого ремесла в этом небольшом, но хорошо известном современникам вятическом городке периода до монгольского нашествия.

Полевые археологические исследования древнерусского Серенска, начатые в 1965 г.<sup>2</sup>, были продолжены в 1966—1967 гг. в западной и восточной частях Серенского детинца. Вся вскрытая в детинце площадь составляет теперь около 900 кв. м, на долю раскопок двух последних лет приходится более 600 кв. м.

Культурный слой Серенского детинца очень аморфный и перемешанный. Это объясняется активной строительной деятельностью населения и длительным существованием города (до начала XVI в.). Несмотря на это, в 1966 г. удалось изучить стратиграфию городища и довольно четко разграничить три напластования культурного слоя, относящиеся к разным хронологическим эпохам<sup>3</sup>.

Первый слой. Под плотным слоем дерна толщиной 8—10 см идет рыхлый, серовато-бурый слой с включениями сырой и обожженной глины, мелких камней, золы или извести, имевший толщину от 20—30 см в средней части детинца до 70—80 см в западной и восточной. В слое встречены обломки толстостенной белоглиняной керамики, чернолощенных сосудов и отдельные, немногочисленные предметы, относящиеся к XIV—XVI вв. (ножи, замки и т. д.).

Об активной строительной деятельности населения в этот период свидетельствуют довольно многочисленные ямы от столбов, иногда с остат-

<sup>1</sup> Раскопки Серенского городища ведутся Верхнеокской экспедицией ИА совместно с Калужским областным управлением культуры и Гос. университетом им. К. Э. Циолковского под руководством автора. В экспедиции принимали участие сотрудники ИА А. В. Куза, М. Д. Полубояринова, Т. В. Равдина, И. К. Фролов, С. С. Ширинский.

<sup>2</sup> Т. Н. Никольская, К истории древнерусского Серенска. КСИА, вып. 113, 1968, стр. 108—116.

<sup>3</sup> При раскопках 1965 г. четко разграничивались только два слоя — XII—XIII вв. и древний, принадлежавший дославянскому населению.



ками сгоревшего дерева, прорезающие более древние горизонты культурного слоя, вследствие чего в верхних пластах слой перемешан. Этим, по-видимому, объясняется и то обстоятельство, что подавляющее большинство вещей, найденных в самых верхних пластах, относится ко времени до монгольского нашествия. К верхнему горизонту слоя относятся остатки двух небольших хозяйственных построек, обнаруженные в западной и юго-восточной частях детинца.

Второй слой. Довольно мощный, черный, сухой слой с включением углей, золы, извести, обожженной глины, мелких и более крупных камней, в котором обнаружены остатки древнерусских сооружений и огромное количество предметов быта, ремесла, вооружения, относящихся ко времени, предшествовавшему монгольскому нашествию. В этом слое выделяется прослойка, наиболее интенсивно окрашенная в черный цвет, насыщенная обгоревшим зерном, углем, остатками сгоревших плах и бревен, связанная с пожаром в древнерусском Серенске в середине XIII в., очевидно, в период татаро-монгольского нашествия. Толщина этого слоя, довольно ровно залегающего на всей площади раскопов, в среднем равна 60—80 см, а в сооружениях до 120 см. К этому слою относятся остатки жилищ, хозяйственных и производственных сооружений, а также ряд погребений, сопровождавшихся, как и в раскопе 1965 г., набором вятических женских украшений.

Третий слой. Древнерусский культурный слой подстилался плотным черным слоем IV—VI вв., оставленным дославянским населением, ранее обитавшем на площадке Серенского городка.

Находки этого слоя многочисленны: обломки толстостенных лепных сосудов с шероховатой поверхностью, слабо профилированных, и, как правило, без орнамента, маленьких сосудиков, изготовленных из того же теста, сосудов черного лощения, глиняные черные лощеные пряслища большого диаметра, грузики, погремушка, костяные наконечники стрел и т. п.

Наибольший интерес представляют изделия из металла: это большая бронзовая фибула с круглой кнопкой, подобная найденным в курганах с трупосожжением у деревень Шаньково и Почепок и на Мощинском городище (Мосальского района) V—VI вв.<sup>4</sup>, бронзовая Т-образная фибула (крестовидная) с широкой хвостовой частью V—VII вв.<sup>5</sup> (обе прекрасной сохранности) и две железные фибулы с подвижной ножкой<sup>6</sup>.

Постройки древнерусского Серенска по их назначению подразделяются на жилища и хозяйственные сооружения. Последние в свою очередь делятся на небольшие ямы-погребя, котлованы большего размера — амбары (в таких постройках очень часты находки жерновов) и производственные мастерские (металлургическая, стеклодела, гончарная).

По характеру конструкции сооружения также неодинаковы: наземные (срубные или столбовые) и полуземлянки. Открытые в жилищах печи были глинобитными или каменно-глинобитными. В детинце Серенска, по-видимому, существовали большие срубные дома, поставленные на деревянные «стулья»<sup>7</sup>, промежутки между которыми закладывались камнем. Судя по глубоким ямам от столбов, «стулья» эти были очень массивными. Сохранность наземных построек плохая, почти все они погибли во время пожара. О наличии жилища можно судить только по развалу печи, слою

<sup>4</sup> Н. И. Буланчев. Журнал раскопок по части водораздела верхних притоков Волги и Днепра. М., 1899, табл. XI, 6, 7; XII, 7.

<sup>5</sup> А. К. Амброс. Фибулы юга Европейской части СССР. САИ, вып. Д1-30, 1966, стр. 76, табл. 13, 2.

<sup>6</sup> Там же, стр. 96.

<sup>7</sup> Подобная строительная техника известна в Восточной Европе и в настоящее время. См.: Е. Э. Бломквист. Крестьянские постройки русских, украинцев и белорусов. «Восточнославянский этнографический сборник». М., 1956, стр. 76.

сгоревшего дерева и концентрации находок. Лучшей сохранности хозяйственные постройки, так как обычно они углублены в материк.

В западной части детинца, в верхнем горизонте второго культурного слоя, обнаружены остатки наземной, прямоугольной в плане постройки, вытянутой по линии СЮ, с каменно-глинобитной печью в южной части (сооружение 12). Полностью границы жилища выявить не удалось (длина 5,5 м, ширина более 4 м).

Развал печи — обожженные камни и куски докрасна обожженной глины пода — занимал площадку прямоугольной формы, вытянутую с СЗ на ЮЗ, размером 2×1,4 м. Камни лежали на слое обожженной глины с вкраплениями углей, ниже которого шла вымостка мелкого гравия. Толщина слоя, занятого этим развалом, составляла около 30 см<sup>8</sup>. От постройки сохранились только остатки сгоревших досок пола. Ниже этого слоя обнаружены две каменные «вымостки», расположенные южнее и севернее печи. Среди камней найдена железная крица.

В культурном слое, лежавшем на полу жилища и ниже его, найдено много предметов быта, инструментов ремесленника, украшений: железные ножи, дужка от ведра, ключи от цилиндрических замков, обломок косы-горбуши, часть удила, спиральное сверло, топор, пинцет, кусок спекшейся кольчуги, обломки бронзовых витых (тройных, четверных) и плетеных браслетов, обломки пластинчатого загнутоконечного браслета, пластинчатый браслет с чеканным орнаментом, бронзовые перстни, серебряное перстнеобразное височное колечко, обломки серебряной и бронзовой проволоки, обломки стеклянных браслетов, стеклянные, хрустальные и сердоликовые бусины, фрагменты гончарной керамики XII—XIII вв.

Восточнее этой постройки открыты остатки жилища типа полуземлянки (сооружение 13), углубленной в культурный слой размером 4×3×0,8 м. Почти в самом центре жилища была расположена печь, сложенная из глины. Сохранились часть пода — площадка из красной прокаленной глины подпрямоугольных очертаний (размером 1×1 м), развал обожженной глины, под которым оказалась подпечная яма.

На полу жилища и особенно в подпечной яме найдено много предметов быта и украшений: железные ножи, ключи от цилиндрических замков, замок от лошадиных пут, дужки от ведер, обломок бронзовой чаши, бронзовый пластинчатый браслет с орнаментом, нанесенным зубчатым колесиком, бронзовый витой браслет, серебряная монетовидная подвеска, тонкое серебряное проволочное колечко с завернутыми концами, двусторонние костяные гребни (рис. 24, 9), сланцевое пряслище, обломки гончарных сосудов с волнистым и линейным орнаментом XII—XIII вв. В юго-западном углу постройки найдено скопление шлаков цветных металлов.

Судя по находкам инструментов, отходов производства (обломков серебряной и бронзовой проволоки, шлаков цветных металлов) и большого количества готовых изделий, обе рассмотренные постройки являлись, очевидно, одновременно жилищем и мастерской ремесленника. В маленьких средневековых городках с их тесной застройкой такое сочетание жилища и мастерской под одной крышей было нередким. Та же картина наблюдается и в некоторых других городах Земли вятичей<sup>9</sup>.

В юго-восточной части детинца, у вала были вскрыты остатки большой наземной постройки, вытянутой в направлении ЮЗ-СВ; сооружение погибло во время пожара; о его размерах мы можем судить по огромному развалу камней (очевидно, фундамента), занимавшему площадку длиной

<sup>8</sup> Глинобитные печи с камнями в конструкции свода известны в Старой Рязани и в ряде других древнерусских городов, в частности в раскопанном недавно в Переяславской земле городе Чучине (см.: В. И. Довженко. Древнерусские городища на среднем Днепре. СА, 1967, № 4, стр. 266).

<sup>9</sup> М. Г. Рабинович. Крепость и город Тушков. СА, XXIX—XXX, 1959, стр. 273.



11,2 м и шириной 6,4 м. Можно предположить, что постройка была деревянной, срубной: мощный черный слой сгоревшего дерева, углей и горелого зерна перекрывал каменный развал.

На площади предполагаемой постройки было собрано более тысячи разнообразных предметов, среди которых преобладали украшения: бронзовые и серебряные, витые и пластинчатые браслеты, решетчатые, рубчатые, пластинчатые перстни, семилопастные височные кольца, подвески к ожерельям, обломки стеклянных браслетов, стеклянные сердоликовые и хрустальные бусы. Здесь же было обнаружено более 30 литейных форм из сланца для разнообразных украшений; некоторые из этих украшений были найдены на Серенском городище (рис. 24, б, 8).

На боковой и верхней гранях некоторых литейных форм были прочерчены буквы: «В Е» и «К», — возможно, инициалы заказчика, а может быть, мастера. Подобные литейные формы с надписями известны из раскопок М. К. Каргера в древнем Киеве<sup>10</sup>.

Литейные формы, найденные на территории большого дома, поражают большим искусством и разнообразием сюжетов. Среди них формы для нескольких типов колтов, широких створчатых браслетов, пластинчатых браслетов, перстней, трёхбусинного височного кольца, крестиков, украшенных ложной зернью или сканью, формы для полых ложнозернистых бус, для амулета — ножен и т. п.

Б. А. Рыбаков высказал мнение о том, что помимо ювелиров-литейщиков в Древней Руси были особые специалисты-камнерезы, владевшие тончайшими инструментами и навыками<sup>11</sup>. Можно думать, что и литейные формы из Серенска изготовлены специалистами-камнерезами.

Среди всех литейных форм, найденных в 1967 г., наибольшего внимания заслуживает каменная формочка для изготовления створки широкого браслета с изображением человеческого лица (рис. 24, 1). Это вторая находка в Серенске; первая (с тремя человеческими фигурками — сцена языческих «русалий») была найдена при раскопках 1965 г.<sup>12</sup>

Изготовленная в такой форме створка браслета делилась на три рельефные арки в верхней части браслета и на две — в нижней. Изображение человеческого лица в центральной верхней арке довольно реалистично: рельефны длинные «власы», большие выпуклые глаза, прямой нос и свисающие усы. Возможно, что эта личина имеет портретное сходство с одним из обитателей древнего Серенска, а изображение на ее оборотной стороне напоминает княжеский знак (трезубец). В правой верхней арочке — маленькая птичка, в нижней, обломанной, — стилизованная птица или зверь.

Форма для широкого створчатого браслета с изображением грифона (рис. 25, 5) напоминает широкий серебряный браслет — наруч из Тереховского клада XII—XIII вв.<sup>13</sup> Свообразны формочки для различных крестиков, орнаментированных ложной зернью и сканью (рис. 24, 7); литейные формы для перстней с растительным орнаментом, плетенкой (рис. 24, 5) и орнаментом из мельчайшей ложной зерни, напоминающим княжеский знак (рис. 24, 4); на литейной форме для колтов полностью сохранилось изображение геральдического зверя (рис. 24, 2; 25, 3).

Литейная форма для привески-амулета в виде ножен, полых внутри, орнаментированных выпуклой решеткой (рис. 25, 4), напоминает привески-амулеты, найденные в Новгороде в слое XII в.<sup>14</sup>

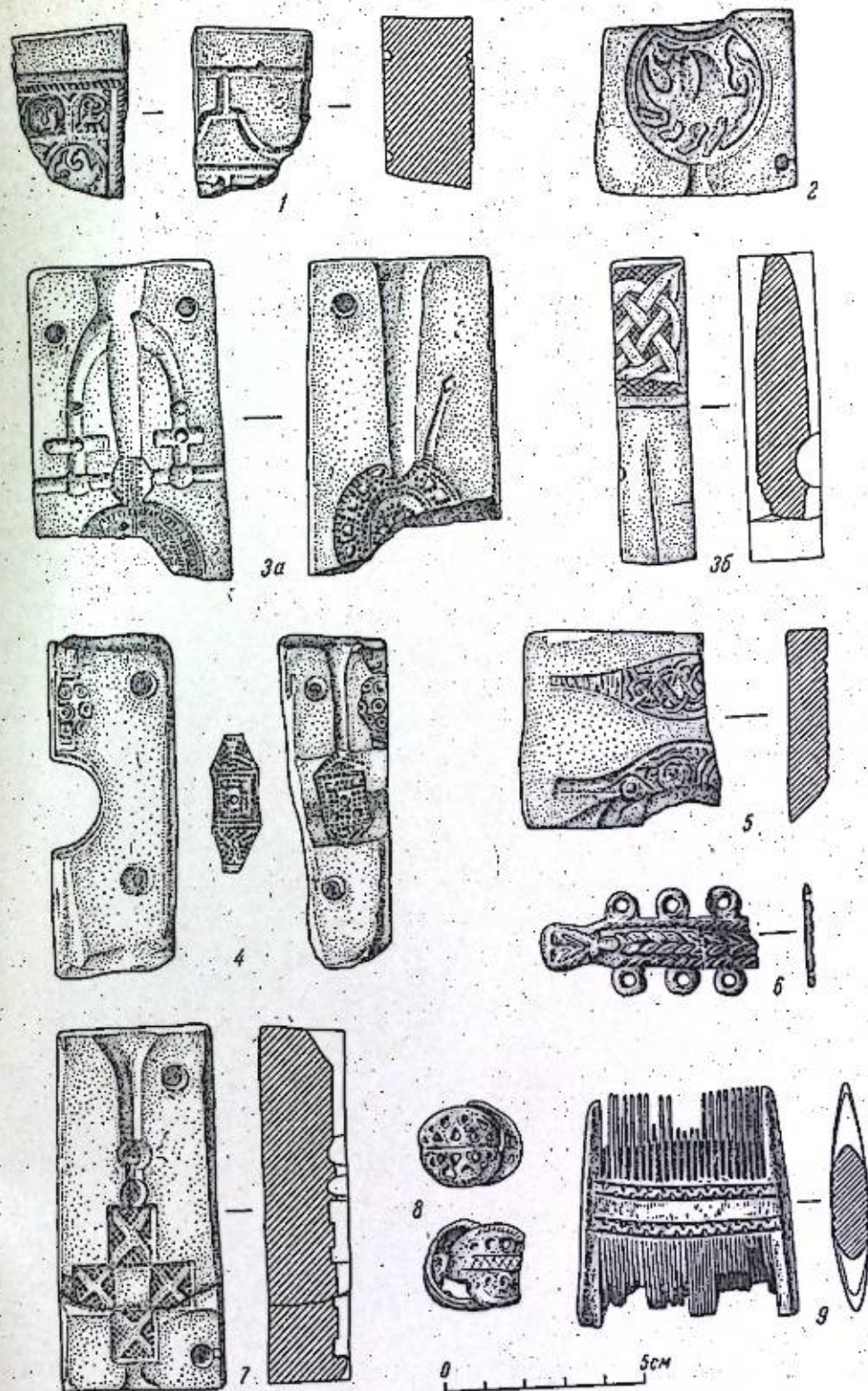


Рис. 24. Серенск. Вещи из построек

1 — двусторонняя литейная форма для изготовления створчатых браслетов; 2 — форма для изготовления колта; 3а, б — двусторонняя литейная форма для изготовления нагрудного украшения и колта; 4—5 — формы для изготовления перстней и бус; 6 — обломок бронзового литого браслета; 7 — литейная форма для креста; 8 — два перстня в одной связке; 9 — гребень (1—5, 7 — камень; 6, 8 — бронза; 9 — кость)

<sup>10</sup> М. К. Каргер. Древний Киев, т. I. М.—Л., 1958, стр. 385, рис. 86.

<sup>11</sup> Б. А. Рыбаков. Ремесло Древней Руси, М., 1948, стр. 269—270.

<sup>12</sup> Т. Н. Никольская. Указ. соч., стр. 115, рис. 38; Б. А. Рыбаков. Русалии и бог — Симарга-Переулут. СА, 1967, № 2, стр. 108, 109, рис. 11.

<sup>13</sup> А. С. Гушин. Памятники художественного ремесла Древней Руси X—XIII вв. Л., 1936, табл. XV, 10, 13.

<sup>14</sup> М. В. Седова. Ювелирные изделия древнего Новгорода (X—XV вв.). МИА, № 65, 1959, стр. 228, рис. 11, стр. 229.



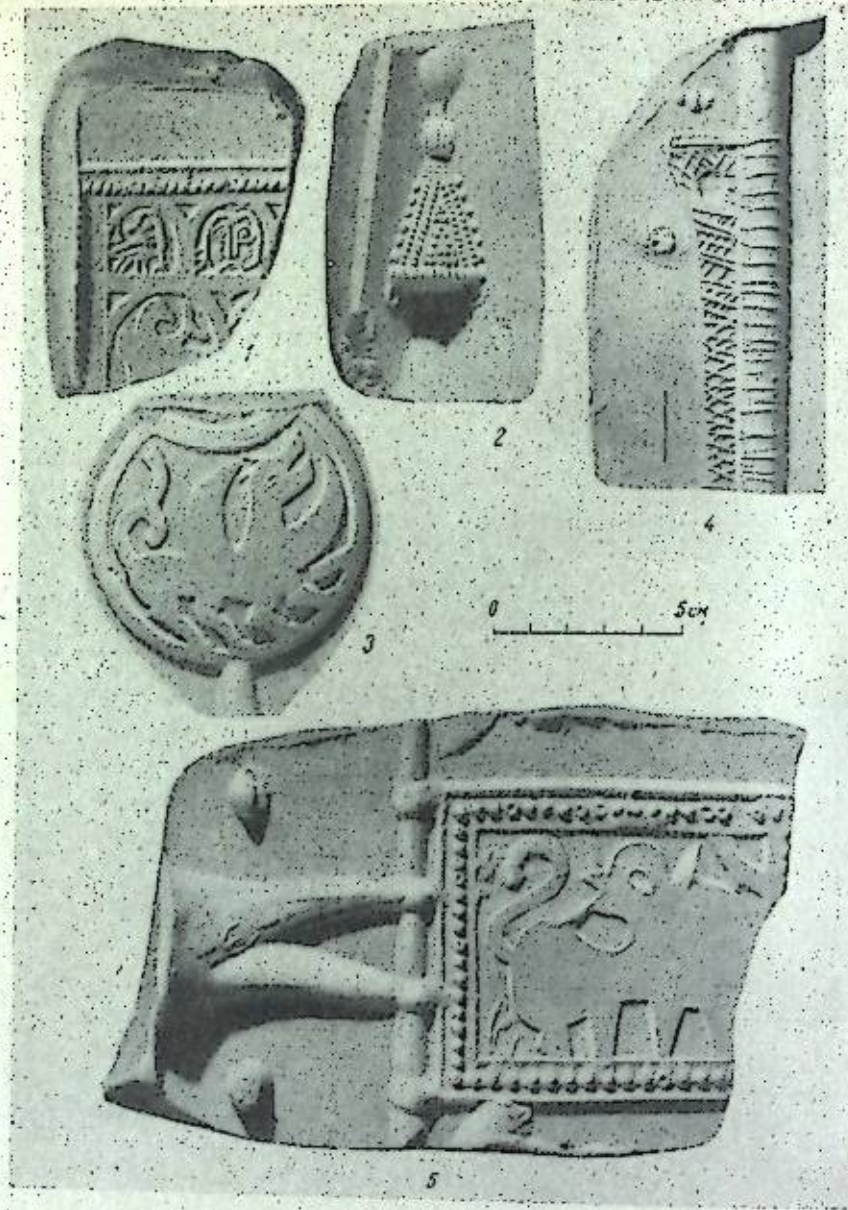


Рис. 25. Серенск. Гипсовые оттиски украшений, сделанные в литейных формах

1, 5 — части створчатых браслетов; 2 — подвеска-рясна; 3 — колты; 4 — шпунт — ножны кинжала.

Описанная постройка, очевидно, не была обычной мастерской рядового ремесленника. Скорее это был дом феодала, в котором жили и работали несвободные мастера. Помимо литейных форм здесь найдено множество предметов украшений (рис. 24, 6), в том числе связки перстней, свидетельствующие об их массовом производстве (рис. 24, 8).

Литейные формы, найденные вне этой постройки, также интересны. Среди них часть четырехсоставной формочки для изготовления полой конической подвески к женскому головному убору — рясна (рис. 25, 2). Подобные серебряные подвески, орнаментированные зернью, известны по находкам кладов XII—XIII вв. (Старая Рязань, Смела, Мартыновка)<sup>15</sup>.

<sup>15</sup> А. С. Гуц и и. Указ. соч., стр. 37, рис. 7; стр. 38, рис. 8.

Найдены литейные формы для изготовления больших круглых бляшек, орнаментированных ложной зернью, которые предназначались для богатого оплечья (рис. 24, 3) или для колтов с ложной зернью и сканью (рис. 24, 3а); боковая грань такой формочки была украшена тонким рисунком плетенки (рис. 24, 3б). Найдены формочки для трехбусинного височного кольца, для серебряных аграфов, бус, лунниц и т. п.

Хозяйственные постройки, открытые на территории Серенского детинца, довольно разнообразны.

Одна из них представляла собой полуземлянку, квадратную в плане, с длиной стен 2,6 м (сооружение 3). Стенки котлована имеют небольшой скос, дно покрыто гравием с супесью; на половине глубины котлован сооружения был перекрыт твердой золистой прослойкой в смеси с культурным слоем (в профиле прослойка имела толщину 0,20 м и форму вогнутой чаши). В заполнении котлована обнаружены остатки сгоревшего и частично сгнившего дерева. У северо-западного угла погребка сделан вытянутый выем, который ступенькой спускается в котлован. В северо-западной части этого углубления открыто погребение (13). Скелет лежал вытянуто, на спине, головой на запад, в неглубокой овальной яме (длина ямы 1,80 м, ширина 0,80 м, глубина от материка 0,30 м). Левая рука погребенного была согнута в локте и положена на живот, правая рука отсутствовала. В заполнении сооружения были найдены различные предметы быта: пряжка, дужка от ведра, бронзовый подсвечник хороса, гончарная керамика XII—XIII вв.

Севернее сооружения 3 расположена еще одна хозяйственная постройка (сооружение 7) (3,6×1,2 м), слегка углубленная в материк (на 0,3—0,4 м). Стенки постройки имеют небольшой скос, по углам зафиксированы ямы от столбов. Южные столбы входят в общий контур сооружения, а северные находятся вне его (глубина ям 0,11—0,3 м). Юго-западный угол постройки совпадает со столбовой ямой более древнего периода, в которой найдены фрагменты лепной посуды. Контур древней ямы проследить не удалось, но в связи с тем, что здесь грунт оказался рыхлым, угол постройки укреплен камнями.

Ряд столбовых ямок имелся и по внешнему контуру сооружения с западной и восточной сторон (диаметры ям 0,2—0,3 м, глубина от материка 0,1—0,25 м). Заполнение постройки состояло из гумусированного слоя со значительным включением золы и глины. В заполнении найдены фрагменты стеклянных браслетов, шиферное пряслице, железные ножи, точильный камень.

Кроме рассмотренных хозяйственных построек на площади раскопанных участков были открыты небольшие ямы, содержавшие склады различного рода бытовых предметов; особенно интересна одна из таких ям в северо-западной части детинца. В ней были обнаружены: плужный лемех (рис. 26, 11), два сошника (рис. 26, 10), три серпа, две пары удил, тесло (рис. 26, 3), топор (рис. 26, 2), скребица, перекрестие сабли (рис. 26, 4), вток (рис. 26, 7).

Среди других предметов, найденных в Серенском детинце в 1966—1967 гг., заслуживают внимания: железный меч (конец обломан; рис. 26, 5), двушипное втульчатое копье (рис. 26, 6), наковальня (рис. 26, 9), кузнечный молот-кувалда (рис. 26, 8), топор с остатками деревянного топорща (рис. 26, 1).

Наиболее интересной находкой 1967 г. является железная лицевая маска. До настоящего времени на территории Советского Союза было известно всего четыре подобных маски: три из них были найдены в погребениях богатых воинов-кочевников вместе со шлемами, одна — в жилом квартале древнего Херсонеса<sup>16</sup> (рис. 27).

<sup>16</sup> Н. В. Пятыйшев. Железная маска из Херсонеса. М., 1964, табл. I—VII.



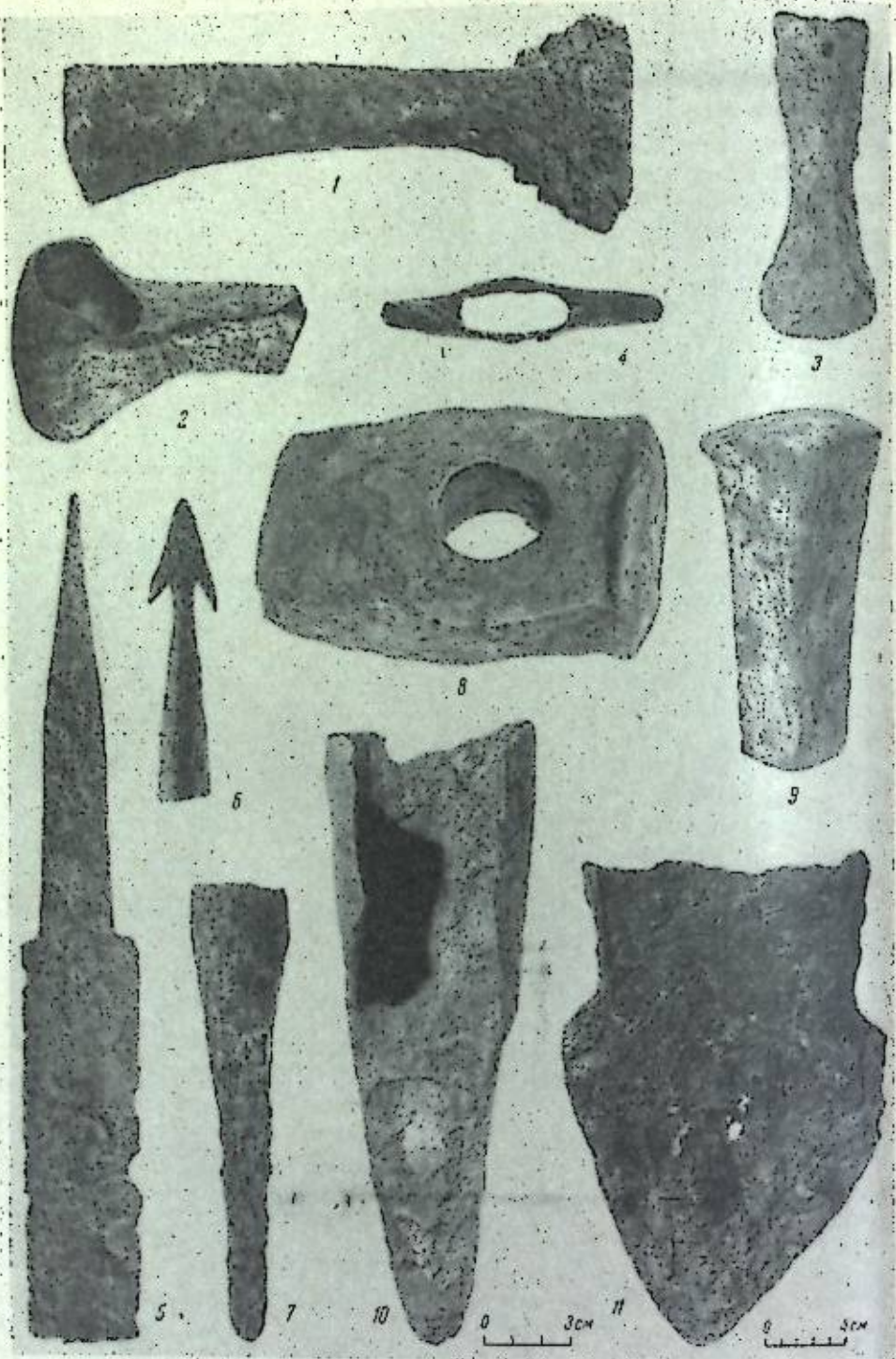


Рис. 26. Серенск. Предметы из железа

1, 2 — топоры; 3 — тесло; 4 — перекрестье сабли; 5 — обломок меча; 6 — конь; 7 — вилы; 8 — молот-кувалда; 9 — наковальня; 10 — сошник; 11 — плужный лемех

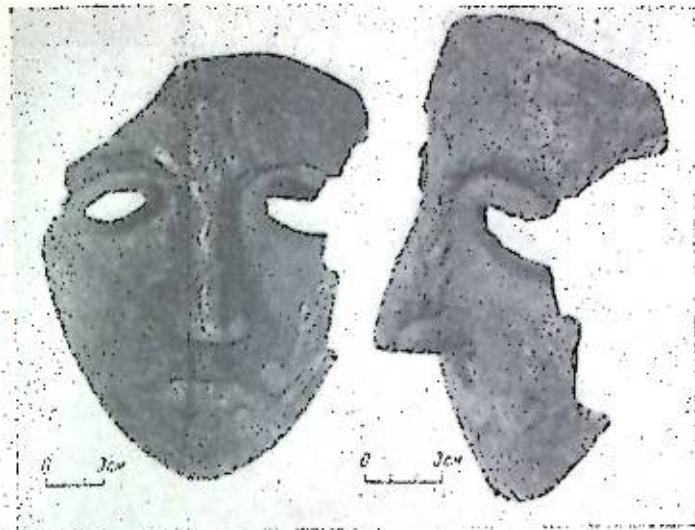


Рис. 27. Железная маска в фас и профиль

Железная маска из Серенска обнаружена в слое пожара первой половины XIII в. Маска довольно хорошей сохранности, повреждена только ее левая сторона. Так же, как и ранее известные экземпляры, серенская маска выполнена в кованой технике и представляет собой не грубое подобие человеческого лица, а почти точный слепок с него. Вытянутое лицо, высокий, слегка покатый лоб, прямой нос, рельефные надбровные дуги с широкими бровями, сжатый рот с небольшими усами характеризуют портрет человека европеоидного типа.

Как попало это искусное произведение талантливого мастера в маленький вятичский городок — пока сказать трудно. Возможно, что маска была утеряна одним из воинов во время осады города<sup>17</sup>.

А. Н. Кирпичников относит железные шлемы с масками к кочевническим защитным доспехам, закрывавшим не только голову, но и лицо<sup>18</sup>. Н. В. Пятыева, посвятившая железным маскам специальное исследование<sup>19</sup>, считает, что они являлись атрибутом культово-религиозной пантомимы, связанной с шаманизмом у кочевников. Следует упомянуть, что при раскопках Большого дворца в Константинополе (XIII в.) было открыто сразу девять железных «бородатых» масок, считавшихся принадлежностью так называемых «готских игр»<sup>20</sup>.

<sup>17</sup> Напомним, что железная «личина» от шлема, украшенная серебром и позолотой, была найдена во Вшиже при раскопках дома богатого боярина середины XII в. (Б. А. Рыбаков. Стольный город Чернигов и удельный город Вшиж. Сб. «По следам древних культур. Древняя Русь». М., 1953, стр. 104, рис. на стр. 119).

<sup>18</sup> А. Н. Кирпичников. Русские шлемы X—XIII вв. СА. 1958, № 4, стр. 61.

<sup>19</sup> Н. В. Пятыева. Указ. соч.

<sup>20</sup> «The Great Palace of the Byzantine Emperors». London, 1947, pl. 58, стр. 15, 98, прим. 3.



П. А. РАЙПОПОРТ  
ДАНИЛОВ

В Ипатьевской летописи под 1240 г. описан разгром Киева войсками Батия и кратко указан дальнейший путь монгольской армии — от Киева на Галич и Владимир-Волынский. Летописец отметил, что на этом пути монголы не смогли взять только два города: «Видивъ же Кремлянецъ и градъ Даниловъ, яко не возможно прияти емоу и отъиде от нихъ»<sup>1</sup>. Так впервые появляется в письменных источниках название г. Данилова. Судя по названию, город этот был основан либо в честь рождения князя Даниила Романовича, либо уже в период самостоятельного правления этого князя. И в том, и в другом случае эта дата не будет выходить за рамки начала или первой половины XIII в.

О том, что Данилов был одним из немногих южнорусских городов, не подвергшихся монгольскому разгрому, свидетельствует и то, что в 40-х годах здесь останавливался на пути в Киев папский посол Плато Карпини<sup>2</sup>. Через 15 лет после первого упоминания в летописи, в 1255 г., монгольские войска вновь были в этом районе и вновь потерпели неудачу в штурме упомянутых городов: «И воева около Кремлянца ... и не оупевше ничто оу Кремлянца и възвратишася во стапы своя»<sup>3</sup>. Не удивительно, что в 1261 г. когда Бурундай приказал русским князьям самим уничтожить наиболее опасные для монголов крепости, в перечне этих крепостей наряду с самыми крупными городами Юго-Западной Руси вновь упомянуты Данилов и Кременец<sup>4</sup>.

Таким образом, время существования г. Данилова очень коротко. В отличие от Кременца этот город не был, по-видимому, восстановлен после уничтожения в 1261 г. Правда, в документах XIV в. Данилов еще числится среди административных пунктов Волынской земли, но в исторических событиях ни этого, ни более позднего времени он уже не упоминается<sup>5</sup>.

Остатки древнего города находятся близ современного хутора Даниловка в Шумском районе Тернопольской обл. УССР<sup>6</sup>. Укрепленная часть занимала гору, называемую Троицей; рядом, под горой, находится неукрепленная часть<sup>7</sup>. Археологическая разведка, проведенная в 1961 г.,

<sup>1</sup> Ипатьевская летопись 6748 (1240) г.

<sup>2</sup> Иованн де Карпини. История монгалов. СПб., 1911, стр. 45.

<sup>3</sup> Ипатьевская летопись 6763 (1255) г.

<sup>4</sup> Там же, 6769 (1261) г.

<sup>5</sup> А. Андрияшев. Очерк истории Волынской земли до конца XIV столетия. Киев, 1887, стр. 61.

<sup>6</sup> П. А. Райпопорт. Новые данные по исторической географии Волыни. КСИА, вып. 99, 1964, стр. 54.

<sup>7</sup> П. А. Райпопорт. Военное зодчество западнорусских земель X—XIV вв. Л., 1967, стр. 34; М. И. Островский. Разведка в Тернопольской и Ровенской областях. СА, 1964, № 4, стр. 224.

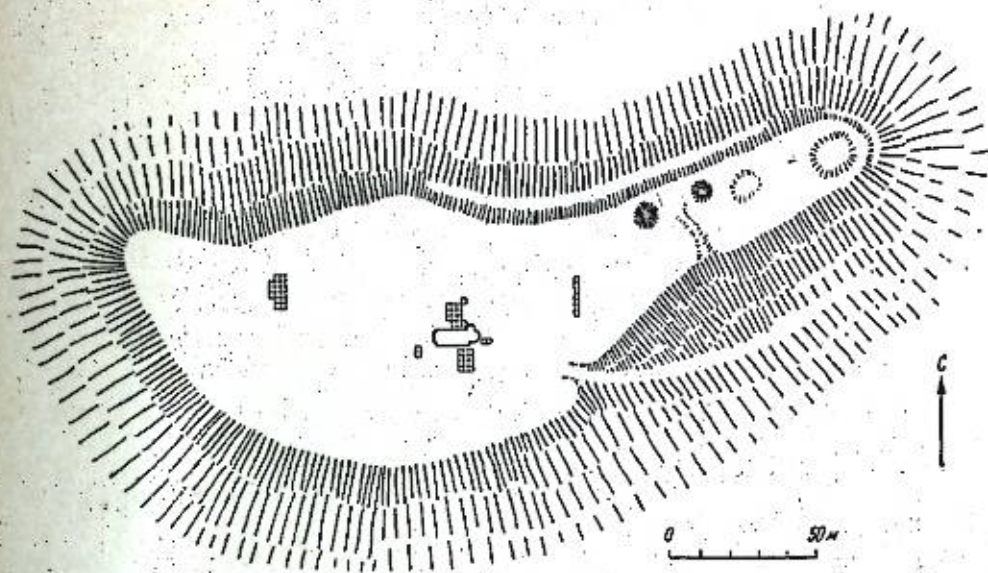


Рис. 28. План горы Троица с указанием площади раскопок

показала, что культурный слой на городище относится исключительно к XIII в. и не потревожен никакими более поздними наслоениями. Склоны горы густо заросли лесом, но верхняя площадка покрыта лесом в значительно меньшей степени и здесь имеются достаточно большие площадки для проведения систематических раскопок. В средней части площадки городища расположена небольшая церковь. В настоящее время она покрыта штукатуркой и имеет наружную живопись XX в. Однако само здание несомненно более древнее, так как уже во второй половине XIX в. эта церковь считалась старинной<sup>8</sup>.

В 1968 г. отряд по изучению жилищ провел на горе Троице раскопки<sup>9</sup>. На площадке городища было заложено 5 раскопов (рис. 28). Там, где в раскопах были обнаружены какие-либо жилые или хозяйственные комплексы, раскопы были расширены, чтобы полностью вскрыть эти комплексы. Общая раскопанная площадь — 220 кв. м. Выяснилось, что непосредственно под дерном залегает черный слой, насыщенный культурными остатками, в основном керамикой и костями животных. Слой этот продолжается до глубины 30—40 см, а ниже начинается темно-коричневая супесчаная почва почти без культурных включений, переходящая на глубине 40—50 см в чистый материковый супесок. На очень небольшой глубине (не более 90 см) под грунтом залегает известняковая скала. Вся земля от дерна до материка насыщена мелкими кусочками известняка и камнями.

В трех местах на площадке городища удалось обнаружить остатки жилых комплексов. Это были наземные дома, земляные полы которых залегали на глубине около 25 см, а кое-где еще выше, непосредственно под дерном. Полы отличаются от культурного слоя вне жилищ лишь несколько большей насыщенностью мелкими кусочками печины, мелкими угольками и кусочками керамики. Границы пола определяются с очень большим трудом и с точностью не более 5—10, а иногда и 15 см. Кроме

<sup>8</sup> «Wolyn pod względem historycznym i archeologicznym przez T. J. Steckiego», t. 2. Lwow, 1871, стр. 88.

<sup>9</sup> Состав отряда: начальник отряда П. А. Райпопорт, научные сотрудники К. В. Павлова и М. И. Островский (Кременец), лаборанты Г. Демура, О. Дугаев, Н. Мачерет, И. Мисанлов, А. Носков и М. Носков.



того, полы жилищ очень сильно нарушены корнями деревьев. Тем не менее на участке севернее церкви удалось определить границы одного жилища (жилище 1 размерами 4,9 × 4,3 м), а в западной части города — три стороны другого жилища (жилище 2, протяжение его с севера на юг — 4,3 м). На участке к югу от церкви несколько жилищ последовательно сменяли друг друга почти на одной и той же территории, причем полы их лежали на одинаковом уровне. Поэтому границы отдельных жилищ на этом участке определить не удалось.

Все жилища были ориентированы сторонами по сторонам света. В углах стояли круглые глинобитные печи. Стенки печей сохранились лишь в самой нижней части, где они имеют толщину около 15 см и состоят из двух слоев глиняной обмазки; внутренний слой сильно обожжен, а наружный обожжен слабо. Судя по найденным обломкам глиняных стенок печей, они не имели следов деревянного каркаса. Поды печей круглые, диаметром от 0,75 до 1,0 м; они представляют собой слой сильно обожженной глины толщиной до 9 см. В ряде случаев поды имеют два и даже три слоя, свидетельствующие о ремонтах печи. Расположены поды печей на уровне пола или на 5—7 см ниже пола.

В нескольких случаях вдоль линии границы пола жилищ лежали куски обожженной глиняной обмазки с отпечатками бревен и плах (или досок), очевидно, остатки обмазки деревянных стен жилищ.

Большинство находок было сделано на полу жилищ, хотя отдельные предметы встречались в культурном слое и на других участках (рис. 29). Найденны предметы бытового назначения — железные ножи, цилиндрический замок и пружины от замков, ключи, огниво, железный пробой. Среди украшений — два височных кольца, бронзовая пряжка. Найдено 24 обломка стеклянных браслетов, в том числе один детский (диаметром около 3 см). Подавляющее большинство браслетов имело круглое сечение, некоторые были рифлеными, перекрученными, один четырехугольного сечения, один пятилепестковой в сечении формы и один круглый, обмотанный витками нити из желтого заглуженного стекла. По цвету браслеты делятся следующим образом: 10 браслетов голубых и синих, 6 фиолетовых, остальные зеленые и коричневые. Все браслеты сделаны из обычного для Древней Руси калиево-свинцово-кремнеземного стекла<sup>10</sup>. Из предметов вооружения найдены обломок железного наконечника копья и 2 железных наконечника стрел. Особый интерес представляет каменная двусторонняя формочка для отливки перстней со щитком и подвесок<sup>11</sup>. Обращает на себя внимание полное отсутствие такого обычного в раскопках древнерусских поселений предмета, как шиферные пряслица. При раскопках Данилова было найдено лишь одно биконическое пряслице.

Наибольшее количество находок составляет керамика<sup>12</sup>. Вся глиняная посуда изготовлена на круге, хорошо обожжена; тесто ее не имеет крупных примесей, глина почти исключительно белая. Основная форма — обычные горшки различных размеров (с диаметром горла от 12 до 26 см). Горшки в большинстве случаев почти однотипны и имеют характерный для XII—XIII вв. мягко, но сильно отогнутый венчик с рубчиком по внутреннему краю. Орнаментация большей частью отсутствует или ограничивается несколькими параллельными линиями на плечиках. Кроме горшков встречаются фрагменты сосудов других форм — мисок, кувшинов и др.

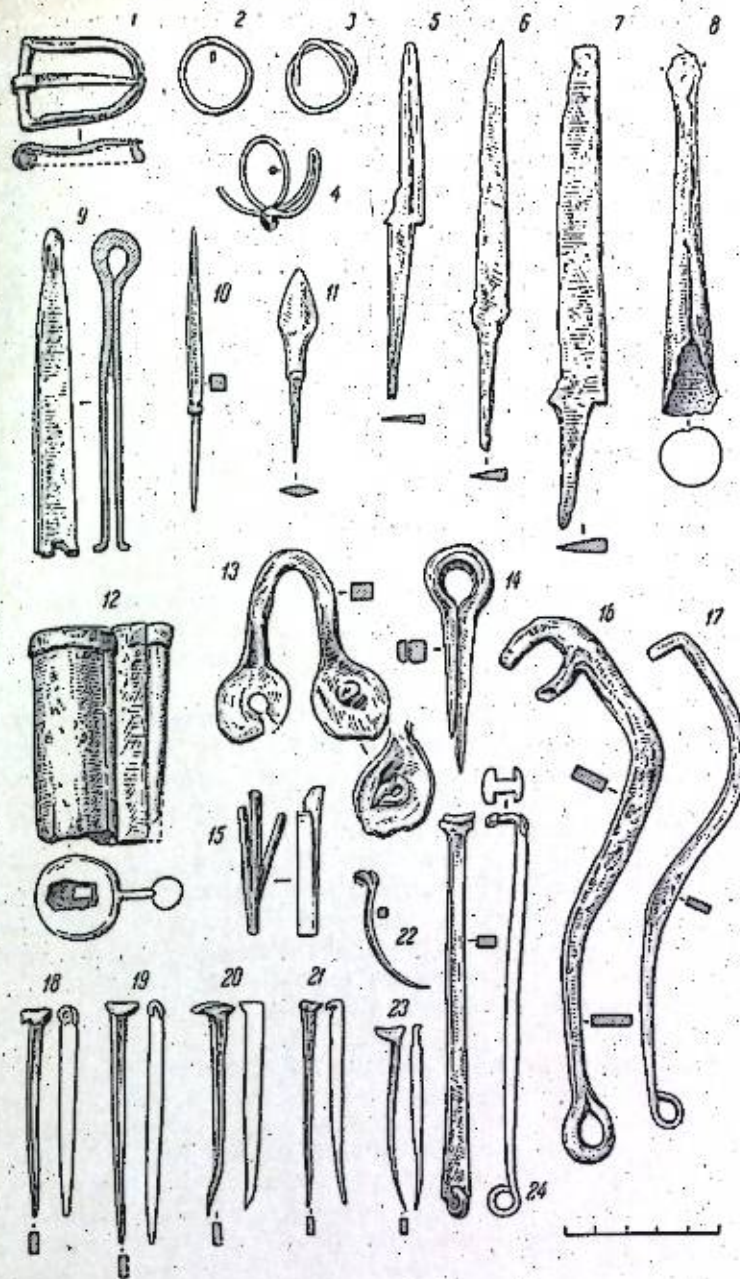


Рис. 29. Вещи из раскопок в Данилове

1 — бронзовая пряжка; 2 — бронзовое кольцо; 3 — серебряное височное кольцо; 4 — бронзовое височное кольцо; 5, 6, 7 — железные ножи; 8 — наконечник копья; 9, 16, 17, 24 — ключи; 10, 11 — наконечники стрел; 12 — цилиндрический железный замок со следами покрытий бронзой; 13 — железная пестан; 14 — железный пробой; 15 — пружина от замка; 16—23 — гвозди. Место находки: 7, 9, 15, 21 — жилище 1; 8, 17 — яма в юго-западном углу жилища 1; 4, 10, 11, 16 — жилище 2; 1, 2, 6, 14 — яма под жилищем 2; 5, 18, 19, 20, 22, 23 — комплексы жилищ в раскопе 5; 12 — яма комплексов на раскопе 2; 3, 13, 24 — яма комплексов на раскопе 3

<sup>10</sup> Спектральный анализ браслетов исполнил Д. В. Наумов. В составе стекла 50—65% кремнезема (основа стекла), 10—23% окиси калия, 18—26% окиси свинца. Многие браслеты полупрозрачные из-за присутствия небольшой дозы двуокиси олова. В качестве красителя для синих и голубых браслетов была использована окись меди (0,2—1,0%), для фиолетовых — марганец (0,3—0,7%), для зеленых — соединения меди и свинца, для коричневых — соединения свинца и железа.

<sup>11</sup> См. статью К. В. Павловой в настоящем выпуске.

<sup>12</sup> Анализ керамики из Данилова см. в статье М. В. Малевской в настоящем выпуске.

Во время раскопок не было найдено ни одного фрагмента амфоры. Найдено несколько фрагментов сосудов, покрытых зеленой поливой, а также несколько маленьких кусочков стеклянных сосудов.

В культурном слое найдено значительное количество костей животных.

Возле здания церкви при раскопках обнаружены остатки каменного фундамента какой-то постройки, имевшей ширину около 10 м, т. е. не-



| Вид животного             | Количество костей | Процент | Минимальное количество особей | Вид животного          | Количество костей | Процент | Минимальное количество особей |
|---------------------------|-------------------|---------|-------------------------------|------------------------|-------------------|---------|-------------------------------|
| Домашние животные и птицы |                   |         |                               | Дикие животные и птицы |                   |         |                               |
| Свинья . . . . .          | 182               | 59,6    | 15                            | Кабан . . . . .        | 10                | 3,3     | 2                             |
| Корова . . . . .          | 50                | 16,4    | 3                             | Косуля . . . . .       | 10                | 3,3     | 1                             |
| Овца . . . . .            | 15                | 4,9     | 2                             | Благородный олень      | 6                 | 2,0     | 1                             |
| Курица . . . . .          | 11                | 3,6     | 3                             | Лось . . . . .         | 4                 | 1,3     | 1                             |
| Лошадь . . . . .          | 7                 | 2,3     | 1                             | Заяц . . . . .         | 2                 | 0,7     | 1                             |
| Гусь . . . . .            | 5                 | 1,6     | 2                             | Тетерев . . . . .      | 2                 | 0,7     | 1                             |
|                           |                   |         |                               | Рябчик . . . . .       | 1                 | 0,3     | 1                             |
| Всего . . . . .           |                   |         |                               |                        | 305               | 100     | 34                            |

сколько больше, чем ширина современной церкви. По-видимому, это фундамент деревянной церкви, которая предшествовала по времени ныне существующей каменной. В XIII в. на этом же месте, очевидно, тоже стояла деревянная церковь. Ни стен, ни фундаментов этой древней церкви обнаружить не удалось, но остатки ее плиточного пола были найдены при раскопках к югу и северу от церкви. Обломки плиток не были связаны с жилыми комплексами, а лежали, как правило, выше их. Керамические плитки квадратные; размер их сторон колеблется от 20 до 21 см, а толщина 2,1—2,5 см. Найдено также несколько плиток большего размера, со сторонами 24,5 см при толщине 2,6—2,9 см. Края плиток скошенные или вертикальные, тесто серое с розоватым оттенком, без примесей, хорошо прожженное. На верхней поверхности плиток сохранилась кое-где яркая блестящая полива зеленого и коричневого цветов<sup>13</sup>. Следует отметить, что на нескольких кусках плиток видны затеки поливы, покрывающие сколотые боковые поверхности; очевидно, плитки потрескались еще в процессе производства.

Культурные остатки, относящиеся к поздним эпохам (в основном к XVIII—XIX вв.), отмечены в очень незначительном количестве лишь в раскопах, расположенных рядом с церковью. На остальной территории горы все культурные остатки относятся исключительно к XIII в.

На неукрепленной части поселения, расположенной под горой, культурный слой имеет толщину около 20 см и почти повсюду пропахан на всю его глубину. Материал абсолютно идентичен найденному на горе, но встречается в значительно меньшем количестве. В шурфе, заложенном восточнее горы, отмечены остатки наземного жилища с печью, сильно поврежденные распахкой.

Материал X—XI вв. отмечен в долине к северо-востоку от горы и на городище Уния в 3—4 км от Данилова.

Раскопки в Данилове представляют интерес не только потому, что характеризуют материальную культуру этого древнерусского города, но также благодаря чрезвычайно узким хронологическим рамкам найденного там материала. Это памятник, относящийся исключительно к XIII в. и не имеющий культурных отложений даже XII в. Поэтому данный археологический материал может служить определенным хронологическим эталоном.

<sup>13</sup> Спектральный анализ поливы (исполнил Д. В. Наумов) показал, что она имела свинцово-кремнистый состав (кремнезем — 17—33%, окись свинца — 52—76%). Для зеленой поливы были использованы медные и свинцовые, а для коричневой поливы — свинцовые и железные красители. Толщина слоя поливы 50—80 микрон.

М. В. СЕДОВА

ПРЕДМЕТЫ ВООРУЖЕНИЯ  
ИЗ ЯРОПОЛЧА ЗАЛЕССКОГО

В течение ряда лет на городище близ с. Пировы Городища в Вязниковском районе Владимирской обл. велись систематические археологические работы. Этот памятник отождествляется с древнерусским городом Ярополчем Залесским, упоминаемым в «Списке русских городов» XIV в.<sup>1</sup> Судя по археологическим данным, поселение возникло в X в. как неукрепленное, а к началу XII в. превратилось в укрепленный город. Погиб город от татаро-монгольского нашествия, вероятно, в 1238—1239 гг. Таким образом, поселение просуществовало около трехсот лет, с X до середины XIII в.

За годы раскопок на городище накопился разнообразный и многочисленный археологический материал. Значительное место в нем занимают предметы вооружения и снаряжения всадника. Самой распространенной находкой из числа предметов вооружения дальнего боя являются железные наконечники стрел. Всего в Ярополче на территории неукрепленного посада (селища) и городища обнаружено 64 наконечника стрел. Среди них и общераспространенные универсальные типы наконечников, употреблявшиеся и для охоты, и для военных целей, и специально боевые «бронбойные», употреблявшиеся против врага в доспехе, и только охотничьи, применявшиеся при охоте на пушного зверя. При описании стрел использовалась классификация, разработанная А. Ф. Медведевым<sup>2</sup>.

Из втульчатых наконечников стрел единичной находкой представлен двушпильный наконечник (длина 6,6 см, длина пера 5 см), найденный в слое первой половины XII в. в яме, примыкающей к полуземлянке. Наконечники этого типа чаще всего встречаются в западной части Древнерусского государства. Они были заимствованы русскими у западных соседей и употреблялись с VIII по XIII в. при охоте на крупную дичь, при стрельбе по не защищенному доспехами врагу и в качестве зажигательных стрел<sup>3</sup>.

Все остальные типы наконечников стрел из Ярополча черешковые. Наиболее многочисленными из них являются ромбовидные новгородского типа (19 экз.). Характерная их особенность — отсутствие упора для древка стрелы (рис. 30, 1). Этот тип стрел распространен в северной части Восточной Европы и только изредка встречается на южнорусских памятниках. Датировка этих наконечников очень широкая — с I по XIII в.

<sup>1</sup> В. В. Седов. Раскопки 1959 г. во Владимирской земле и на Смоленщине. КСИА, вып. 86, 1961, стр. 73—75.

<sup>2</sup> А. Ф. Медведев. Ручное метательное оружие. Лук и стрелы, самострел VIII—XIV вв. САИ, вып. Е1-36, 1966, стр. 53—96.

<sup>3</sup> Там же, стр. 56.



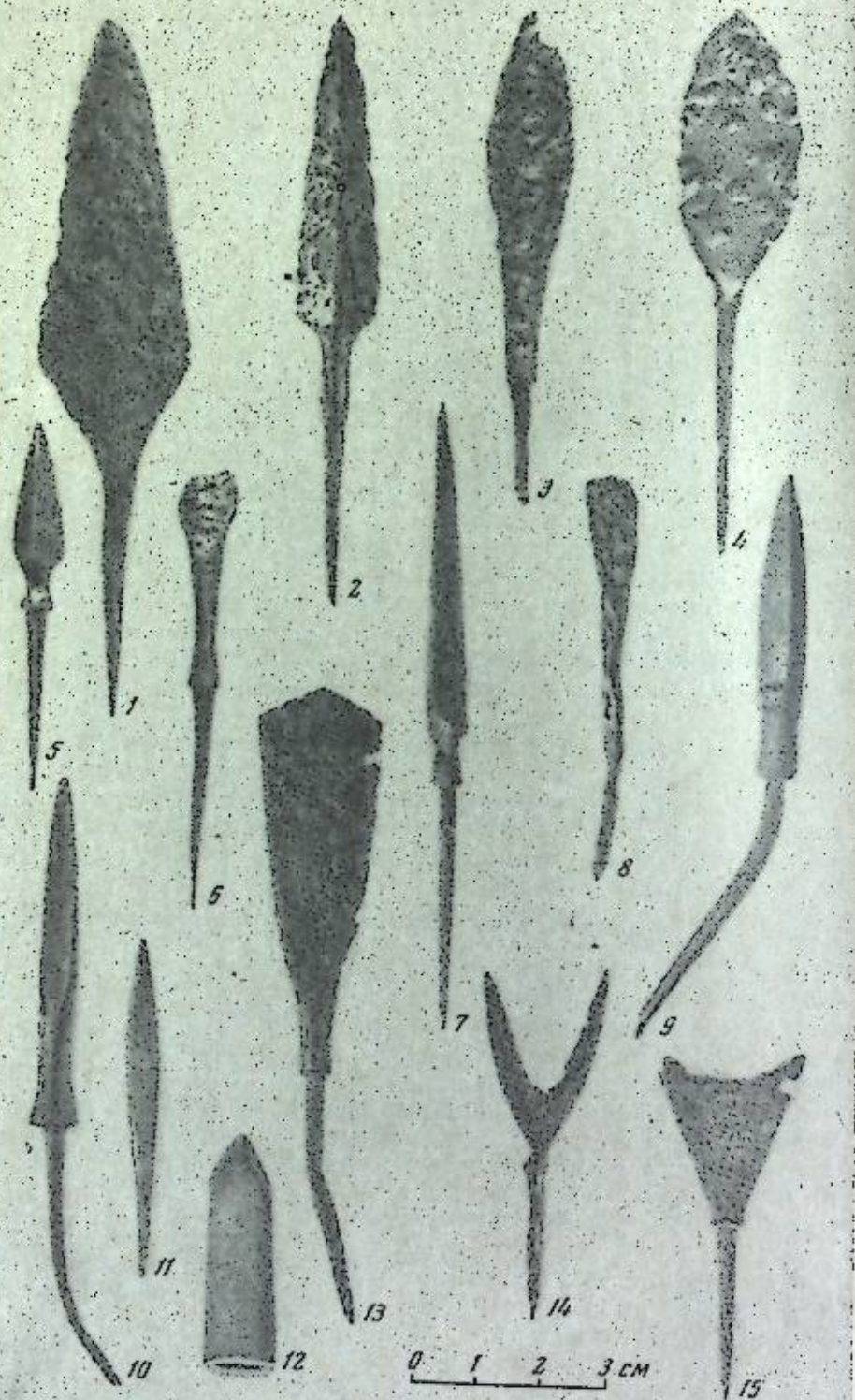


Рис. 30. Наконечники стрел

после монгольского нашествия они полностью исчезают из употребления<sup>4</sup>. Ярополческие стрелы найдены и в детинце, и на посаде в слоях, датированных от X до середины XIII в. XII—первой половиной XIII в. датируются килевидные вытянутые наконечники стрел, 6 экземпляров которых (рис. 30, 3) обнаружены на территории детинца.

Широкую дату, с X по XIV в. имеют ромбовидные наконечники с упором для древка и с расширением пера в нижней его трети (рис. 30, 2). Таких стрел найдено 2 экземпляра (на городище в слоях XII—первой трети XIII в.).

Лавролистный наконечник с упором относится к распространенному типу стрел, бытовавшему у славян и их финских соседей в продолжительный период — с начала нашей эры до позднего средневековья (рис. 30, 4).

Два пирамидальных наконечника ромбического сечения, сплюснутые у черешка, в Ярополче найдены в слоях XII—начала XIII в., что соответствует датировке подобных наконечников на таких древнерусских памятниках, как Изяславль, Новогрудок, Новгород<sup>5</sup>. Число «броневых» наконечников стрел в коллекции древнего Ярополча значительно — 19 экземпляров, что составляет примерно 30% общего количества наконечников. Среди них представлены три долотовидных наконечника (рис. 30, 8), бытовавших на Руси и в Волжской Болгарии с середины XI до середины XIII в.<sup>6</sup> Два из них найдены на городище, один — на посаде, в верхних горизонтах культурного слоя, датированного концом XII—началом XIII в. «Броневые» наконечники с массивной головкой ромбовидных очертаний и ромбического сечения (рис. 30, 6) появляются на Руси в X в., существуют весь XI в., доживая в некоторых местах до XII в. Распространены они были по всей Руси, в Волжской Болгарии и у финно-угров<sup>7</sup>. Четыре экземпляра таких наконечников найдены в Ярополче на селище в слое XI в. и два на городище в слое XII—начала XIII в.

Два «броневых» узких наконечника квадратного сечения с перехватом у черешка (рис. 30, 7) найдены в Ярополче (городище и селище) в слоях первой половины XII в. Подобные противокольчужные наконечники имели широкое распространение на Руси и у соседних народов с VIII по XIV в.<sup>8</sup> Четыре «броневых» пирамидальных наконечника с массивной короткой головкой квадратного сечения с перехватом (рис. 30, 5) обнаружены в слоях XII в. Они употреблялись для пробивания шлемов и доспехов. Подобные стрелы были широко распространены на Руси с X по XIV в.<sup>9</sup>

С XII по XIV в. включительно существовали «броневые» пирамидальные наконечники квадратного сечения, с круглой шейкой, два экземпляра (рис. 30, 9) которых найдены на Пировом городище и селище в слоях XII—начала XIII в. Эти наконечники были распространены на Руси и у соседних народов Восточной Европы<sup>10</sup>. XII—XIV вв. датируется четырехлопастной ланцетовидный наконечник (рис. 30, 10). Два экземпляра «броневых» шиловидных, квадратного сечения наконечников без упора для древка обнаружены в слоях XII—начала XIII в. в детинце Ярополча. Такие наконечники были распространены в Восточной Европе с X по XIV в. включительно<sup>11</sup>.

<sup>4</sup> А. Ф. Мелвеев. Ручное метательное оружие. Лук и стрелы. Самострел. VIII—XIV вв. САИ, вып. Е1-36, 1966, стр. 67, табл. 30, 42.

<sup>5</sup> Там же, стр. 85, табл. 30, 91.

<sup>6</sup> Там же, стр. 86, табл. 30, 97.

<sup>7</sup> Там же, стр. 81, табл. 30, 78.

<sup>8</sup> Там же, стр. 84, табл. 19, 27.

<sup>9</sup> Там же, стр. 83, табл. 30, 86.

<sup>10</sup> Там же, стр. 82, табл. 30, 80.

<sup>11</sup> Там же, стр. 84, табл. 30, 87.



Наконечники стрел, так называемые срезни, в виде узкой вытянутой лопаточки с треугольным острием (рис. 30, 13) не употреблялись в Восточной Европе до монгольского нашествия, зато хорошо известны в Монголии и были, видимо, типично монгольскими. На территории Древней Руси наконечники-срезни встречаются в основном на южных памятниках, разрушенных татарами-монголами, и датируются XIII—XIV вв.<sup>12</sup> На севере Руси они редки. В Ярополче (на городище в слое начала XIII в.) найдено три экземпляра. Находки их связываются, очевидно, с осадой и разгромом Ярополча татарскими отрядами.

Три треугольных срезни с вогнутым острием (рис. 30, 15) аналогичны стрелам, найденным на Книжей горе и в Новгороде. Они имеют широкую дату — с IX по XIV в.<sup>13</sup> Один экземпляр двурогого срезня с выпуклыми боковыми и вогнутыми режущими сторонами (рис. 30, 14) обнаружен в Ярополче в слое конца XII—начала XIII в. Этот вариант появляется, как указывает А. Ф. Медведев<sup>14</sup>, в памятниках с середины XI в. и употребляется вплоть до XIV в.

При охоте, а иногда и в бою употреблялись костяные наконечники стрел. Так, в Ярополче на посаде найдена костяная стрела, подражающая ромбовидным черешковым наконечникам. Там же, в слое XI—первой половины XII в., обнаружен костяной наконечник килевидной формы, ромбического сечения, черешковый, а в детинце — три пулевидных конических втульчатых наконечника (рис. 30, 12). Употреблялись костяные наконечники стрел в основном в северной Руси славянами и их финно-угорскими соседями вплоть до XIV в. В слое XII—начала XIII в. на городище найден костяной струг для отделки древков стрел (рис. 31, 2).

Оружие ближнего боя представлено наконечниками копий, булавой, топором и ножом.

Наконечник втульчатого копья-гарпуна (рис. 31, 5) с пером в виде двух расходящихся в стороны шипов (длина 19,5 см) относится к ранним образцам копий, датируемым IX—XI вв. (тип VII по классификации А. Н. Кирпичникова)<sup>15</sup>. Аналогичный наконечник найден в кургане XI в. у с. Посады бывшей Тверской губ. Копья с двушипными наконечниками являлись в основном охотничьим оружием, но изредка встречаются в дружинных захоронениях.

Кроме наконечника копья-гарпуна на Пировом городище найдено два обломка метательных копий-сулиц, относящихся, видимо, к типу книжаловидных черешковых с плоским пером. В Новгороде этот тип сулиц датируется XIII в.<sup>16</sup>

В Ярополче найдено четыре втока (рис. 31, 6) — все в слоях, относящихся к концу XII—началу XIII в. Их длина от 9,5 до 14 см, диаметр от 2,5 до 4,5 см. В верхней части они имеют отверстия для гвоздей.

На посаде Ярополча обнаружена железная булава в виде куба со срезаемыми углами (рис. 31, 1). В Древней Руси булавы получили широкое распространение. Они применялись в бою как против незащищенных воинов и их коней, так и против воинов в стальных шлемах. Булава из Ярополча имеет высоту 3,2 см, ширину 4,5 см, диаметр отверстия 2,5 см. По классификации А. Н. Кирпичникова, булава относится ко II типу и датируется XII—XIII вв. Аналогичные булавы чаще всего встречаются при раскопках южнорусских городов, погибших от нашествия татар, но известны они и в Новгороде, Москве, Костромских курганах<sup>17</sup>.

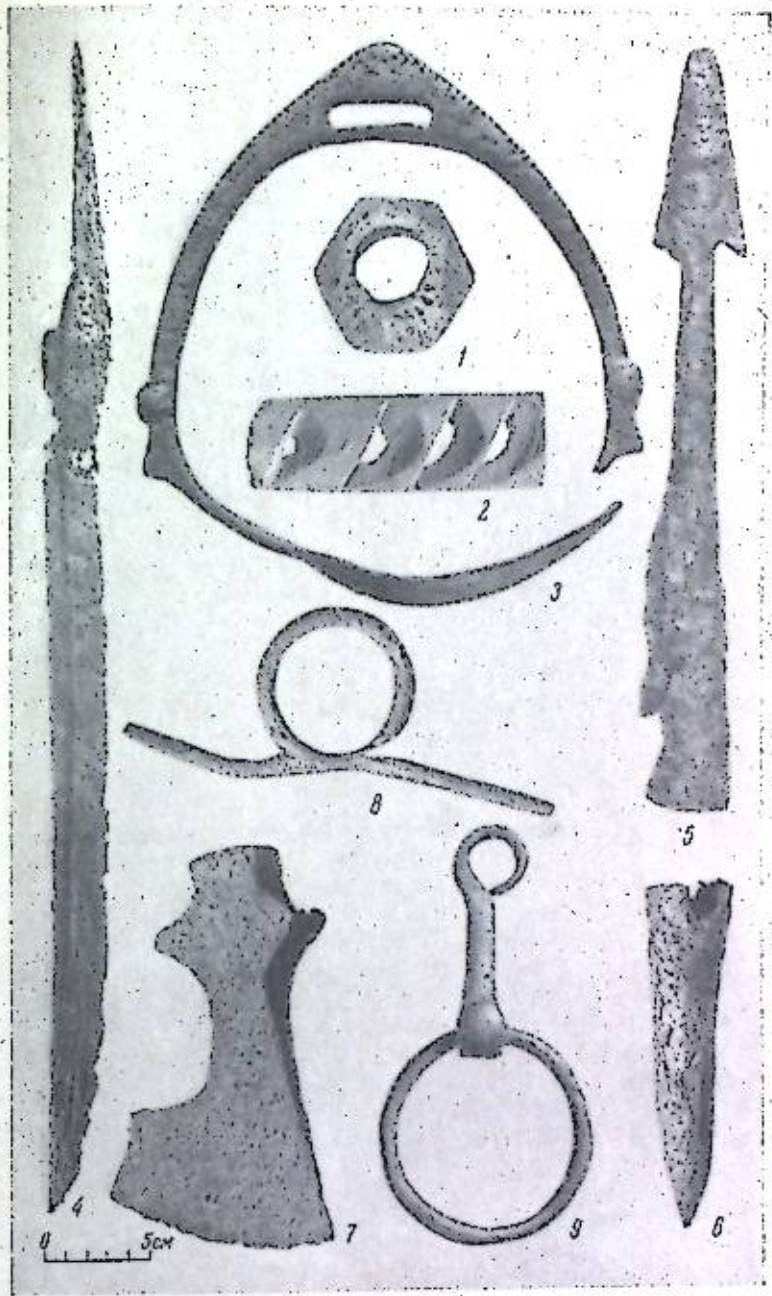


Рис. 31. Предметы вооружения и снаряжения кони

Возможно, боевым по назначению был топор, найденный на посаде Ярополча (рис. 31, 7). Длина его 18,2 см, ширина лезвия 11,8 см, диаметр отверстия обука 3 см. У топора оттянутое книзу лезвие, прямая верхняя грань и две пары щекавиц у обука. Относится он к типу VI (по классификации А. Н. Кирпичникова), распространенному главным образом в Средней и Северной Руси<sup>18</sup>.

По-видимому, боевым являлся и нож, изображенный на рис. 31, 4 (длина лезвия 22,5 см). Вообще, нож — необходимая принадлежность

<sup>12</sup> А. Ф. Медведев. Указ. соч., стр. 75, табл. 30, 64.

<sup>13</sup> Там же, стр. 70, табл. 21, 4; 26, 17.

<sup>14</sup> Там же, стр. 72, табл. 23, 31—33.

<sup>15</sup> А. Н. Кирпичников. Древнерусское оружие, вып. 2. САИ, вып. Е1-36, 1966, стр. 17, табл. X, 4.

<sup>16</sup> А. Ф. Медведев. Оружие Новгорода Великого. МИА, № 65, 1959, стр. 128.

<sup>17</sup> А. Н. Кирпичников. Указ. соч., стр. 48, рис. 10, 4.

<sup>18</sup> Там же, стр. 38, табл. XIV, 7.



любого воина, но назначение его универсально. Однако ножи таких больших размеров, видимо, следует относить к боевым.

Из защитного оружия в коллекции находок из Ярополча имеется 4 фрагмента кольчуги. Один фрагмент найден на посаде и три в детинце, все в слоях XII—XIII вв. Это сравнительно небольшие обрывки из 5—30 круглых в сечении проволочных колечек диаметром от 7 до 12 мм.

Предметы снаряжения коня и всадника встречены в Ярополче в небольшом количестве. Это прежде всего 15 шпор. Однако не все они поддаются определению, так как некоторые найдены в обломках. Три шпоры имеют притупленный шип круглого сечения (рис. 32, 1). Изготовлены из круглого и квадратного дрота. Аналогичные шпоры в Новгороде бытовали в XI—XII вв.<sup>19</sup> В Ярополче шпоры найдены (две на городище, одна на селище) в слоях XII—начала XIII в. Две шпоры с массивными пирамидальными шипами (рис. 32, 2) имеют аналогию в древнерусских памятниках XI—XIII вв. В Новгороде шпоры этого типа обнаружены в слоях XII—XIII вв.<sup>20</sup> Две шпоры с шарообразным шипом из Ярополча датируются также XII—XIII вв. В Новгороде аналогичная шпора зафиксирована в слое первой половины XIII в.<sup>21</sup>

Четыре шпоры с зубчатым колесиком (рис. 32, 3) обнаружены в верхних слоях Ярополча. Такие шпоры появились на Руси, как и в Западной Европе, не ранее XIV в. В Ярополче они, видимо, также могут быть датированы XIV—XV вв. Следует отметить, что две такие шпоры с пряжками для крепления ремней найдены вложенными одна в другую на самом краю обрыва городища к р. Клязьме, непосредственно под дерновым слоем. Скорее всего шпоры с колесиками были занесены на городище случайно проезжими путниками в то время, когда место это уже не было заселено. Два раза в том же верхнем перепаханном слое найдены болгарские монеты XV в., принесенные так же, как и шпоры, сюда случайно. Иного материала XIV—XV вв. на Пировом городище не встречено.

Кроме шпор из предметов снаряжения всадника и верхового коня в коллекции Пирова городища имеется пять железных стремян. Одно из них (рис. 31, 3) с прямоугольной вытянутой горизонтально петлей, не отделенной от дужки арочной формы, имеет аналогию на городище Изяславль. В Ярополче (детинец) оно найдено в слое XII—начала XIII в. Три стремяни (рис. 32, 4) относятся к типу ГIV (по классификации Г. А. Федорова-Давыдова)<sup>22</sup>. Контур их яйцевидный, верхняя часть дужки расплющена и образует треугольный выступ, подножка узкая, овальная в плане. Подобные стремяна хорошо известны среди курганных древностей Руси XII—XIII вв., а также в инвентаре южнорусских городищ, погибших от татаро-монгольского нашествия.

Круглое по контуру стремя с расплющенной верхней частью дужки, с узкой круглой подножкой (рис. 32, 5) найдено на городище Ярополча в одной из хозяйственных ям вместе со стремянем типа ГIV (первая половина XIII в.). Следует отметить, что вообще все описанные типы стремян не встречаются в памятниках, датированных более ранним временем, чем XII в.<sup>23</sup>

Удила найдены в трех экземплярах (рис. 31, 9) и то не целые, а фрагменты, состоящие из кольца и звена, сделанных из дрота круглого и квадратного сечения. Они относятся к наиболее распространенному типу, бытовавшему на Руси длительное время, с X по XIV в. Псалый от уз-

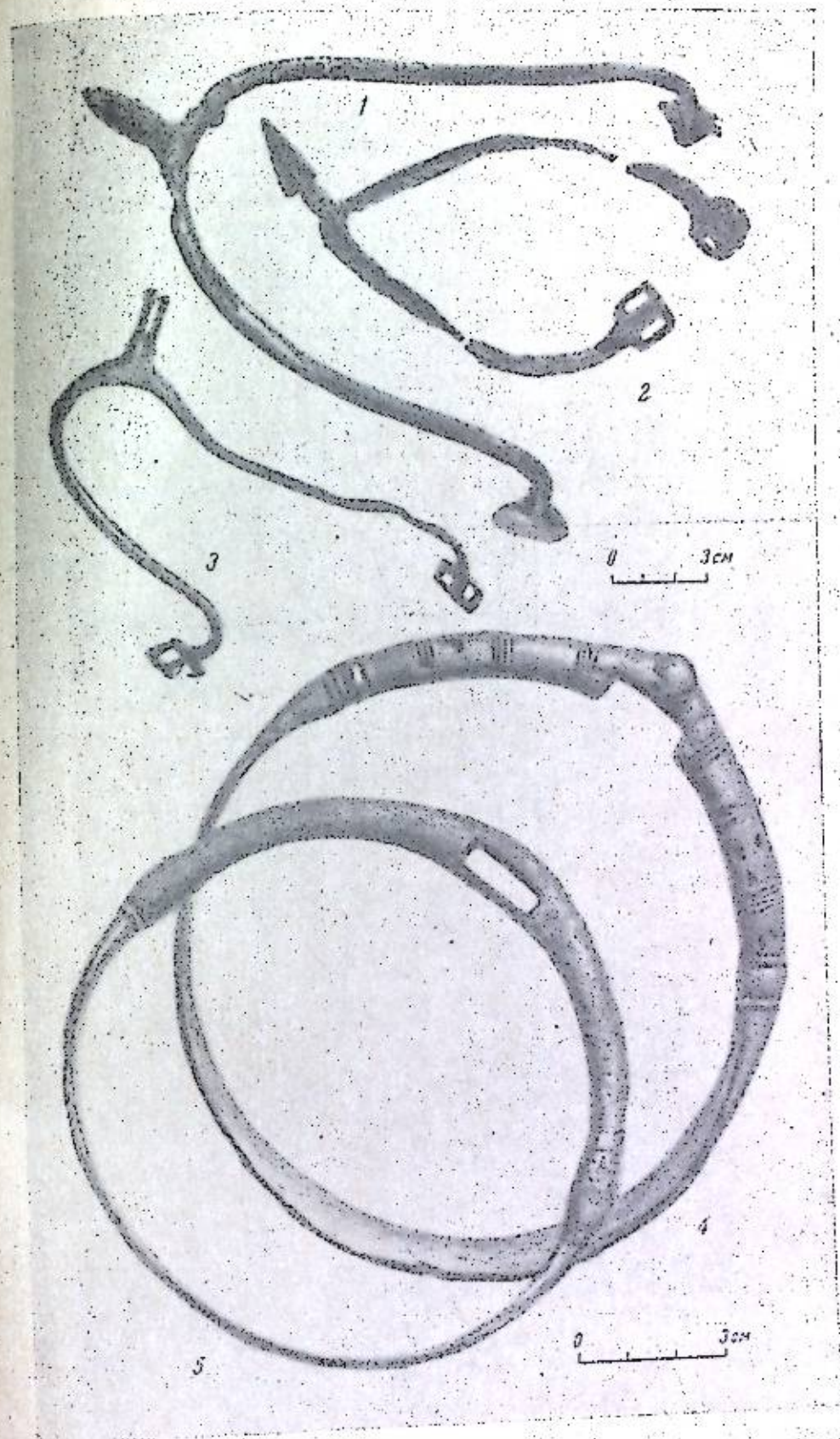


Рис. 32. Шпоры и стремяна

<sup>19</sup> А. Ф. Медведев. Оружие Новгорода Великого, стр. 191, рис. 23, 14.

<sup>20</sup> Там же, стр. 191, рис. 23, 16—17.

<sup>21</sup> Там же, стр. 191, рис. 21, 6.

<sup>22</sup> Г. А. Федоров-Давыдов. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. М., 1966, стр. 12.

<sup>23</sup> Там же, стр. 16.



дечки в виде кольца, соединенного со стержнем, обнаружен в слое начала XIII в. (рис. 31, 8).

Обычно оружие редко встречается в культурном слое городов. Оно было дорого, изготовление его трудоемко, поэтому относились к нему бережно и в мирное время редко теряли. Чем же объяснить значительное количество находок оружия в Ярополче Залесском?

В 40—50-х годах XII в. князь Юрий Долгорукий поставил ряд новых городов вдоль грани княжества, укрепляя всемерно его оборону. Вниз по течению р. Клязьмы возникла цепь городищ (Сунгирь, Осовецкое городище, Стародуб, Ярополч, Гороховец), определившая южные рубежи Владимиро-Суздальской земли. Эти крепости служили опорными пунктами на пути в Волжскую Болгарию и Рязанскую землю. В них, вероятно, постоянно находились значительные военные гарнизоны. С наличием военных отрядов, с их постоянным нахождением в крепости Ярополча и следует связывать, по-видимому, многочисленные находки оружия, предметов вооружения в культурном слое.

Следует отметить, что в укрепленном детинце города найдены лишь предметы вооружения, имеющие или широкую дату, X—XIV вв., или укладывающиеся в узкий отрезок времени XII—XIII вв. На селище же (посаде) имеются находки, относящиеся к более раннему периоду, X—XI вв., что подтверждает на данном конкретном материале мысль о возникновении первоначального поселения как неукрепленного задолго до постройки детинца.

Значительное число предметов вооружения найдено в верхнем слое, связываемом с татаро-монгольским нашествием. Именно в этом слое обнаружены монгольские наконечники стрел—срезни, а на селище, расположенном под городищем, их нет вовсе. Видимо, жители посада во время осады города укрылись за стенами детинца.

### III. ЗАМЕТКИ И РЕЦЕНЗИИ

М. Д. ПОЛУБОЯРИНОВА

#### КОСТЯНАЯ ПЕЧАТЬ ИЗ СЕРЕНСКА

В 1967 г. на Серенском городище была найдена костяная печать. Печать представляет собой высокую резную фигурку, похожую на шахматную. Ее высота 3 см, диаметр основания 1,4 см. На круглом основании вырезано миниатюрное изображение сказочной птицы. Резьба очень тонкая и искусная. Птица как бы идет по кругу, голова ее с открытым клювом повернута назад, на затылке хохолок. Поднятое вверх крыло изображено в виде трех параллельных изогнутых линий. Хвост переходит в стилизованные растительные побеги. Позади птицы, по кругу, изображен побег, как бы развивающий этот растительный мотив. Мускулистые ноги оканчиваются сильной лапой с пятью когтями.

В верхней части печати имеется горизонтальное сквозное отверстие (диаметр 0,4 см), куда, вероятно, продевался шнурок, на котором носил эту печать владелец. В вершине фигурки имеется углубление: по-видимому, здесь предполагалось просверлить сквозное отверстие до горизонтального канала; тогда здесь помещался бы узел шнура, закрепляющий печать в определенном положении.

Условия находки не позволяют с уверенностью датировать ее. Печать найдена на раскопе III, в пласте 7, в северо-восточном углу квадрата 33, у бровки 1. По уровню залегания это слой времени монгольского разгрома города, т. е. первой половины XIII в. Однако выразительный слой пожара, прослеженный по всему раскопу и содержащий множество углей, золы, обгорелых камней, вещей, разрозненных человеческих костей, в этой части квадрата 33 отсутствует. Здесь идет аморфный сыпучий светло-серый грунт — заполнение ямы, идущей с верхних слоев. В верхней части заполнения ямы содержались древнерусские вещи XII—XIII вв.

Костяные печати встречаются в русских древностях сравнительно редко. Из новгородских находок опубликованы 4 костяные печати<sup>1</sup>. Одна из печатей — низкая призма с квадратным основанием, на ней изображен всадник с мечом; имеется канал для шнура. Датирована первой четвертью XV в. Вторая новгородская костяная печать — высокий усеченный конус, украшенный в верхней части кольцевыми бородками; здесь же отверстие для шнура. На основании в центре изображена маленькая птичка, а вокруг надпись с именем владельца. Датирована первой

<sup>1</sup> В. А. Янин. Печати из новгородских раскопок 1951 г. СА, XVIII, 1953, стр. 372; он же. Печати из новгородских раскопок 1955 г. МИА, № 65, 1959, стр. 304; он же. Заметки о новгородских берестяных грамотах. СА, 1965, № 4, стр. 117.





Рис. 33. Костяная печать из Серенки

четвертью XV в. Третья и четвертая печати представляют собой низкие цилиндрики с плоским у одного и выпуклым у другого основаниями. На обеих имеются вырезанные надписи с именами владельцев. На одной из них, в центре, изображение вроде цветка. Последняя найдена в слое, где нет вещей ранее XVI в., а другая датируется последней третью XV в.

Имеются еще две неопубликованные костяные печати из Новгорода<sup>2</sup>, обе имеют близкие к серенской находке размеры, а одна из них абсолютно такую же форму. На ней имеется изображение сказочного лохматого зверя с когтистыми лапами и поднятым хвостом, датируется второй половиной XIV в., другая печать первой половины XIV в.

Таким образом, все новгородские находки датируются временем не раньше XIV в. А. В. Арциховским опубликованы две бронзовые печати, «предназначенные для оттиска на воске и подобных материалах<sup>3</sup>», найденные на Славне. Мохнатый когтистый зверь, идущий по кругу на одной из этих печатей, очень похож на зверя с неопубликованной новгородской печати. Преобладание воско-мастичных печатей, матрицами для которых служили костяные и бронзовые печати, относится в Новгороде к середине XV в.<sup>4</sup>

М. Г. Рабиновичем опубликована московская костяная печать, представляющая собой низкий цилиндр диаметром 3,7 см, с отростком, в отверстии которого продевался шнурок. В центре изображение пешего воина, а вокруг надпись с именем владельца. Датируется второй половиной XV в.<sup>5</sup>

Костяная печать, найденная в Смоленске, датируется XV в., она представляет собой низкий цилиндр с вырезанным именем владельца<sup>6</sup>.

Более раннюю дату имеет находка, сделанная на городище Дуна, — костяная печать с изображением архангела, очень сходная по форме с серенской. Древнерусский слой этого памятника относится ко времени до монгольского нашествия и изображение архангела также говорит о сравнительно ранней дате<sup>7</sup>.

Изредка встречаются изображения птицы (иногда орла, судя по надписи) на свинцовых новгородских печатях. Последние укладываются в рамки XV в. и принадлежат новгородским должностным лицам — по-

садникам, тысяцким<sup>8</sup>. Птица с серенской печати по изображению когтистых лап и направленного вверх крыла больше напоминает сказочного зверя с каменных рельефов. Многочисленные изображения птиц, например на золотых колтах с перегородчатыми эмалями из кладов XII—XIII вв., очень далеки от серенской птицы<sup>9</sup>. Больше напоминают ее птицы, помещенные в арках некоторых серебряных браслетов из кладов этого времени<sup>10</sup>, хотя последние изображения часто бывают очень стилизованы и составляют как бы часть сложной орнаментальной плетенки<sup>11</sup>.

Определенные черты сходства с изображением серенской печати обнаруживают птицы со вишижской арки XII в.<sup>12</sup>

Таким образом, хотя в целом такие костяные печати-матрицы были, по-видимому, широко распространены на Руси в XIV—XV вв., но встречались они и в более раннее время (городище Дуна). Судя по изображению, серенская костяная печать, вероятно, может быть отнесена ко времени до монгольского нашествия.

<sup>2</sup> Об этих печатях мне любезно сообщила А. Ф. Медведев.

<sup>3</sup> А. В. Арциховский, Раскопки на Славне в Новгороде. МИА, 11, 1949, стр. 149, рис. 21 г, д.

<sup>4</sup> В. А. Янин, Печати из новгородских раскопок 1951 г., стр. 375.

<sup>5</sup> М. Г. Рабинович, Материалы по истории Великого посада Москвы. Сб. «Археологические памятники Москвы и Подмосковья», М., 1954, стр. 74, рис. 16.

<sup>6</sup> Д. А. Авдусин, Возникновение Смоленска. Смоленск, 1957, стр. 44, рис. 4.

<sup>7</sup> Ю. Г. Гендуле, Городище Дуна. СПб., 1903, стр. 20.

<sup>8</sup> В. А. Янин, Печати из новгородских раскопок 1951 г., стр. 372, рис. 2.

<sup>9</sup> Г. Ф. Корзухина, Русские клады. М.—Л., 1954, табл. XIV, 1; XIX, 2; XXXV, 3, 4 и др.

<sup>10</sup> А. С. Гуцун, Памятники художественного ремесла Древней Руси X—XIII вв., 1936, стр. 68, табл. XV, 10, 13.

<sup>11</sup> Г. Ф. Корзухина, Указ. соч., табл. XXXV, 1.

<sup>12</sup> Б. А. Рыбаков, Ремесло Древней Руси. М.—Л., 1948, рис. 56.



К. В. ПАВЛОВА

## ЛИТЕЙНАЯ ФОРМОЧКА ИЗ ГОРОДА ДАНИЛОВА

Во время раскопок древнерусского города Данилова в 1968 г.<sup>1</sup> была найдена створка двусторонней литейной формочки со вставным стержнем, которая служила для отливки перстней-печатей и бубенчиков-пуговиц (рис. 34). Формочка найдена в культурном слое на уровне подов печей в раскопе к югу от существующей церкви. Формочка хорошей сохранности (слегка отбиты лишь два уголка одной плоскости), имеет вид бруска трапециевидной в плане формы, размерами 56×36×42×20 мм. Сделана она из мелкозернистого мергелистого известняка. На обеих плоскостях бруска и на боковых гранях имеется по одному свинцовому штифту и одному просверленному гнезду для крепления створок формы. Штифты и гнезда расположены в противолежащих углах. На одной стороне бруска сделана полуцилиндрическая выемка с ложом для отливки круглого щитка и полудужки перстня-печати. В левом нижнем углу этой плоскости, кроме того, сделано полусферическое углубление с петелькой для отливки бубенчиков-пуговиц. Четыре таких же углубления имеются на обратной стороне створки — три на одной половине плоскости и одно на другой. К каждому углублению для отливки бубенчиков, как и к ложу для отливки перстня, от торцов бруска проведены воронкообразные литники. Обе плоскости и боковые грани формочки тщательно обработаны. Но при вырезании канала для петельки одного из бубенчиков резчик допустил неточность в ее расположении и исправил свою ошибку, прорезав эту петельку на нужном месте, но более глубоко, чем все остальные.

Даниловская литейная формочка хорошо датируется временем существования самого города Данилова, т. е. первой половиной XIII в. По тщательности отделки, способу крепления створок, по типам вещей, для отливки которых она предназначалась, формочка из Данилова может быть поставлена в один ряд с двусторонними литейными формочками XII—XIII вв. крупнейших ремесленных центров Древней Руси — Киева, Новгорода, Гродно и др.

Литейная формочка, найденная около подов печей, а также обломок небольшого льячика со следами окиси меди на внутренней поверхности позволяют говорить о наличии в древнем Данилове одной из наиболее сложных отраслей древнерусского ремесла — литейного дела.

Значительный интерес представляет сам перстень-печать, для отливки которого предназначалась эта формочка (рис. 35). Перстень имел круглый щиток диаметром 12 мм, без обычных для перстней этого типа выступов<sup>2</sup>. По краям щитка идет рельефный бортик шириной 2 мм, с ра-

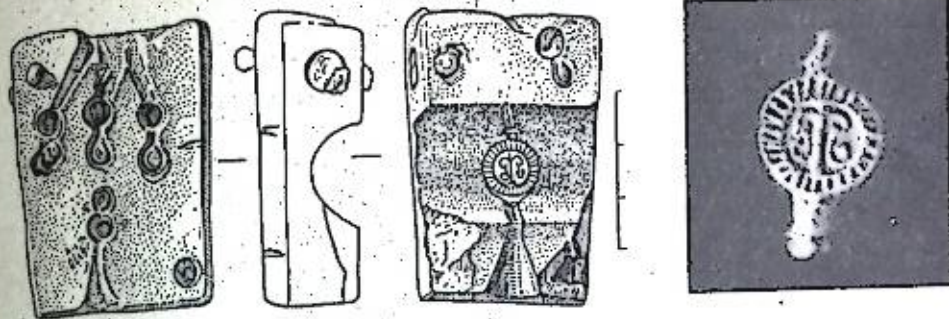


Рис. 34. Формочка из города Данилова

Рис. 35. Гипсовая отливка щитка перстня

диальной насечкой. В центре щитка изображен знак в виде лиры или усложненного трезубца, средняя мачта которого прямая, с небольшим утолщением на верхнем конце и небольшим отростком внизу. Она немного выше крайних частей знака, изогнутых подобно латинской букве *s*.

Перстней, отлитых в данной формочке, не найдено. Неизвестен этот знак и на других изделиях древнерусских мастеров. Поэтому прямых аналогий ему мы пока привести здесь не можем. Тем не менее генетическая связь даниловского знака с княжескими знаками Рюриковичей улавливается без особого труда. По характеру изгиба верхних концов боковых частей даниловский знак сходен со знаком на перстне из урочища «Святое озеро» Черниговской обл.<sup>3</sup> Своей нижней частью он напоминает внутренний узор знака Владимира Мономаха<sup>4</sup>. У него тот же принцип изгиба основания боковых мачт, так же утолщен верхний конец средней мачты, хотя она не имеет ромбовидного разветвления у основания. Это сходство, вероятно, не случайно. Город Данилов назван по имени князя Даниила Романовича — прямого потомка Владимира Мономаха в шестом колене. Не исключено, что знак на формочке из Данилова является знаком собственности князя Даниила Романовича. Но независимо от того, какому из князей принадлежал этот знак, он дополняет ряд известных нам княжеских знаков собственности.

<sup>1</sup> П. А. Раппопорт. Данилов (в настоящем выпуске).  
<sup>2</sup> Б. А. Рыбаков. Знаки собственности в княжеском хозяйстве Киевской Руси X—XII вв. СА, XIV, 1940, стр. 236.  
<sup>3</sup> «Отчет Исторического музея за 1910 г.», М., 1911, стр. 7, табл. II; Б. А. Рыбаков. Указ. соч., стр. 237, рис. 24.  
<sup>4</sup> Б. А. Рыбаков. Указ. соч., стр. 232, рис. 9.



А. Н. КИРПИЧНИКОВ

КРЮК ДЛЯ НАТЯГИВАНИЯ САМОСТРЕЛА  
(1200—1240 гг.)

Многочисленные предметы вооружения, обнаруженные при раскопках 1957—1964 гг. экспедицией под руководством М. К. Каргера на городище у с. Городища Хмельницкой обл., имеют особое значение среди всех до сих пор известных археологических коллекций. Городище это отождествляется с древним Изяславом, уничтоженным монголами в 1241 г. Некоторые из найденных в Изяславе вещей представляют общевропейский интерес. К их числу относится крюк для натягивания тетивы арбалета (рис. 36), найденный при костяке витязя. Последний погиб при защите воротной башни и имел полное вооружение, в частности самострел<sup>1</sup>. Длина крюка 26 см, ширина 6,5 см, вес около 200 г; расстояние между зацепами около 3,5 см. Один конец крюка при помощи заклепок крепился к поясу<sup>2</sup>, другой, раздвоенный на зацепы, скользил вдоль цевья. Стрелок, упершись ногой в стремя на конце ложа и поддев крючком тетиву, подтягивал ее и зацеплял за спусковой орех<sup>3</sup>. Среди европейских (в том числе русских) раннесредневековых древностей изяславский натяжной крюк уникален. Механическое натяжение арбалета начало применяться самое позднее в начале XIII в.<sup>4</sup> Старейшие натяжные крюки пока найдены в шведском замке Арена, разрушенном вскоре после 1305 г.<sup>5</sup> Все известные изображения европейских арбалетных крюков (все с одним зацепом) дошли в миниатюрах XIV в.<sup>6</sup> В свете этих сопоставлений изяславский поясной крюк, во-первых, является технической новинкой примерно первой половины XIII в. (точнее, до 1241 г.) и, во-вторых, древнейшим дошедшим до нас натяжным устройством европейского средневековья. Общевропейское значение этой находки не подлежит сомнению.

Среди 977 городищенских стрел оказалось только 17 самострельных болтов (рис. 37, I—III). К неприятельскому оружию их причислить нельзя. Монголы, по сообщению Плато Карпини, очень боялись бал-

<sup>1</sup> Публикуется с любезного разрешения М. К. Каргера.

<sup>2</sup> А. Ф. Медведев неправильно трактовал этот крюк, как средство не полного, а ручного натяжения (А. Ф. Медведев. Ручное метательное оружие (луки, стрелы, самострел). САИ, вып. Е1.36, 1966, стр. 93).

<sup>3</sup> E. Viollet-le-Duc. Dictionnaire raisonné du mobilier français, t. 5. Paris, рис. 1 на стр. 23.

<sup>4</sup> C. Blair. European and American arms. London, 1962, стр. 36.

<sup>5</sup> J. Alm. Europeska armbröst. «Vaabenhistoriske Aarbøger», Vb. Kobenhavn, 1947, стр. 248.

<sup>6</sup> N. X. Willemin, A. Pottier. Monuments Français, t. I. Paris, 1839, табл. 140; J. Gaier-Lhoest. Pointes de flèches et de carreaux du bas Moyen Age trouvées dans le lit de la meuse à Liège. «Armi antiche». Torino, 1962, рис. на стр. 85.

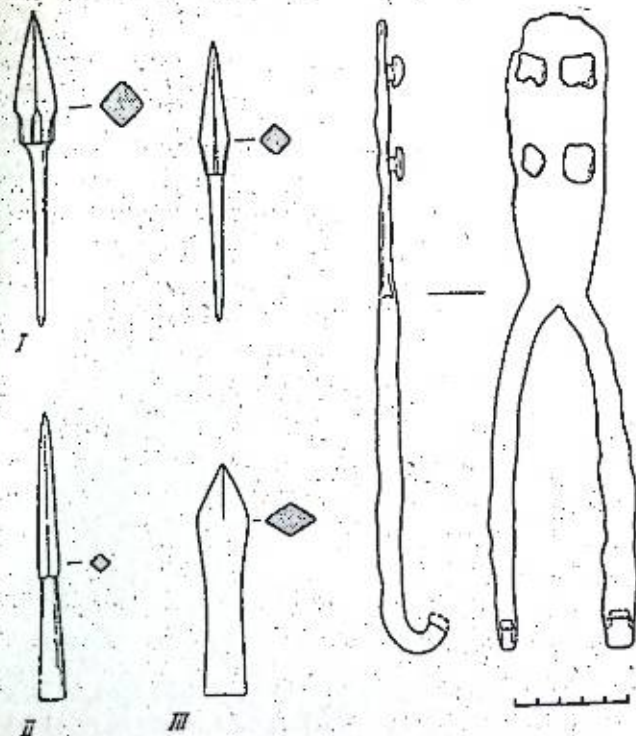


Рис. 36. Крюк для натягивания самострела и наконечники болтов (типы I—III) из Изяслава

лист<sup>7</sup>. Действительно, арбалеты в первую очередь появились в странах, где были сильные тяжеловооруженные малоподвижные строи и отсутствовала легкая конница. За этим оружием стоит европейская рыцарская традиция. На Руси самострелы впервые упомянуты в 1159 г. и примерно столетие спустя начали регулярно использоваться при защите городов<sup>8</sup>. В отличие от Западной Европы в русских землях самострелы всегда уступали тактическое первенство луку и стрелам. Подтверждают это и скромные по своему числу городищенские наконечники болтов, которые для Южной Руси в настоящее время являются одними из древнейших и надежно датированных. Болты обычно массивнее стрел (средний вес первых 27—55, вторых — 12—15 г.).

Большинство наконечников типа I (11 экз.) имеют квадратное в поперечном сечении перо бипирамидальной формы, черешок и иногда огранку нижней части лезвия (общая длина 9—12,3 см, ширина лезвия 1,1—1,4 см, вес 17—55 г). Бипирамидальные болты XIII—XIV вв. найдены в Киеве, Княжей Горе, Гродно, они часты на поселениях Латвии и Литвы, многократно осаждавшихся крестоносцами<sup>9</sup>, их много в Польше и Чехии.

Особую группу (тип II) составили четыре втульчатых пиковидных наконечника (длина 11,5—13,5 см, ширина лезвия 0,9—1,5 см, диаметр втулки 1,3—1,4 см, вес 27—40 г). Наконечники этой формы отличались повышенной «бронейностью», они появились в XIII в., и у нас, и на Западе очень редки<sup>10</sup>. Один из найденных болтов (тип III) имеет обте-

<sup>7</sup> И. Плато Карпини. История монголов. СПб., 1911, стр. 40.

<sup>8</sup> А. Н. Кирпичников. Метательная артиллерия Древней Руси. МИА, № 77, 1958, стр. 13 и 20.

<sup>9</sup> Э. Д. Шпоре. Асотское городище. Рига, 1961, стр. 46 и табл. X, 13 и 14.

<sup>10</sup> «London museum catalogues». London, 1954, стр. 68—69 и рис. 8.



каемо-ромбическое перо ромбовидное и в сечении (длина 9,3 см, ширина лезвия 2,2 см, диаметр втулки 1,3 см, вес 70 г). Эта форма появилась после 1100 г. и полное развитие получила в XIV столетии. Болты этого типа сохраняются вплоть до XVI в. и при этом вытесняют другие конструкции. В целом, судя по зарубежным аналогиям, наконечники I и III типов проникли на Русь с Запада. Западные пути проникновения самострелов на Русь, как мы видим, не исключают необычно раннего появления таких их деталей, о которых мы раньше почти ничего не знали.

Г. К. ВАГНЕР

RUPERT FEUCHTMÜLLER.  
DIE STEINERNE BIBEL.Die romanische Kirche von Schönggrabern.  
Mit 80 Lichtbildern von Marga Pollak.  
Wien—Linz—München, 1962

Вышедшая еще в 1962 г., но ставшая известной советскому читателю лишь недавно книга Р. Фейхтмюллера «Каменная Библия» посвящена знаменитой средневековой церкви в Шенграберне близ Вены — свидетельнице шенграбернского сражения 1805 г. Она упоминается у Льва Толстого в романе «Война и мир».

Церковь построена в 1217 г. по заказу герцога Хадмара II фон Кузинрингера, т. е. является, как пишет автор, учреждением светского, по-мирскому мыслящего владельца (рис. 37).

Постройка интересна не столько своей архитектурой, сколько скульптурой, особенно фасадной пластикой. Последняя нередко сравнивается со скульптурой Дмитриевского собора во Владимире (конец XII в.). Особенно много внимания этому вопросу уделила в свое время Фанина Халле, выведившая фасадный декор обоих памятников из одного круга средневекового искусства Юго-Восточной Европы, в котором будто бы скрестились западные и восточные влияния<sup>1</sup>.

Владими́ро-сузда́льская скульптура за истекшие со времен книги Ф. Халле сорок лет изучена достаточно полно. Выяснилось, что Ф. Халле во многих частных наблюдениях была права, но в главном ее заключение не подтвердилось. Добросовестнейшее исследование Р. Фейхтмюллера тоже показало, что стиль шенграбернской скульптуры не связан с Дмитриевским собором, а является местным. В связи с этими и другими аналогичными наблюдениями вообще выясняется неправомерность преувеличения так называемого «средневекового универсализма», довольно часто превращаемого в своеобразную отмычку при интерпретации сложных явлений романского стиля. Поэтому исследование Р. Фейхтмюллера приобретает особый методологический интерес. В целях краткости рецензии остановимся только на интерпретации автором фасадного декора.

Скульптура церкви в Шенграберне составляет определенный тематический цикл, развернутый главным образом на единственной громадной апсиде здания. Последняя расчленена по горизонтали и по вертикали на шесть больших полей. В нижних полях размещено по одной крупной композиции. В верхних кроме сюжетной скульптуры введены отдельные фигуры и «маски». Кроме того, верхние поля осложнены висячей аркатурой

<sup>1</sup> Fänina von Halle. Die Bauplastik von Wladimir-Ssuzdal. Russische Romanik. Berlin, 1929.



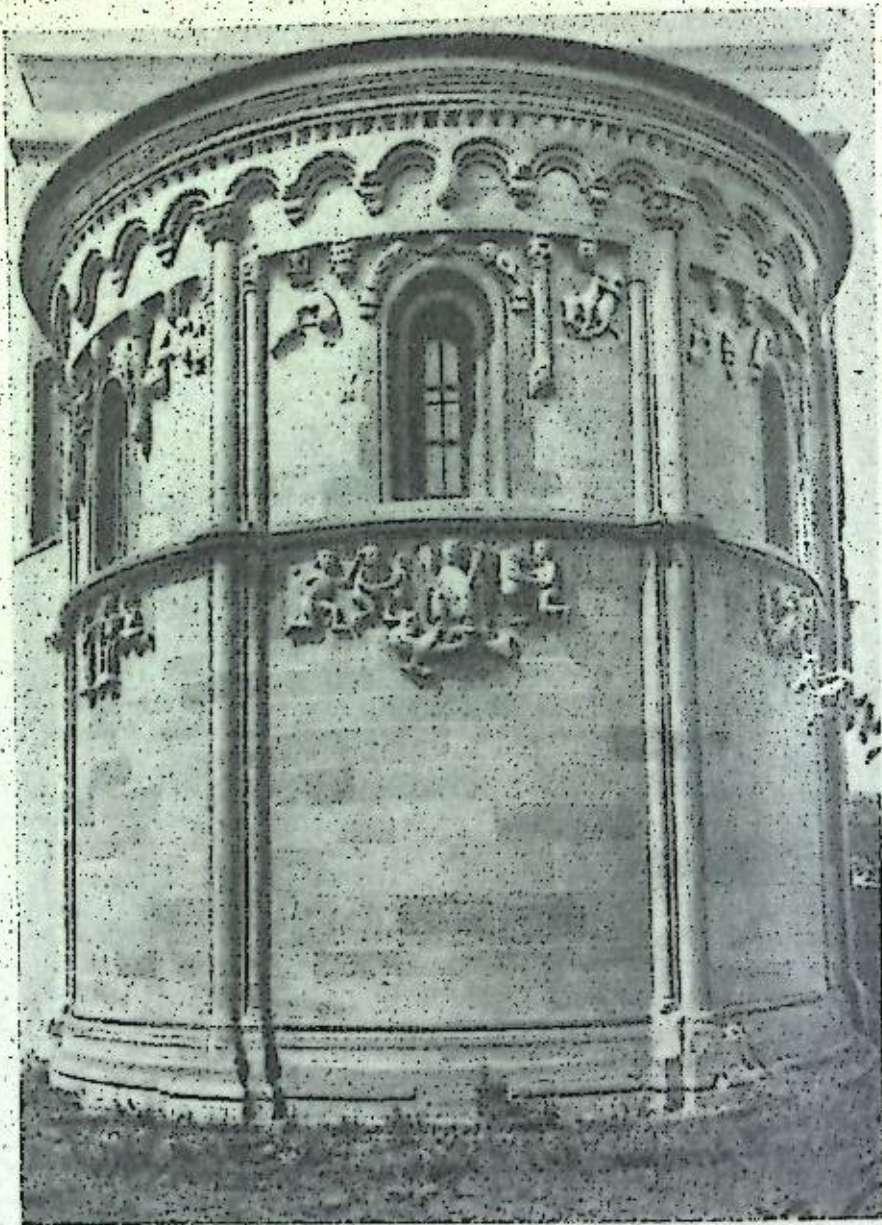


Рис. 37. Церковь в Шенграберне (апсида).

типа владими́ро-сузда́льских аркатурно-колончатых фризоз. Капители, фусты и консоли всяких колонок декорированы резьбой.

Скульптура церкви в Шенграберне и до Р. Фейхтмюллера привлекала внимание многих исследователей<sup>2</sup>. Ее символика при этом трактовалась довольно свободно, что является «общей болезнью» работ по средневековому искусству. Р. Фейхтмюллер очень критичен к трудам предшествен-

<sup>2</sup> См. работы: Gustav Heider, Die romanische Kirche zu Schöngrabern in Niederösterreich, Wien, 1855; J. A. Endres, Die Sculpturen an der Kirche von Schöngrabern in: «Die Christliche Kunst», Monatsschrift, 7. Jahr, 1910/11; R. K. Donin, Schöngraberns romanische Kirche, Hollabrunn, 1913; Fritz Novotny, Romanische Bauplastik in Österreich, Wien, 1930; Richard Wiebel, Der Bildinhalt der romanischen Bauplastik in Schöngrabern in: «Die geistige Botschaft der romanischen Bauplastik», München, 1940, и др.

ников. Не отрицая символичности скульптуры, он придает своему анализу большую конкретность, чем его работа приобретает еще больший интерес.

Р. Фейхтмюллер установил, что чтение всего скульптурного цикла начинается снизу. Это очень интересно, так как выявляет некую закономерность в построении больших средневековых скульптурных систем. Точно так построены циклы владими́ро-сузда́льской скульптуры. Чтение их не снизу, а сверху всегда носит оттенок априорности, что было причиной многих ошибок исторической интерпретации скульптуры.

Далее автор совершенно справедливо отмечает, что неизменным условием расшифровки всего цикла является точное знание всех скульптурных групп. Иначе говоря, исследование должно идти от частного к общему, а не наоборот. Такая методика позволяет постепенно конкретизировать и обогащать познание, превращать абстрактное в конкретное.

Определение скульптурных групп занимает основную часть книги. Но оно нигде не превращается в напизывание на одну нить самых различных явлений, нередко выдаваемых за «анalogии». Кроме того, вместе с семантическим анализом дается и стилистическая характеристика каждой скульптурной композиции.

Если суммировать основное, то шенграбернскую скульптуру отличает экспрессивный драматизм, сильно выраженная объемность и очень большая самостоятельность. Последняя выражается не только в пластической форме, но, что особенно существенно, в склонности к простому языку, использующему простонародный образ мыслей.

Заслугой автора является очень тонкий анализ орнамента, обычно либо переоцениваемого, либо недооцениваемого в смысле содержательности. Не преувеличивая его символичности, Р. Фейхтмюллер тем не менее отмечает семантическую насыщенность орнамента, давая очень конкретные определения смыслу тех или иных деталей, вплоть до фигурных консолей. Это позволяет правильнее понять ту же владими́ро-сузда́льскую резьбу.

Автор справедливо заключает, что скульптура Шенграберна гораздо ближе к таким произведениям романского искусства, как пластика не менее известной церкви св. Якова в Регенсбурге, чем к Дмитриевскому собору. Тем не менее сходство в трактовке декора апсид шенграбернского и владими́рского храмов остается бесспорным.

Характеризуя стиль скульптуры церкви в Шенграберне на фоне родственной ему романской пластики, Р. Фейхтмюллер останавливается на таком интереснейшем и, видимо, характерном для начала XIII в. явлении, как заметный архаизм пластического языка. Он ставит его в связь с аналогичными явлениями в норманском искусстве. Но последнее явление тоже не единично и вместе с другими требует объяснения. Мне думается, что здесь нужно было бы говорить о росте самобытных начал повсеместно в Западной и Восточной Европе в связи с падением Византии под ударом крестоносцев. То же самое наблюдается и во владими́ро-сузда́льской скульптуре начала XIII в. Но кажущаяся архаизация была проявлением очень прогрессивных национальных тенденций. Без этого «шага назад» не было бы возможно дальнейшее становление национальных стилей.

Книга Р. Фейхтмюллера принадлежит к разряду очень добросовестных, объективных исследований. Такие работы, если бы они были приняты в разных областях средневекового искусства, могли бы значительно продвинуть его понимание вперед.

В заключение следует отметить прекрасные снимки М. Поллак, позволяющие почувствовать не только стиль, но и фактуру резного камня церкви в Шенграберне.



## ХРОНИКА

Т. И. МАКАРОВА

РАБОТА СЕКТОРА СЛАВЯНО-РУССКОЙ АРХЕОЛОГИИ  
ИА АН СССР В 1968 г.

В 1968 г. сектор славяно-русской археологии продолжал разработку трех основных направлений своей деятельности: 1) этногенез восточных славян и их соседей; 2) генезис и история феодализма на Руси и у кочевников Восточной Европы; 3) матерьяльная культура и искусство Руси до XVI в.

Работы, посвященные каждой из этих проблем, решаются как исторически важные темы, они основаны на новом, добытом в процессе раскопок и раскопок археологическом материале.

Вопросам истории славян и соседних племен второй половины I и начала II тысячелетия н. э. посвящен ряд статей сотрудников сектора, опубликованных в сборнике «Славяне и Русь», изданном в 1968 г. к шестидесятилетию академика Б. А. Рыбакова. Несмотря на небольшой объем статей, все они затрагивают важные вопросы. Так, статья Г. Б. Федорова (совместно с Л. Л. Полевым) освещает историю славянских племен в Карпато-Дунайских землях в VI—IX вв.; статья И. П. Русановой «О керамике раннесредневековых памятников Верхнего и Среднего Поднепровья» убедительно аргументирует тезис о трех локальных группах памятников I тысячелетия н. э.: типа Коалчина—Тушемли, типа Корчак и типа Пеньковки. Интересной категории вещей — амулетам-конькам из древнерусских курганов посвящена статья В. В. Седова. Автор приходит к выводу о происхождении амулетов у смоленско-полоцких кривичей под воздействием религиозных представлений балтского субстрата. В небольшой статье А. К. Амброза содержится разгадка назначения бронзовой пластины с выемчатой эмалью из с. Лезгур, найденной еще в 1886 г. Убедительные аналогии доказывают мысль автора о принадлежности такого рода вещей к цепям для питьевых рогов. Интересные попытки привлечения топонимических данных для решения археологических проблем содержатся в статьях Л. В. Алексеева «О распространении топонимов „межа“ и „рубеж“ в Восточной Европе» и Г. Ф. Соловьевой «К вопросу о приходе радимичей на Русь».

Работы, посвященные генезису и истории феодализма, характеризуются хронологической и тематической широтой. Они содержат прежде всего публикацию нового и переосмысленные старого археологического материала. Таковы статьи в том же сборнике «Славяне и Русь» — Л. А. Голубевой «Квартал металлургов в Вышгороде», П. И. Засурцева и Н. К. Лисицкой «Липинское городище», Т. И. Макаровой, С. А. Плетневой «О центрах эмальерного дела Древней Руси», Т. Н. Никольской

«Кузнецы железу, меди и серебру от вятич». Интересную попытку связать граффити Золотых ворот во Владимире с трагическими событиями захвата города татарами содержит статья Н. Н. Воронина «Граффити 2 февраля 1238 года», А. В. Никитин («Казенные кузнецы на Руси») и Р. Л. Розенфельдт («Серия изразцов „мастерской Троице-Сергиева монастыря“») посвятили статьи матерьяльной культуре XVII в. Это направление в работе сектора характеризуется историческим подходом к произведениям прикладного искусства Руси, не исключая вместе с тем художественного анализа и оценки произведения в целом. Показательны с этой точки зрения статьи Г. К. Вагнера «Четырехликая капитель из Боголюбова», В. П. Даркевича «О некоторых византийских мотивах в древнерусской скульптуре» и Т. В. Николаевой «Рязанская икона с изображением Бориса и Глеба».

В целом в сборнике «Славяне и Русь» напечатано 25 статей сотрудников института, большая часть которых принадлежит перу сотрудников сектора.

Характеристика работы института над славянской тематикой была бы неполной без учета работ, которые ведутся сотрудниками лаборатории камеральной обработки и лаборатории научно-естественных методов ИА АН СССР. Тематика этих работ отражена в тех статьях, которые были включены в сборник «Славяне и Русь». Это типология производства керамики (А. А. Бобринский), типология и хронология вятических древностей (Т. В. Равдина), исследование сложного вопроса о знаках собственности на Руси (С. С. Ширинский) и, наконец, разнообразные сюжеты, связанные с различными сторонами истории Новгорода (Б. А. Колчин, А. В. Куза, А. А. Мединцева, А. Ф. Медведев).

Все указанные направления многоплановых исследований по славяно-русской археологии отразились и в периодической печати ИА.

Среди статей, напечатанных в четырех номерах «Советской археологии» в 1968 г., надо отметить рецензию В. В. Седова на IV том «Acta Baltico-Slavica», посвященную одной из важнейших и далеко не достаточно развитых сторон работы сектора — оценке и критике археологических работ, выходящих за рубежом.

В очередном выпуске «Кратких сообщений Института археологии» (№ 113) напечатано 6 работ сотрудников ИА, посвященных славяно-русской археологии. Помимо публикации нового археологического материала (А. Ф. Медведев, Т. Н. Никольская, Г. Б. Федоров) они содержат пересмотр датировок некоторых категорий археологических находок (Т. В. Равдина), исследования археологического характера (А. К. Амброз).

В 1968 г. закончены следующие работы: книга Г. К. Вагнера «Белокаменная резьба древнего Суздаля» (10 п. л.); в серии САИ подготовлены к печати В. П. Даркевичем «Произведения византийского художественного ремесла в Восточной Европе» (25 п. л.), Т. В. Николаевой «Произведения русского прикладного искусства с надписями XV—первой трети XVI в.» (25 п. л.) и В. В. Седовым «Данные курганы кривичей» (15 п. л.).

В отчетном году вышла из печати книга П. И. Засурцева «Новгород, открытый археологами», — факт отрадный потому, что в довольно обширной серии популярных книг по археологии славянской тематике отведено незаслуженно скромное место.

Важным вкладом в дело пропаганды достижений советской археологии за рубежом (Италия) станет книга «История СССР», в написании которой участвует и наш сектор (издательство АПН). С. А. Плетнева является автором главы «Кочевники IV—XIV вв.», Г. К. Вагнер — глав «Средне-русские княжества», Б. А. Рыбаков — один из авторов и главный редактор «Истории СССР».



Сектор славяно-русской археологии участвует в работе над «Археологией СССР». Шесть сотрудников сектора выступают как авторы: В. В. Седов, И. П. Русанова, С. А. Плетнева, Р. Л. Розенфельдт, В. П. Даркевич, Б. А. Колчин. Два тома этого издания выйдут под редакцией С. А. Плетневой (4 том) и И. П. Русановой (5 том).

Работы, вышедшие в 1968 г., характеризуют больше работу предыдущих лет. Непосредственно о работе 1968 г. говорят экспедиции и периодические заседания сектора.

За полевой сезон 1968 г. сотрудники сектора возглавили одиннадцать экспедиций и отрядов. Подведем кратко итоги важнейших результатов их работы.

В северо-западных районах Украины открыты новые раннеславянские поселения VI—VII вв. (Волынская экспедиция, руководитель И. П. Русанова). Разведками в Гродненском Поместье определена ошибочность распространенного в литературе представления о наличии здесь длинных курганов. На границе Черной Руси с Литвой изучались древнерусские городища. Раскапывались каменные курганы ятвягов (Псковско-Неманский отряд, руководитель В. В. Седов).

В Калининской обл. открыты две группы длинных курганов и городища V—VI вв. (Р. Л. Розенфельдт).

В Орловской обл. исследовались селище I в. н. э. на р. Навле, копалось поселение, родственное почепской культуре (Верхнеокская экспедиция, руководитель Т. Н. Никольская; Орловский отряд, руководитель И. К. Фролов).

На севере Молдавии открыто славянское селище, на берегу Днестра — древнерусское городище X в. Открыт ряд новых селищ культуры Первого Болгарского Царства конца IX—X в. в степной зоне Нижнего Подунавья (Прутско-Днестровская экспедиция, руководитель Г. Б. Федоров).

Копались курганы и городища в районе Рогачева на Днепре. На р. Псел открыто городище роменского времени с селищем и курганами. Обнаружено черняховское селище в районе с. Воробьево (Восточнобелорусская экспедиция, руководитель Г. Ф. Соловьева).

В с. Белгородка раскапывался так называемый «Малый храм» В. В. Хвойки. Он оказался частью большого храма, построенного над церковью Апостолов 1140 г. Рядом с ней было жилище-келья епископа («блаженного Максима») с белокаменным саркофагом. Часть древней церкви и келья с захоронением епископа включил в себя поздний храм 1189—1190 гг. (Киевская экспедиция, руководитель Б. А. Рыбаков).

В старой Рязани копалось дворцовое здание, погибшее в 1287 г., вскрыты фундаменты церкви, раскопанной Селивановым; план ее близок плану церкви Михаила Архангела в Смоленске. Продолжались раскопки Шатрищенского могильника, в котором раскопано теперь 73 погребения (Рязанская экспедиция, руководитель А. Л. Монгайт).

В Новгороде, на месте строительства гостиницы на берегу Волхова, открыта деревянная постройка, окруженная мощным частоколом, — Готский двор конца XIV—XV в. (Новгородская экспедиция, руководитель А. В. Арциховский).

В Старой Руссе открыт слой второй четверти XI в., что дает возможность удревнить возраст города на 125 лет (первое летописное упоминание под 1167 г.) (Старорусская экспедиция, руководитель А. Ф. Медведев).

В Московской обл. продолжались разведки и раскопки по р. Пахре. Обследовано 60 славянских памятников XI в. (Московская экспедиция, руководитель А. Ф. Дубынин).

Краткие результаты этих работ были изложены на трех заседаниях

сектора. Из 22 заседаний сектора, проведенных в 1968 г., 10 было посвящено докладам и научным отчетам сотрудников по плановым темам.

Сектор заслушал сообщения о завершающихся в этом году работах: Г. Ф. Соловьевой «Земля радимичей», Л. А. Голубевой «Весь и славяне на Белоозере», П. И. Засурцева «Усадьба и быт древнего Новгорода». Большие и обстоятельные доклады о подготовленных к изданию двух новых выпусках «Свода археологических источников» были сделаны В. П. Даркевичем [«Произведения Византийского художественного ремесла в Восточной Европе (X—XIII вв.)»] и Т. В. Николаевой («Прикладное искусство с надписями XV—первой трети XVI в.»).

Недостатком работы сектора можно считать то, что чаще всего на них заслушиваются отчетные доклады по заканчивающимся темам. Текущая работа исследователя как бы остается за пределами интересов сектора. В 1968 г. только один доклад Б. А. Рыбакова «Саккос митрополита Алексея» может быть отнесен к этому направлению в работе сектора.

Важным звеном работы сектора всегда было курирование диссертационных работ аспирантов, стажеров и сотрудников института. В 1968 г. обсуждению диссертаций было посвящено 5 заседаний. На одном из них обсуждался доклад А. В. Кузы «Рыболовство у восточных славян и в Киевской Руси», суммировавший основные выводы его будущей диссертации. С интересом был заслушан сектором доклад Э. А. Савельевой по работе «Пермь вычегодская по археологическим материалам (X—XIV вв.)», рекомендованной единодушно к защите. На других заседаниях были обсуждены и утверждены представленные к защите работы стажеров: Г. Ф. Чеботаренко («Материальная культура I Болгарского царства в Прутско-Днестровском междуречье») и И. А. Рафаловича («Славяне VI—IX вв. в Молдавии»).

Хорошей традицией в работе сектора всегда было стремление не замыкаться в рамки собственных задач, а быть постоянно в курсе текущей работы в области славяно-русской археологии в целом. Постоянное рецензирование и оппонирование сотрудниками сектора работ довольно широкого профиля способствует укреплению этой традиции. Этой же цели содействуют доклады, прочитанные на секторе сотрудниками родственных учреждений из Москвы и других городов. В 1968 г. сектором был заслушан и обсужден доклад С. Н. Орлова (Новгород) «Топография Новгорода Великого X—XVII вв.» и содержательное сообщение Е. А. Шмидта «Об этническом составе населения, оставившего Гнездовский могильник».



О. В. ОВСЯННИКОВ

РАБОТА ГРУППЫ СЛАВЯНО-РУССКОЙ АРХЕОЛОГИИ  
ЛОИА В 1966—1968 гг.

Основное внимание сотрудников группы славяно-русской археологии в 1966—1968 гг. было сосредоточено на решении двух больших проблем, традиционных для группы, это — древнейшая история славян и вопросы, связанные с зарождением и развитием древнерусских городов как торгово-ремесленных центров и крепостей Древней Руси.

Исследованием первой проблемы занимались П. Н. Третьяков, И. И. Ляпушкин, Г. Ф. Корзухина, Д. А. Мачинский, Е. А. Горюнов.

П. Н. Третьяков завершил работу над темой «У истоков древнерусской народности». Новая тема, к исследованию которой приступил П. Н. Третьяков, — «Древности Подесенья I тысячелетия н. э.». Кроме того, П. Н. Третьяков отредактировал том МИА «Новые данные о зарубинцевской культуре в Поднепровье» (том составлен ИА АН СССР и ИА АН УССР) и приступил к редактированию сборника «Древности середины и третьей четверти I тысячелетия н. э. в Верхнем и Среднем Поднепровье».

Монографическое исследование «Славяне Восточной Европы накануне образования Древнерусского государства» подготовил к печати в 1965 г. И. И. Ляпушкин. Работа эта вышла из печати в конце 1968 г., после смерти автора. Круг вопросов, затронутых в этом фундаментальном труде, вполне закономерно привел И. И. Ляпушкина к необходимости изучения славянских памятников лесной зоны Восточной Европы. Успешно начатые в 1967—1968 гг. полевые работы на археологических памятниках Гнездова, доклад «Гнездово и Смоленск» свидетельствуют о том, что И. И. Ляпушкин стоял у истоков чрезвычайно интересного и важного для науки исследования. Смерть не дала И. И. Ляпушкину возможности завершить эту работу.

Д. А. Мачинский занимался вопросами этнической атрибуции археологических памятников рубежа н. э. и сделал доклад «Опыт этнической интерпретации археологических памятников рубежа н. э. между бассейнами Вислы и Днепра». В 1967 г. Д. А. Мачинский перешел из ЛОИА в Государственный Эрмитаж.

С 1968 г. над темой по истории раннего славянства (VI—VII вв.) работает Е. А. Горюнов.

Г. Ф. Корзухина закончила подготовку к печати рукописи фундаментальной монографии «К истории Среднего Поднепровья в середине I тысячелетия н. э.». Одновременно Г. Ф. Корзухина продолжает работу по теме «Старая Ладога» (по материалам Староладожской экспедиции, закончившей свою работу в 1959 г.).

По проблемам, связанным с историей древнерусского города, работали М. К. Каргер, П. А. Раппопорт, Ф. Д. Гуревич, А. Н. Кирпичников, Ю. П. Спегальский, М. В. Малевская, О. В. Овсянников.

М. К. Каргер продолжал изучение материалов, полученных за годы археологических раскопок древнерусского города Изяславля. Кроме того, М. К. Каргер продолжает изучение памятников монументального зодчества Древней Руси. Им сделаны два доклада об открытии памятника древнерусской архитектуры в Новгороде (храм Благовещения 1103 г. на «Рюриковом городище») и архитектурно-археологических работах на территории древнего Волковыска.

П. А. Раппопорт работал над темой «Древнерусское жилище лесостепной зоны».

Ф. Д. Гуревич закончила работу над рукописью «Древний Новгород» и приступила к исследованию по теме «Города Черной Руси».

А. Н. Кирпичников продолжил исследования по истории оружия на Руси эпохи до монгольского нашествия. Завершены два монографических исследования: «Снаряжение верхового коня и всадника Руси IX—XIII вв.» и «Доспех, комплекс боевых средств IX—XIII вв.». Обе монографии А. Н. Кирпичникова вместе с уже вышедшими двумя выпусками «Древнерусское оружие» подводят итоги многолетним исследованиям автора в области изучения русского оружия IX—XIII вв.

Ю. П. Спегальский подготовил рукопись «Жилище Северо-Западной Руси X—XIII вв.». В этом монографическом исследовании Ю. П. Спегальский как специалист-архитектор высказал много интересных и оригинальных, иногда спорных мыслей. Это последняя крупная научная работа Ю. П. Спегальского, скончавшегося в январе 1969 г.

М. В. Малевская продолжала исследование керамических комплексов западнорусских земель.

Аспирант М. Б. Щукин сделал несколько докладов по теме своей работы «Хронология черняховской культуры».

В работе группы приняли участие как сотрудники Института археологии, так и ученые и студенты научно-исследовательских учреждений Ленинграда и других городов. Были заслушаны доклады: Б. А. Рыбакова «Радзивилловская летопись и ее лицевые источники», Ю. А. Щаповой (МГУ) «Стекло Древней Руси», А. А. Шенникова (Ленинград) «Из истории русской усадьбы. О назначении и происхождении повалуши», М. Г. Рабиновича (Институт этнографии АН СССР) «О двух типах древнерусского жилища в Волго-Окском междуречье», В. Д. Белецкого (Государственный Эрмитаж) «Знаки на кирпичях церкви Дмитрия Солунского во Пскове», Е. А. Шмидта (Смоленск) «Об этническом составе населения Гнездова» и «Об этнической принадлежности украшений из женских погребений в длинных курганах», И. А. Рафаловича (Кишинев) «Раскопки селища Ханска II в 1964—1965 гг.», Н. Чернышева (Новгород) «О проекте реставрации большого новгородского софийского паникадила 1600 г.», Г. Лебедева (студент ЛГУ) «Описание типов обряда погребений с трупосожжением могильника в Бирке с применением статистико-комбинаторных методов», В. Назаренко (студент ЛГУ) «Применение статистических методов в исследовании погребальных памятников южного Приладожья (по материалам раскопок Н. Е. Бранденбурга)». На заседаниях группы были заслушаны доклады зарубежных ученых: Э. Чилинска (ЧССР) «Авары в Карпатской котловине VI—VIII вв.», И. Эрдели (Венгрия) «Поиски славянских поселений на территории Венгрии», Г. Диакону (СРР) «Культура типа черняховской (Сентана де Муреш)», Г. Джингова (Болгария) «Археологические исследования крепости Калиакра».

В 1966—1968 гг. сотрудниками группы проведены широкие полевые исследования.



В 1966 и 1968 гг. архитектурно-археологическая экспедиция ЛОИА и ЛГУ (руководитель М. К. Каргер) работала в Новгороде, на территории так называемого Рюрикова городища, где были открыты и исследованы остатки церкви Благовещения 1103 г.

В 1967 г. на территории Верхнего замка в Полоцке этой же экспедицией были изучены остатки церкви рубежа XI—XII вв. Церковь, находящаяся вблизи Софийского собора (вероятно, на княжьем дворе), была богато украшена фресковой живописью, имела майоликовый пол. В 1968 г. экспедиция исследовала руины церкви Благовещения XII в. в Витебске в связи с подготовкой проекта реставрации памятника.

В 1968 г. была организована Ленинградская экспедиция (руководитель М. К. Каргер), работавшая на территории Ленинградской обл. в составе 5 отрядов: отряда по изучению крепости Орешек (руководитель А. Н. Кирпичников), Волховского археологического отряда (руководитель С. Н. Орлов), Староладожского археологического отряда (руководитель Г. Ф. Корзухина), Тихвинского и Лужского архитектурных отрядов (руководители Ю. М. Гоголицин, Л. Н. Кузнец). В результате работ экспедиции выявлены три этапа в истории крепости Орешек (новгородский — конца XIII—середины XV в., московский — XV—XVI вв., петровская и послепетровская эпохи — XVIII—XIX вв.), раскопан варяжский курган IX—X вв. близ Старой Ладogi в урочище Плакун, проведено обследование археологических и архитектурных памятников в Волховском, Тихвинском и Лужском районах.

В 1967 г. начала работать Днепровская экспедиция (руководитель И. И. Ляпушкин), которая сосредоточила свое внимание на раскопках одного из селищ близ Гнездовского могильника, у устья р. Свишки. В 1968 г. работы были продолжены. Результат двух полевых сезонов позволял говорить о возникновении на исследуемом участке неукрепленного славянского поселения не позже начала IX в.

Деснинская экспедиция (руководитель П. Н. Третьяков) в 1966—1967 гг. проводила археологическую разведку и изучение древностей I тысячелетия н. э. в Подесенье. Исследовано поселение зарубинецкой культуры у устья р. Смяч, открыты остатки прямоугольного жилища-землянки. На селище третьей четверти I тысячелетия н. э. около сел Вишенки, Смяч и Форостовичи исследован культурный слой. Обследованы памятники этого же времени в других пунктах. В 1968 г. Среднедеснинский отряд экспедиции (руководитель Е. А. Горюнов) продолжал поиски древностей I тысячелетия н. э. в районе Новгорода-Северского. Обследован могильник середины I тысячелетия н. э. близ устья р. Смяч и селище у с. Чулатова.

Отряд по изучению древнерусских жилищ (руководитель П. А. Раппопорт) в 1967 г. проводил работы на Ленковецком поселении (окраина г. Черновцы), а в 1968 г. на городище древнего Данилова. В обоих этих пунктах исследовались наземные жилища XIII в.

Новгородская экспедиция (руководитель Ф. Д. Гуревич) в 1966—1967 гг. продолжала археологическое исследование окольного города древнего Новгорода. В исследуемом на территории окольного города могильнике насчитывается более 100 захоронений XI—XIII вв. Продолжены раскопки курганного могильника у дер. Бретьянка. В 1968 г. экспедиция завершила исследование окольного города и начала раскопки на даче.

Соловецкий отряд ЛОИА (начальник А. Н. Кирпичников) в 1968 г. проводил исследование крепости Соловецкого монастыря. Найдены три железные пушки XVI—XVII вв. и несколько сот ядер.

В 1968 г. начала работать Мангазейская комплексная историко-географическая экспедиция Арктического и антарктического научно-исследовательского института при участии ЛОИА, исследовавшая кремль и посад

древнего сибирского города Мангазеи (в работах экспедиции принял участие сотрудник ЛОИА О. В. Овсянников).

Вышли из печати следующие монографии: И. И. Ляпушкина «Славяне Восточной Европы накануне образования Древнерусского государства» (1968 г.), П. Н. Третьякова «Финно-угры, балты и славяне на Днепре и Волге» (1966 г.), М. К. Каргера «Памятники архитектуры Новгорода XI—XVII веков» (1966 г.), П. А. Раппопорта «Военное зодчество западнорусских земель X—XIV вв.» (1967 г.), А. Н. Кирпичникова «Древнерусское оружие» (вып. I—II, 1966 г.), Ф. Д. Гуревич, Р. М. Джанполадян, М. В. Малевской «Восточное стекло Древней Руси» (1968 г.). Сданы в печать труды: П. Н. Третьякова «У истоков древнерусской народности», «Новые данные о зарубинецкой культуре в Поднепровье» (совместно с ИА АН УССР, под редакцией П. Н. Третьякова), А. Н. Кирпичникова «Снаряжение верхового коня и всадника на Руси IX—XIII вв.» и «Доспех, комплекс боевых средств IX—XIII вв.».



## СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

|              |  |
|--------------|--|
| АП           | — Археологічні пам'ятки УРСР, Київ   |
| АС           | — Археологический съезд  |
| ВДИ          | — Вестник древней истории  |
| ВЛУ          | — Вестник Ленинградского государственного университета                                       |
| ГИМ          | — Государственный Исторический музей   |
| ЗОРСА        | — Записки Отделения русской и славянской археологии Русского археологического общества, СПб. |
| ЗРАО         | — Записки Русского археологического общества, СПб.   |
| ИА           | — Институт археологии АН СССР  |
| ИАК          | — Известия Археологической комиссии, СПб.  |
| ИЭ           | — Институт этнографии АН СССР  |
| КСИА         | — Краткие сообщения Института археологии АН СССР   |
| КСИА АН УССР | — Краткие сообщения Института археологии АН Украинской ССР                                   |
| КСИИМК       | — Краткие сообщения Института истории материальной культуры АН СССР                          |
| ЛГУ          | — Ленинградский государственный университет  |
| ЛОИА         | — Ленинградское отделение Института археологии АН СССР                                       |
| МАО          | — Московское археологическое общество  |
| МАР          | — Материалы по археологии России, СПб.   |
| МДАПВ        | — Матеріали і дослідження з археології Прикарпаття і Волині, Київ                            |
| МИА          | — Материалы и исследования по археологии СССР  |
| МИСО         | — Материалы по изучению Смоленской области, Смоленск   |
| ОАК          | — Отчет Археологической комиссии   |
| ОИПК         | — Отдел истории первобытной культуры Государственного Эрмитажа                               |
| ОИФ          | — Отделение истории и философии АН СССР  |
| ПСРЛ         | — Полное собрание русских летописей  |
| СА           | — Советская археология   |
| ТОДРА        | — Труды отдела древнерусской литературы  |
| САИ          | — Свод археологических источников  |
| УЗЛПИ        | — Ученые записки Ленинградского государственного педагогического института им. Герцена       |
| MW           | — Materialy wczesnosredniowieczne, Warszawa  |
| PA           | — Památky archeologické, Praha   |
| PMMAEL       | — Prace i materialy muzeum archeologicznego i etnograficznego w Łodzi, Łódź                  |
| WA           | — Wiadomości archeologiczne  |

## СОДЕРЖАНИЕ

|   |   |
|---|---|
| Иван Иванович Ляпушкин (некролог) . . . . .     | 3 |
| Список печатных работ И. И. Ляпушкина . . . . . | 5 |

### I. Доклады и дискуссии

|  |    |
|--|----|
| М. А. Тиханова. О раннеславянском поселении в Луке-Врублевской . . . . .                             | 7  |
| В. А. Булкин, В. А. Назаренко. О поздней дате Гнездовского могильника . . . . .                      | 13 |
| Ф. Д. Гуревич. О восточной ориентировке славянских погребений . . . . .                              | 17 |
| Н. Н. Воронин. Погребение коня в срубе в 1149 г. . . . .   | 23 |
| М. В. Малевская. К вопросу о локальных вариантах керамики западнорусских земель XII—XIII вв. . . . . | 27 |
| О. В. Овсянников. О средневековых русских лыжах . . . . .  | 35 |

### II. Полевые исследования

|  |    |
|--|----|
| Е. А. Горюнов. Поселение у села Чулатово . . . . .                                 | 41 |
| И. П. Русанова. Жилище VIII—IX вв. у села Буки на Житомирщине . . . . .            | 46 |
| В. В. Седов. Грицковские курганы . . . . .   | 52 |
| Г. Ф. Корзухина. Курганы в урочище Плакуи близ Ладоги . . . . .                    | 59 |
| Г. Ф. Соловьева. Славянские курганы близ села Новый Кривск . . . . .               | 65 |
| Ю. В. Кухаренко. Погребения XI—XII вв. на могильниках у деревни Велемичи . . . . . | 69 |
| Т. Н. Никольская. Древнерусский Серенск — город вятических ремесленников . . . . . | 73 |
| П. А. Раппопорт. Данилов . . . . .   | 82 |
| М. В. Седова. Предметы вооружения из Ярополча Залесского . . . . .                 | 87 |

### III. Заметки и рецензии

|  |     |
|--|-----|
| М. Д. Полубояринова. Костяная печать из Серенска . . . . .   | 95  |
| К. В. Павлова. Литейная формочка из города Данилова . . . . .  | 98  |
| А. Н. Кирпичников. Крюк для натягивания самострела (1200—1240 гг.) . . . . .   | 100 |
| Г. К. Вагнер. Rupert Feuchtmüller. Die steinerne Bibel. Die romanische Kirche von Schöngrabern. Mit 80 Lichtbildern von Marga Pollak. Wien—Linz—München, 1962. . . . . | 103 |

### Хроника

|   |     |
|---|-----|
| Т. И. Макарова. Работа сектора славяно-русской археологии ИА АН СССР в 1968 г. . . . .  | 106 |
| О. В. Овсянников. Работа группы славяно-русской археологии ЛОИА в 1966—1968 гг. . . . . | 110 |
| Список сокращений . . . . .   | 114 |



Памятники  
славяно-русской археологии  
*КСИА, вып. 125*

*Утверждено к печати  
Ордена Трудового Красного Знамени  
Институтом археологии  
Академии наук СССР*

Редактор *А. Е. Сидоренко*  
Редактор издательства *Г. В. Монсеева*  
Технический редактор *В. И. Зудина*

Слито в набор 27/X 1970 г. Подписано к печати 13/V 1971 г.  
Формат 70×108<sup>1/16</sup>. Усл. печ. л. 10,15. Уч.-изд. л. 9,2.  
Тираж 2000 экз. Т-08528. Тип. лж. 1325. Бумага № 1.  
Цена 58 коп.

Издательство «Наука»  
Москва, К-62, Подсосенский пер., д. 21

1-я типография Издательства «Наука»  
Ленинград, В-34, 9 линия, д. 12